

Б-56926/
2

**АРХЕОГРАФИЯ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТЕКСТОЛОГИЯ
ЮЖНОГО УРАЛА**

УФА—1977

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ АН СССР
ЮЖНОУРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОГРАФИЯ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТЕКСТОЛОГИЯ
ЮЖНОГО УРАЛА

К

Уфа — 1977

431 (башк) + 431 (башк) +
+ 902,93 (башк) + 902,93

Утверждено к изданию
РИСО БФАН СССР

Настоящий сборник является первой издаваемой на Южном Урале работой в области лингвистической текстологии.

В него включены статьи, в которых раскрываются принципы систематизации и каталогизации тюркских рукописей, приемы сравнительного изучения вариантов одного и того же памятника, анализируются отдельные источники по тюркским и русскому языкам, публикуются тексты памятников.

Книга предназначена для широкого круга специалистов и читателей, интересующихся проблемами текстологии.

Редколлегия: Т. М. ГАРИПОВ, Р. Г. КУЗБЕВ
(отв. редактор), З. Г. УРАКСИЙ,
Р. Х. ХАЛИКОВА

Б-26 222

~~197810~~

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Лингвистическая текстология и историография башкирского языкознания стала развиваться в заметных масштабах лишь в последние годы. Публикация и изучение письменных памятников литературного языка «тюрки» в его уральско-поволжском варианте способствуют укреплению источниковедческой базы исследований по истории башкирского литературного языка, помогая выяснению отношения «тюрки» к башкирскому разговорному и письменному литературному языку, а также выявлению наиболее характерных черт «тюрки» Урала, Поволжья и Средней Азии. В то же время методика историко-филологического описания этих памятников, подготовка их к публикации и языковой интерпретации разработаны пока еще слабо.

Настоящий сборник, кроме статей по упомянутым темам, составляющих основное его содержание, включает исследования по текстологическому анализу и русских источников.

В ряде статей обсуждаются вопросы адекватного описания текстов, принципы и практика каталогизации, приемы сравнительного анализа различных вариантов одного и того же письменного памятника. Поднимаются проблемы транскрибирования текстов на «тюрки», предлагаются наиболее приемлемые варианты арабографических источников на основе алфавита современных тюркских языков. Некоторые статьи содержат сопоставительное рассмотрение языка письменных данных XVIII—XIX вв. с памятниками более раннего периода. Внимание исследователей привлекается к задачам дальнейшего изучения и публикации болгарских эпитафий и более поздних тюркских надгробных надписей в Урало-Поволжье.

В сборнике публикуются тексты исторических документов XVIII в., а также рукописи башкирских историко-литературных и фольклорных памятников, относящихся к середине и концу XIX в.

В связи с интенсивным накоплением письменных источников Южно-Уральское отделение Археографической комиссии АН СССР придает важное значение разработке принципов описания и созданию единого каталога тюркских средневековых рукописных памятников, выявленных в республиках и

областях Поволжья и Приуралья. По его инициативе, а также в соответствии с рекомендациями II Южно-Уральской археографической конференции (Оренбург, 1975) при научном архиве Башкирского филиала АН СССР создан отдел рукописей и старопечатных книг, в который уже поступают материалы археографических экспедиций научных учреждений БАССР. Публикуемый сборник, содержащий ряд докладов и сообщений, прочитанных на упомянутой конференции в Оренбурге, будет содействовать, как надеются редакция и авторы, дальнейшему развитию отдела рукописей и старопечатных книг научного архива БФАН СССР и превращению его в одно из значительных хранилищ письменных памятников на тюркских языках нашей страны.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ ОПЫТА ОПИСАНИЯ ТЮРКСКИХ РУКОПИСЕЙ

(к вопросам о схеме и типах описаний, систематизации и каталогизации)

Рукописная книга представляет собой концентрированное выражение культуры народа. Правда, в условиях научно-технического прогресса это осознается далеко не в полной мере. Когда же письменность только зарождалась, рукописная книга представляла собой высокий уровень прогресса.

Характерные особенности рукописной книги: ее возникновение, изготовление, бытование и распространение и т. п. — остаются мало освещенными в специальной литературе.

Тюркская рукописная книга, писанная арабскими буквами, насчитывает около тысячи лет существования. В средние века и позднее, вплоть до новейшего времени она писалась и распространялась на Востоке и Западе, включая современные Афганистан, Синьцзян, Индию, Пакистан, Иран, Среднюю Азию и Казахстан, Западную Сибирь, Урал, Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Дагестан и Закавказье, Крым, Турцию, Египет и ряд стран Балканского полуострова (Болгария, Югославия). Она тесно связана с мусульманской рукописной книгой, представляющей огромное культурное наследие народов мусульманского Востока, и является ее третьим компонентом (после арабской и персидской рукописных книг). Среди тюркских рукописей много переводов с арабского и персидского языков. У тюркоязычных народов, исповедовавших или исповедующих ислам, распространялись арабские и персидские рукописи наравне с собственно тюркскими. Часто рукописные сочинения и их списки на всех трех указанных языках объединялись вместе, составляя один сборник. Поэтому в хранилищах оказываются собранными вместе арабоязычные, персоязычные и тюркоязычные рукописи. Эту коллекцию легче обрабатывать, если приступить сразу ко всем рукописям. Методически оправдана такая последовательность: сначала обработать арабские и персидские, а затем тюркские. Практически же

это не всегда удается из-за отсутствия исполнителей. В таких случаях можно выявить все тюркоязычные сочинения и обрабатывать только их.

*
* *

С ростом интереса к исследованию истории и культуры народов Востока изучение памятников письменности получает широкий размах. Опыт, накопленный в этой области, заслуживает обобщения и использования. Необходимо усилить работу по выявлению, сбору и описанию рукописей, путем создания наиболее совершенных типов каталогов облегчить изучение, издание и введение в научный обиход многочисленных памятников письменности тюркских народов.

В рукописохранилищах мира накоплено не менее ста тысяч тюркских арабграфических рукописей. Из них каталогизирована лишь незначительная часть. Из 149 каталогов и списков, изданных в XVIII—XX вв. и содержащих перечень или описание 17495 сочинений и их списков* на различных тюркских языках, только 15—20 каталогов к настоящему времени не потеряли своего значения, среди них каталоги: Г. Флюгеля (Вена, 1865—1867), Ч. Рьё (Лондон, 1888), В. Перча (Вена, 1864; Берлин, 1889), Г. Эте (Оксфорд, 1930, 1935, 1954), Э. Блоше (Париж, 1932—1933), Э. Росси (Рим, 1953), В. Минорского (Дублин, 1958), К. В. Цеттерстеена (Упсала, 1930), Й. Блашковича (Братислава, 1961), каталог исторических и географических рукописей библиотек Стамбула (вып. 1—10, Стамбул, 1943—1951), а также каталоги других хранилищ Турции, изданные, начиная с 50-х годов текущего столетия и позднее, новейшие каталоги, изданные в СССР (Ленинград, Ташкент, Баку, Душанбе, Казань, Алма-Ата), и др.

Описание восточных рукописей, начатое в 50-х годах и ранее в ряде городов (Ленинград, Ташкент, Баку, Душанбе, Ашхабад, Тбилиси¹), активизировало изучение и каталогизацию восточных рукописей и документов в целом². Этому способствовали также решения первой (Москва, 1962) и второй (Ташкент, 1963) сессий по восточной текстологии, проведенных Отделением истории АН СССР и Научным советом АН СССР по координации научно-исследовательской работы в области востоковедения³.

В решениях второй сессии по проблемам каталогизации и описания восточных рукописей и документов было отмечено: в заслушанных докладах определились основные линии работы в области выявления и каталогизации восточных рукописей и документов, хранящихся в различных городах Советского Союза, что является первым условием изучения и публикации этих документов⁴. В

* В это число входят только рукописи, описанные или перечисленные в не повторяющих друг друга печатных каталогах или списках. Суммарные указания о числе рукописей, содержащихся в различных обзорах и сообщениях о фондах различных хранилищ и отдельных коллекциях, приняты во внимание при подсчете лишь общего возможного количества рукописей.

практических предложениях сессии сказано: «Считать первоочередным делом всех востоковедных учреждений СССР, располагающих собраниями восточных рукописей, провести каталогизацию этих собраний в виде: а) инвентарных списков; б) аннотированных списков; в) полных научных описей. Организовать выпуск упомянутых выше типов каталогов и списков в Ленинграде, Ташкенте, Душанбе, Баку, Тбилиси, Уфе...»⁵.

В качестве основы для полного научного описания и составления списков арабских, персидских, таджикских и тюркских рукописей были рекомендованы схемы, выработанные в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. В качестве приложений к решениям были опубликованы материалы, касающиеся основных принципов составления кратких аннотированных списков рукописей на названных языках, схема описания восточных документов и др.⁶

Особо отмечалась необходимость публикации пособий, работ по восточной палеографии, материалов по методике каталогизации и издания рукописей, схемы описаний и т. п.

Очередные задачи по тюркским рукописям стали предметом обсуждения на первом пленарном заседании Советского комитета тюркологов (Москва, 9—10 января 1975 г.). В докладе «О плане работы Советского комитета тюркологов» акад. А. Н. Кононов отметил отставание в области исследования памятников тюркской письменности, несистематический характер их изучения, отсутствие должного подхода к введению в научный обиход первоклассных коллекций рукописей хранилищ Ташкента, Ленинграда, Уфы⁷.

Отметив, что «узким местом» является подготовка критических текстов памятников и их издание, равно как и описание и каталогизация рукописей, ведущиеся пока активно лишь в Ташкенте и Ленинграде, акад. А. Н. Кононов подчеркнул, что в Ленинграде предложено три схемы для описания различных рукописей и что необходимо выработать единообразную схему⁸.

*
* *

Составление полных описаний тюркских рукописей в Ленинграде началось лишь после создания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (1956). Тюркологи-филологи, работавшие в составе Тюрко-монгольского кабинета, поставили задачу составить систематическое описание (каталог) тюркских рукописей, хранящихся в ЛО ИВ АН СССР⁹.

Выборочное описание рукописей было начато еще в 1953 г.; в 1953—1956 гг. эту работу вела Л. В. Дмитриева. С апреля 1957 г. оформился авторский коллектив под руководством и при участии А. Н. Кононова, который начал изучение фонда тюркских рукописей с целью дать его полное описание. Были собраны все материалы, дополнены имеющиеся картотеки, составлены систематические и авторские картотеки, обработаны отдельные коллекции. В результате к 1960 г. оформилась картотека, насчитывающая до

3400 ед. рукописных сочинений и их списков, подлежащих описанию.

Коллектив выработал схему описания (см. ниже), составил общий обзор фонда¹⁰, собрал библиографию¹¹, вел пробное описание ряда коллекций¹², предметных рубрик¹³, списков отдельных сочинений¹⁴, новых поступлений¹⁵, изучение и публикацию отдельных рукописей¹⁶. К 1962 г. была завершена работа над первым выпуском «Описаний», охватившим сочинения по истории и вышедшим из печати в 1965 г.

В дальнейшем уточнялись предметные рубрики, пополнялись картотеки, ибо в ходе описания все еще попадались отдельные сочинения, ранее не обнаруженные и оставшиеся вне картотек. Даже в наиболее изученной части фонда, содержащей сочинения по истории, после завершения работы над первым выпуском «Описания» было обнаружено 42 рукописи, которые авторы включили во второй выпуск¹⁷.

Чтобы не было пропусков, авторский коллектив счел необходимым снова изучить все сборные рукописи, при работе с которыми чаще всего опускаются отдельные сочинения. В ходе этой работы много полезного сделал член авторского коллектива иранист Абдулладжан Мугинович Мугинов (1896—1968), который был специалистом и по тюркским рукописям. В результате изучения до 400 сборников было выявлено более двухсот сочинений и их списков. Количество рукописных сочинений и их списков, подлежащих описанию, дошло до 3600 ед.

В итоге была составлена систематическая рабочая картотека, охватывающая рукописи по следующим более чем сорока рубрикам: акты (документы), арифметика, астрология, астрономия, библиография, биография (поэтов, ученых, суфиев, государственных деятелей и служителей культа), богословие (см. теология), ботаника, ветеринария, военное искусство (стрельба из лука), гадание, география, генеалогия (сочинения генеалогического характера, генеалогические таблицы), геометрия, грамматика (морфология, синтаксис), дидактика (см. этика), документы (см. акты), драматургия, загадки (см. фольклор), история, календари (см. астрономия), каллиграфия, кораническая литература (комментарий на Коран, правила чтения, свойства отдельных сур и отдельных стихов Корана), космография (см. география), лексикография, логика, магия (заговоры, заклинания, талисманы), медицина (лечебники, фармакология), минералогия (трактаты о драгоценных камнях), молитвы (сборники молитв, отдельные молитвы, молитвы с комментариями), морфология (см. грамматика), музыка, охота (трактаты о соколиной охоте и т. п.), педагогика, письмовники (сборники образцов-трафаретов для составления писем), поэзия (все виды стихотворных произведений, включая суфийскую поэзию), право (см. фикх), предания (хадисы), проза художественная (рассказы, сборники рассказов, повести и т. п.), описание путешествий (см. география), религиозные сказания (рассказы легендарного характе-

ра о библейских пророках, пророке Мухаммеде, его потомках и т. п.), риторика, ритуал религиозный (трактаты о не предусмотренных мусульманским правом — фикхом — обрядах верующих), сельское хозяйство, справочники (энциклопедического характера), суфизм, теология (догматика, богословские трактаты и т. п.), уставы (уставы-обрядники ремесленных цехов), физиогномика, фикх (трактаты по мусульманскому праву, обязанностям и обрядам верующих), философия (религиозно-философские сочинения), фольклор (позднейшие фольклорные произведения тюркских народов — сказки, баиты, загадки и т. п.), хронология, энциклопедии (см. справочники), эпиграфика, этика (сочинения этического, дидактического, религиозно-этического, религиозно-дидактического характера), этнография.

Был выработан общий план со следующими пунктами:

I. Сочинения исторического содержания (вошли в выпуски I и II «Описания»).

II. Сочинения географического содержания, акты, библиография, энциклопедия, календари (вошли в выпуск II).

III. Сочинения биографического содержания, естественные и общественные науки, педагогика, логика, медицина, филология (вошли в выпуск III, который ныне готовится к печати; исполнители: Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов).

IV. Поэзия (все стихотворные сочинения, кроме стихотворных фольклорных произведений) составила выпуск IV, сданный в печать в 1969 г.; исполнитель — Л. В. Дмитриева.

V. Художественная проза и фольклор (продолжается работа по описанию этих рубрик; исполнитель — С. Н. Муратов).

VI. Литература по исламу (предварительно обработана С. Н. Муратовым и подготовлена к описанию).

VII. Все прочие рубрики (сочинения по философии, этике и др.).

Описания рукописей, составляющих рубрики, отмеченные в разделах V—VII, составят последующие выпуски каталога.

Работа по предварительному изучению, систематизации и каталогизации больших фондов рукописей состоит из нескольких этапов.

1. Предварительная работа (если рукописи только собраны и не подвергались анализу):

а) освобождение рукописей от пыли, грязи и т. п.; заключение ветхих, расшитых рукописей в удобные для хранения и пользования футляры (папки, картонные крышки и т.п.);

б) установление системы шифровки и шифровка рукописей*;

* В хранилище рукописей ЛО Института востоковедения АН СССР принята следующая система шифровки: рукописям в зависимости от размера присвоены латинские буквенные обозначения — А (рукописи высотой до 18 см), В (от 18 до 24 см), С (от 24 до 30 см), D (от 30 до 40 см), Е (от 40 и более см); справа от буквенных обозначений следуют порядковые номера рукописей отдельно в каждой буквенной серии.

в) пагинирование рукописей с целью установления их объема*;
г) занесение рукописей в инвентарную книгу (с разделами по шифровым обозначениям) с данными: порядковый номер, шифр, название рукописи (если известно), количество листов, от кого и когда поступила рукопись (коллекция) и по какому документу (по акту приемки, дарственной записке, отчету археографической экспедиции и т. п.), особые пометы: наличие или отсутствие переплета, ветхость, другие дефекты и т. п. (вообще же рукопись должна иметь свой паспорт, оформленный в виде небольшого листа, в котором указывается шифр, объем, дефекты, дата реставрации и т. п., ее особенности; этот лист хранится при рукописи и обычно приклеивается к одной из внутренних сторон крышки переплета).

2. Предварительное изучение фонда рукописей (если мероприятия, указанные в п. 1, уже осуществлены) с целью выяснения источников и истории формирования, значения и степени изученности, наличия библиографии по его материалам.

3. Составление перечня каталогов других хранилищ, куда нужно будет обратиться при работе над рукописями; обеспечение составителей необходимыми пособиями.

4. Первичная обработка рукописей (определение языка, названия, автора, предметной рубрики); составление рабочих карточек, на карточках которых кроме указанных выше данных приводятся шифр рукописи и ее объем (количество листов или листы, занимаемые списком сочинения в сборной рукописи), а также другие необходимые данные (например, инвентарный номер, источник поступления, краткая библиография и т. п.).

5. Определение типа описания (типа каталога), выработка принципиальной схемы описания, выработка и освоение системы транслитерации букв арабского алфавита.

6. Установление общего объема работы; составление перспективного плана работы; распределение рубрик по выпускам (томам) будущего каталога; распределение обязанностей (разделов работы) между составителями.

7. Описание рукописей, в ходе которого продолжают уточнение рубрикации, карточек, усовершенствующие схемы описания, уточнение плана работы и т. п.

* * *

В конце 50-х и начале 60-х годов в вопросе о схемах каталогизации восточных рукописей Института востоковедения АН СССР кон-

* Рукописи пагируются полистно — арабские цифры простым карандашом ставятся на левом верхнем углу каждого листа, правая сторона которого при пользовании обозначается буквой «а», левая — буквой «б». Дополнительные листы, не относящиеся к данному списку рукописного сочинения, но имеющие различного рода пометы переписчиков, владельцев и т. п., пагируются отдельно — впереди обозначения листа пишутся нули (один — для листов, предшествующих основной части рукописи, два — для листов, идущих после нее; обозначение объема рукописи может иметь вид: 03+105+004 л.).

курировали между собой два подхода. Одни считали: необходимо описывать рукописи по сравнительно полной схеме; другие придерживались мнения о целесообразности составления лишь аннотированных списков или кратких (алфавитных или систематических) каталогов, чтобы быстрее ввести рукописи в научный обиход.

Аннотированные списки пригодны, если речь идет о небольшом количестве рукописей (коллекции в 50, 100, 200 ед.). Для фонда же тюркских рукописей Института востоковедения, который собирался в течение почти 200 лет и насчитывает до 4000 мелких и крупных сочинений и их списков, выполненных более чем на десяти тюркских языках, такой способ каталогизации, естественно, неудовлетворителен. Аннотированный список не может заменить полного научного описания. При кратком описании многочисленные данные, касающиеся различных сторон рукописей, и сведения, накопленные в ходе предварительной работы над ними, оказались бы вне описаний.

Упомянутая «Схема описания тюркских рукописей» выдержала испытание временем (на ее основе составлено описание четырех выпусков каталога тюркских рукописей) и получила одобрение в ряде отзывов¹⁸. Ниже проиллюстрируем ее структуру.*

I

Вводные данные

Порядковый номер описания — располагается посредине описания.

Шифр рукописи (старый шифр указывается справа от нового, в круглых скобках) — располагается с левого края описания между названием рукописи и порядковым номером описания**.

Язык рукописи (в принятой системе сокращений) — указывается под шифром¹⁹.

Объем и размеры рукописи (количество листов или листы, занимаемые списком в рукописи, размеры листа, размеры места, занятого текстом на странице, количество строк на странице) — располагаются с правого края описания против шифра (объем — на первой строке, размеры — на второй)***.

* «Схема» выработана авторским коллективом (Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов) под руководством и при участии А. Н. Кононова и утверждена Тюрко-монгольским кабинетом 10 ноября 1958 г.; одобрена Методическим бюро по описанию восточных рукописей при ЛО ИВ АН СССР 7 мая 1961 г.; в ряде пунктов дополнена и снабжена примечаниями при подготовке к публикации С. Н. Муратовым.

** В 1929 г. была произведена перешифровка восточных рукописей Мусульманского отдела Азиатского музея, в том числе тюркских рукописей, и была установлена система хранения рукописей по форматам.

*** Для полного представления объема описываемого списка данного сочинения целесообразно указать на среднее количество букв в строке (после цифры, указывающей на количество строк на странице). Отсутствие этих данных в каталогах создает трудности для сопоставления двух списков (описываемого и уже зарегистрированного) по объему.

Примечания. 1. Размеры рукописи указываются в сантиметрах.

2. Все данные об объеме рукописи даются по поздней (европейской) полистной пагинации, а в редких случаях — по имеющейся в рукописи постраничной (европейской) пагинации. Наличие восточной пагинации и отсутствие кустодов оговариваются особо (об этом см. ниже).

2

Основные разделы описания

Разделы выделяются специальными пометами: название, автор, переводчик, аннотация (сочинения), список, библиография; внутри разделов отдельные пункты описаний выделяются красной строкой.

Название

а) название сочинения (приводится в арабской графике в виде заглавия «Описания»);

б) транслитерация (транскрипция) названия (приводится в начале описания после пометы: «Название»)²⁰;

в) перевод названия на русский язык (вслед за этим в круглых скобках указывается лист рукописи, на котором это название дано);

г) основные сведения, касающиеся названия сочинения (перечисляются другие названия: форма названия, приводимая в данной рукописи, названия авторские, обиходные, данные исследователями и т. п.);

д) название оригинала (для переводного сочинения).

Примечания. 1. Авторскому названию, приведенному в описываемом списке, дается предпочтение, и под этим наименованием сочинение включается в «Каталог». Если таковое отсутствует, то отдается предпочтение авторскому, установленному по другим спискам этого сочинения; далее следуют названия, установленные путем исследования.

2. Названия авторские, указанные в описываемом списке, приводятся без оговорок; особо указывается на отсутствие названия в описываемой рукописи, на факт установления его косвенными путями.

3. Если описываемое сочинение представляет собой перевод, обработку, комментарий и т. п. и имеет название, данное переводчиком, автором обработки, комментария и т. д., то описание помещается в «Каталоге» под этим наименованием с указанием сочинения, с которого сделан перевод.

4. Неавторские названия, за исключением общепринятых и закрепившихся в научной литературе, приводятся в квадратных скобках.

Автор

а) полное имя автора в арабской графике и транслитерации (в круглых скобках указывается, на каком листе рукописи это имя дано);

б) другие известные формы имени автора (в арабской графике и транслитерации), а также имя, приводимое в описываемой рукописи;

в) сведения об авторе (для неизвестных и малоизвестных авторов приводятся факты, извлеченные из описываемой рукописи, из существующих каталогов и других справочников, а для известных — только даты их жизни);

г) место, время и обстоятельства написания автором сочинения.

Примечания. 1. Все даты в описаниях приводятся по хиджре с переводом на европейское летоисчисление. Приблизительное время написания сочинений и переписки рукописей указывается в веках в пределах одного столетия²¹.

2. Названия мест написания сочинения или переписки рукописей, если они малоизвестны, приводятся также в арабской графике.

Переводчик (для переводных сочинений).

О переводчике и его переводе даются такие же сведения, как об авторе и его сочинении. (см. выше раздел «Автор»).

Аннотация

а) краткая общая характеристика сочинения на основе данных, имеющихся о нем в научной литературе, независимо от его описываемого списка (область знания, научное значение, степень известности, распространенности и т. п.);

б) источники сочинения;

в) кратко о структуре сочинения (деление его на тома, части, главы и т. п.).

Примечания. 1. Если описываемая рукопись не упоминается в существующих каталогах и представлена в фондах Института единичным списком, то все сведения об этом сочинении (значение, содержание, структура, источники, характеристика описываемого списка) даются в разделе «Список» с оговоркой, что описываемое сочинение представлено только этим списком, а раздел «Аннотация» опускается. Такой порядок описания принимается и для автографов, представленных в фондах в единственном экземпляре.

2. Если описываемое сочинение не упоминается в каталогах и представлено двумя и более списками, то они описываются в обычном порядке: в разделе «Аннотация» дается общая характеристика сочинения на основе данных, содержащихся в его списках, а в разделе «Список» каждый раз дается характеристика описываемого списка.

г) издание сочинения (исследования, издания текста, перевода и т.п.). Данные сведения даются в общей форме, а полностью они приводятся в разделе «Библиография».

Список

а) общая характеристика (полнота, законченность или незаконченность, дополнительные данные о названии, об авторе, месте, времени написания и т. п., содержащиеся в данном списке);

б) структурные особенности в сравнении с другими известными (по каталогам, исследованиям, изданиям и т. п.) списками сочинения; если данная рукопись представлена единственным списком, то обязательно раскрывается его содержание путем перечисления названий разделов и глав;

в) начало и конец рукописи неполных списков приводятся после помет: «начинается со слов», «прерывается словами», после слов «Начало», «Конец» в круглых скобках указываются листы, которые содержат приводимые в описаниях начало и конец рукописи;

г) место, время переписки рукописи (в тех случаях, когда имеются сведения, указывается дата списка, с которого скопирован данный список);

д) имя переписчика (в арабской графике и транслитерации и указывается лист, где приведено имя);

е) автограф, копия с автографа автора или сверенный с автографом список (данные приводятся в том случае, когда описываемая рукопись выполнена самим автором или имеется указание, что список является копией с автографа автора или сверен с авторским экземпляром);

ж) приписки, печати (по возможности приводятся легенды на печатях, имена владельцев, наиболее значительные приписки, касающиеся истории рукописи и т. п.);

з) коллекция (указывается сокращенное название; год поступления ее в хранилище и номер рукописи в списке коллекции; если обстоятельства поступления рукописи неизвестны, то указывается год ее первичной фиксации в инвентарной книге со ссылкой на регистрационный номер);

и) внешние данные списка:

Характер пагинации (особо оговариваются: наличие постраничной или полистной восточной и постраничной европейской пагинации; отсутствие кустодов);

бумага (ее вид, цвет, наличие водяных знаков*);

чернила (их цвет) или другой материал, которым писана рукопись;

почерк (его вид);

художественные особенности списка (унваны, заставки, миниатюры, орнаментированные поля, рамки вокруг текста и т.п.);

переплет (его особенности — картонный, кожаный; картонный, обтянутый кожей; реставрированный; новый — когда и из какого материала сделан; покрытый лаком, с клапанами, тиснениями и другими украшениями; особо оговаривается отсутствие переплета);

к) дефектность (отмечаются все крупные дефекты: утрата листов, механические или иные повреждения текста, неправильный

* Использование водяных знаков (филиграней) для датировки рукописей из-за отсутствия должных пособий в наших описаниях осуществляется частично и только в тех случаях, когда водяные знаки содержат указание на год производства бумаги.

порядок листов в рукописи, местонахождение и объем лакун; ветхость рукописи и т.п.).

Библиография

- а) упоминание, описание, перевод и издание данной рукописи (данного списка);
- б) описание сочинения по другим спискам в наиболее полных каталогах или в единственном каталоге, где оно описано;
- в) издание, перевод сочинения по другим спискам;
- г) дополнительная литература (об авторе, сочинении, данном списке и т. п.) ²².

3

Порядок сведения описаний в тома или выпуски

1. Описания в «Каталоге» располагаются по систематическому принципу.

2. Внутри разделов (предметных рубрик) описания располагаются в хронологической последовательности написания сочинений.

3. Описания различных списков одного и того же сочинения располагаются в хронологической последовательности их переписки. Описание одного из наиболее ранних и полных по объему списков помещается первым и имеет в заголовке название сочинения в арабской графике; другие списки (второй, третий и т. д.) располагаются также в хронологической последовательности после описания первого списка под пометой «То же», с присвоением им соответствующего порядкового номера (из списков, имеющих одинаковую дату переписки, более полные располагаются перед менее полными).

4

Аппарат

Перед описаниями (после «Предисловия»)

Список сокращений: а) библиографических, б) обозначений лекций, в) обозначений языков, г) технических.

После описаний

I. Указатель названий сочинений: а) в арабской графике, б) в транслитерации.

II. Указатель имен:

- 1) авторов: а) в арабской графике, б) в транслитерации;
- 2) переводчиков: а) в арабской графике, б) в транслитерации;
- 3) лиц, по поручению (при содействии) которых написано (переписано) сочинение или кому оно посвящено;
- 4) переписчиков: а) в арабской графике, б) в транслитерации;
- 5) владельцев рукописей, а также других лиц, содержащихся в приписках и печатях на рукописях;

б) других лиц, упомянутых в описаниях.

III. Указатель географических названий: а) места составления сочинений, б) места переписки рукописей, в) другие географические названия, содержащиеся в описаниях.

IV. Хронологический указатель: а) время составления сочинений, б) время составления переводов, в) время переписки рукописей.

V. Указатель языков сочинений.

VI. Указатель автографов.

VII. Указатель рукописей, имеющих художественные особенности.

VIII. Указатель коллекций.

IX. Указатель соответствий шифров рукописей и номеров описаний.

X. Указатель соответствий старых и новых шифров рукописей.

Примечание. Перечисленными выше указателями снабжается каждый выпуск «Каталога». После издания всего «Каталога» составляются сводные указатели ко всем выпускам*.

* * *

Полный научный каталог восточных, в данном случае тюркских, рукописей — сугубо справочное пособие, содержащее основные данные о рукописях. Без такого пособия по каждому из существующих фондов и коллекций рукописей невозможно выявление и исследование того или иного рукописного сочинения, составление сводных критических текстов, перевод и издание этих сочинений с полным охватом их списков, которые могут находиться в разных хранилищах.

Каталог должен быть удобным для пользования, а данные (о содержании, объеме, оформлении рукописей) должны позволить сравнить и идентифицировать любые списки данного сочинения, описание которых осуществляется в другом месте и в различное время.

Предлагаемая схема соответствует созданию такого каталога. Она может быть приспособлена и использована для описания и других коллекций тюркских рукописей. Однако схема сама по себе еще не решает всей проблемы. Главное — наличие квалифицированных специалистов. Подготовка специалистов для работы над рукописями требует особых забот и усилий.

* Справочный аппарат должен быть дополнен указателем этнических названий, встречающихся в описаниях.

¹ См. библиографию по тюркским рукописям: Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. Каталоги, списки и обзоры тюркских рукописей XVIII—XX вв. — Письменные памятники Востока. М., 1972, с. 145—177.

² Сбор и публикация документов пока отстает от возросших потребностей их изучения и использования. Однако и в этой области появился ряд публикаций. Вопросы археографии, источниковедения и текстологии были обсуждены на конференциях в Уфе (1972) и Оренбурге (1975); см. З. Г. Уракин, Р. Х. Халикова. Вторая Южноуральская археографическая конференция (26—28 мая 1975 г.). — «Советская тюркология», 1975, № 4, с. 113—115; Южноуральский археографический сборник, вып. I. Уфа, 1973 (здесь опубликованы материалы Первой Южноуральской конференции по археографии, источниковедению и архивоведению (Уфа, 1972)).

³ См.: Решения первой и второй сессий по восточной текстологии. М., 1964, с. 38.

⁴ Там же, с. 4.

⁵ Там же, с. 5.

⁶ Там же, с. 10—38.

⁷ См.: Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская. Первое пленарное заседание Советского комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1975, № 2, с. 111.

⁸ Там же, с. 112.

⁹ История формирования фонда тюркских рукописей ЛО ИВ АН СССР см.: Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии [Академии наук СССР], I. История. Под ред. А. Н. Кононова. М., 1965, с. 3—6; А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов, А. Х. Нуриахметов. Тюркские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР. М., 1960.

¹⁰ Л. В. Дмитриева. Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР. — «Проблемы востоковедения», 1959, № 4, с. 136—146; А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов, А. Х. Нуриахметов. Тюркские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов).

¹¹ Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. Каталоги, списки и обзоры тюркских рукописей XVIII—XX вв. — Письменные памятники Востока, 1969. М., 1972, с. 145—177.

¹² А. М. Мугинов. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.

¹³ Л. В. Дмитриева. Турецкие медицинские рукописи в собрании Института народов Азии. — «Страны и народы Востока», II. М.—Л., 1961, с. 251—257; Рукописи старейших тюркоязычных памятников в собрании Института народов Азии. — «Материалы Восточной комиссии Географического общества СССР, I. Л., 1962, т. 34—36; Рукописи диванов тюркских поэтов в собрании Института народов Азии. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1965, № 69, с. 60—76, а также другие работы.

¹⁴ Л. В. Дмитриева. Ленинградские рукописи «Гариб-наме» Ашикпаши. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1, с. 176—178. А. Х. Нуриахметов. «Искандер-наме» Ахмади в рукописных собраниях Ленинграда. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1965, № 69, с. 136—151.

¹⁵ С. Н. Муратов. Восточные рукописи из архива академика В. В. Радлова (в печати).

¹⁶ Алишер Навои. Диван. Введение, подготовка текста, указатели Л. В. Дмитриевой. М., 1964. С. Н. Муратов. Башкирская сказка в записи А. Г. Бессонова из рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. — «История, культура, языки народов Востока». М., 1970, с. 178—189.

¹⁷ Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института востоковедения АН СССР, II. История, акты, библиография, энциклопедия, география, календари. М., 1975.

¹⁸ Veselá-Pzenosilová Z.: Dmitrieva L. V., Muginov A. M., Muratov S. N. Opisanije tjurkskich rukopisej Institutu Narodov Azii, I. Istorija. Pod red. A. N. Kononova. Moskva, 1965. — «Archiv orientální»

V
Ceskoslovenska akademie ved. Orientální ustav. 35/3, 1967, p. 495—496;
M a x i m M.: — «Studia et acta orientalia», V—VI, Bucarest, 1967, p.
444—448.

¹⁹ Систему сокращенного обозначения языков см.: Описание тюркских рукописей..., I «История, с. 16; о критериях, принятых авторами для определения языка рукописей, см. в предисловии к «Описанию тюркских рукописей...», II».

²⁰ Система транслитерации (с элементами транскрипции) указана в справочных разделах всех выпусков «Описания тюркских рукописей...».

²¹ Практически время написания и переписки определялись также и в пределах полстолетия. См. хронологические указатели в «Описании тюркских рукописей..., I», История, с. 247—249.

²² В наших описаниях библиографические сведения о рукописях даются в условных сокращениях (систему таких сокращений см. в предисловиях «Описания тюркских рукописей... I, II»).

ТРАНСКРИПЦИЯ ИЛИ ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ?

(О принципах текстологического воспроизведения арабграфических источников на урало-поволжском «тюрки»)

Процесс записи текста на любом языке ставит пишущего перед дилеммой: ориентировать ли читающего на возможно более точное произнесение зафиксированных звуков независимо от орфографических норм и вообще графических особенностей (транскрипция) либо предоставить в распоряжение читателей тот же текст, переданный знаками другой — предполагается, более легкой для восприятия или воспроизведения — письменности, не стремясь при этом во что бы то ни стало имитировать реальность артикулированных некогда звуков (транслитерация).

Подавляющее большинство синхронно-тюркологических исследований использует так называемую «академическую» транскрипцию, введенную в научный обиход с последней трети XIX в. В. В. Радловым¹. Широко известны также проект единой фонетической транскрипции для тюркских языков, предложенный Н. А. Баскаковым², графемика издателей «Оснований тюркской филологии»³ и др.

При изучении же старописьменных памятников, не дающих возможности экспериментально воссоздать живое звучание речи тюрков прошлых эпох, приходится обращаться к транслитерации. Следует напомнить, что в лингвистической практике транскрипция и транслитерация нередко переплетаются, а это приводит подчас к разному чтению одного и того же знака. К примеру, арабскую литеру «гъайн», произносимую самими арабами с перерывом в голосе, в условиях Урало-Поволжья обычно читают на местный лад, т. е. как башкирско-татарское *г*, хотя при строгом подходе последнее должно было бы соответствовать арабской графеме «гъайн». Невольно припоминаются эпизоды из некоторых диалек-

тологических поездок по районам Башкирии, когда старые книги на «тюрки» или тексты на татарском языке, выполненные арабским шрифтом, читались отдельными информантами вслух по-башкирски с регулярными субституциями *ч—с, с—h, з—з* и под. Обратные случаи чтения современной башкирской периодики по-татарски наблюдаются в северо-западных районах республики.

«Своеобразный сплав транслитерации и фонематической транскрипции (его условно можно было бы назвать трансграфикой, а слова в передаче трансграфикой — трансграммами) сложился в тюркологии исторически и объясняется особенностями древнетюркских графических систем — наличием одного знака для нескольких фонем и нескольких знаков для одной фонемы»⁴.

Мы в своем опыте палеографического анализа тюркоязычных текстов дореволюционного Урало-Поволжья базируемся на специально разработанной методике воспроизведения старографических памятников, основные приемы которой сводятся вкратце к следующим положениям: 1) знаки традиционных восточных азбук (главным образом, арабской и персидской), имеющие в современном башкирском (или татарском) алфавите на русской графике однобуквенные эквиваленты, передаются как *а, б, в, г, д, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, э, ы, ь, я*, а также *Ғ, Җ, ҙ, к, ң, ө, ҫ, ҫ, һ, ә* (всего их насчитывается 40);

2) прочие однопорядковые знаки изображаются ближайшими графическими соответствиями, в частности заглавными буквами *А, Б, В, Д, Е, Ж, З, И, Й, Л, О, П, С, Т, Ф, Х, Ч, Ъ, Ы, Ь, Э*, а также *Ӣ, Ө, Ү, Һ, Ә* (всего 26);

3) знаки, прямые эквиваленты которых отсутствуют в языке передачи, воспроизводятся условно в виде лигатур, диакритик и небуквенных обозначений: так, «алиф» выражается *1* (единицей, совпадающей с его цифровым соответствием по абджаду) — ибо, не обладая самостоятельным звучанием, он служит лишь знаком долготы предшествующей огласовки «фатхи» или является графической подставкой для «хамзы», называясь в этом случае «алифом мамдуда», т. е. «удлиненным»; для слитного консонанта *дз* используется графема *3*, предложенная В. В. Радловым⁵; далее следуют надстрочные знаки вроде апострофа для хамзованных написаний либо типа обозначения геминат.

Все огласовки передаются по тем же принципам, что и самостоятельные буквы: «фатха» — *а*, «кясра» — *и*, «дамма» — *у*, «ташдид» — удвоением согласного.

Таким образом набирается до 88 графем, совокупности которых вполне достаточно для экспликации текста любой сложности. Как видно, практически этот способ воспроизведения старописьменных текстов ближе всего смыкается с транслитерацией. На наш взгляд, данная методика, не связанная с необходимостью немедленного транскрипционного озвучивания текстов, принципиально отличается от ранее употреблявшихся и ныне употребляемых приемов чтения арабографических памятников прежде всего тем,

что она дает возможность более точно, достоверно и, главное, однозначно представить буквенный, графемный (но, разумеется, не звуковой, фонетический) состав любого слова из языка-источника.

К примеру, если мы протранслитерируем часто встречающуюся в текстах фамилию 'Пугачев' в виде бVкIчVф, всем будет ясно, что в подлиннике написано не *бугэсэу*, не *пугачоф* и т. п.

С другой стороны, указанная методика не позволяет чересчур свободно обращаться с текстами, произвольно осовременивая и локализируя их, что наблюдается, к сожалению, во многих публикациях старотюркских текстов Урало-Поволжья. Достаточно сослаться на практику издания документов по истории и культуре тюркских народов Башкирии и соседних республик. Так, в журнале «Агидель» наряду с фоторепродукциями рукописей периода деятельности Салавата Юлаева несколько лет назад были даны и их так называемые *күсермәләр* 'копии', хотя вернее было бы именовать последние *тәржемәләр* 'переводами'. В самом деле, в оригинале написано *бйурлду*, а в 'копии' *бойоролалыр*; *вурлргә*, а не *ворзарга*; *Жін*, а не *йән*; *Сүгүш*, а не *хугыш*; *дйб*, а не *тин*; *члургә*, а не *сыгарырга*; *сзкй*, а не *һезки* и пр.⁶

Более последовательны в этом отношении транскрипции нарративных источников по дореволюционному Урало-Поволжью, хотя и они местами не свободны от ряда позднейших наслоений⁷.

Необходимо оговориться, что транслитерация отнюдь не исключает последующего применения транскрипции — напротив, первая является той базой, на которой могут и должны строиться различные варианты транскрипций; среди последних же гораздо легче выбрать наиболее приемлемую для большинства исследователей, исключаящую ошибки и проявления субъективизма. Например, если текстолог имеет дело с графемами *Iйдй*, *Икр*, *йкт*, *кйнIмк*, *нoI'й*, он может прочесть их как *эйде*, *экар*, *йекет*, *кыйнамак*, *наваи*, либо *айды*, *эгэр*, *йегет*, *кайнамак*, *наВави* — налицо разночтения, выходом из которых как раз служит транслитерация, позволяющая на единообразной графической основе сближать разные фонетические точки зрения.

Трудности транслитерирования арабских букв для гласных и условности различения согласных *к/г*, *ч/ж* и *б/п* неоднократно подчеркивались многими тюркологами⁸. Подчас подобные трудности оказываются почти непреодолимыми, в частности никак не обоснован выбор графемы *ж*, а не диграфы *дж* для передачи арабской литеры «джим» в новейших казахских текстологических разысканиях⁹.

Обращаясь к принятой в нашей археографической практике последних лет¹⁰ системе трансграф и их соответствий с оригинальными начертаниями в инографичных алфавитах, легко убедиться, что в целом эта система носит предпочтительно фонематический характер. Незначительные отклонения сводятся к выделению некоторых аллофонов, а также замене традиционных скобок в фонологической записи курсивным написанием приводимого звуко-

типа или комплекса звукотипов. Орфографические условности при этом, естественно, в расчет не принимаются.

В заключение хотелось бы представить некоторые соображения о принятом редакцией журнала «Советская тюркология» («СТ») транскрипционном списке на базе Интернационального фонетического алфавита, канонизированного в 1951 г. Опыт публикации на страницах журнала старотюркских, особенно арабографичных памятников, убеждает нас в необходимости отдельных дополнений и частичных модификаций, касающихся следующих знаков:

1) ∂' — здесь излишня диакритика мягкости, которую можно присоединять к любому консонанту, в том числе и к ∂ ;

2) следует разграничить h и \dot{h} для «ха-йэ хэввэз и хотти» арабской графики;

3) наряду с имеющимся губно-зубным v надо включить губно-губной w («вав»);

4) необходимо дополнить список знаками d для «дад», s для «сад», t для «та-йэ хотти», z для «за», ' (апостроф) для «хамзы» и ' для «айна»;

5) желательно уточнить порядок подачи графем в «МФТ-СТ»: a ,

\ddot{a} , e , i , o , \ddot{o} , u , \ddot{u} , y ; b , c , $\overset{v}{c}$, d , $\overset{v}{d}$, z , f , g , h , \dot{h} , x , j , k , l , m , n , ng , p ,

q , r , s , $\overset{v}{s}$, t , $\overset{v}{t}$, v , w , z , $\overset{v}{z}$, ' . Заодно хорошо было бы несколько компактней и симметричней представить полиграфическое оформление индекса.

Очевидно, предложенные пожелания¹¹ отражают лишь личную точку зрения рядового читателя «СТ», однако не исключено, что они найдут отклик и у других тюркологов, кровно заинтересованных в дальнейшем совершенствовании своего научно-теоретического органа.

Далее следует конкретный перечень используемых нами трансграф как структурных разновидностей графем и фонем¹², входящих в системы описываемых языков Урало-Поволжья.

a — заднерядный неогубленный широкий; арабская «фатха».

a° — огубленный «а» (например, в анлауте татарских слов).

A — русский аллофон неузких фонем (в первых предударных слогах после твердых согласных заимствованных слов).

I — арабский «алиф» в тюркских словах старописьменных памятников.

b — билабиальный взрывной звонкий шумный; арабский «ба».

B — спирантизованный аллофон, средний между b и B .

v — лабиодентальный звонкий спирант.

V — билабиальный звонкий спирант типа английского «дабл-ю»; см. также v .

v — арабский «вав».

z — заднеязычный взрывной звонкий шумный; персидский «гаф».

- ғ** — увулярный звонкий спирант; арабский «гайн».
д — переднеязычный взрывной звонкий шумный; арабский «даль».
д^г — башкирский диалектный аллофон, средний между *д* и *т*.
Д — арабский «дад».
е — переднерядный неогубленный полуширокий редуцированный (преимущественно в урало-поволжских кыпчакских языках).
Е — асингармонический аллофон татарских редуцированных кроме *е* (чаще всего после *й* — например, в словах *бойЕк* 'грустный', *бөйЕк* 'великий', *йЕлак* 'плакса'; башкирский аллофон, средний между *ы* и *е*, возникающий в аффиксах после заимствованных основ — например, *цехЕ* 'его цех', *трЪктА-ристЕ* 'тракториста' (винительный падеж).
ж — переднеязычный звонкий шумный двухфокусный спирант; «за-у фарси».
Ж — звонкая аффриката *дж*; арабский «джим».
ж — татарский переднеязычный звонкий шумный удлиненно-фокусный спирант.
з — переднеязычный звонкий шумный кругло-щелевой; арабский «зейн».
З — арабский «за».
з — межзубной звонкий спирант; арабский «заль».
З — казанско-татарский аллофон *з*, так называемый «шепелявый *д*».
З — звонкая аффриката *дз*.
и — переднерядный неогубленный узкий; арабская «кясра».
И — русский «и, склонный к э» в первых предупредительных слогах после мягких согласных¹³; в тюрки может читаться как *и* или *е*, а в рунике как *и* или *Ы*.
й — среднеязычный спирант «йот».
й^ж — башкирский диалектный аллофон, средний между *й* и *ж*.
Й — назализованный «йот» в восточнотюркских языках.
к — заднеязычный взрывной шумный глухой; арабский «кяф».
к — увулярный взрывной шумный глухой; арабский «каф».
л — апикальный латерал; арабский «лям».
Л — какуминальный («твердый») аллофон латерального *л*.
м — билабиальный носовой взрывной сонант; арабский «мим».
н — переднеязычный носовой сонант; арабский «нун».
ң — заднеязычный носовой сонант; «сагыр кяф» в тюркских памятниках арабского письма.
о — заднерядный огубленный полуширокий редуцированный (преимущественно в урало-поволжских кыпчакских языках).
О — общетюркский «о» полного образования; русский ударный «о».
ө — переднерядный огубленный полуширокий редуцированный (преимущественно в урало-поволжских кыпчакских языках).
ө^о — слабо огубленный *э* в башкирском *өлөш* 'раздавай'¹⁴.
Ө — общетюркский «ө» полного образования, немецкий «о-умляут».
п — билабиальный взрывной шумный глухой; «ба-у фарсийат».
П — оглушенный аллофон *б*.
р — вибрант; арабский «ра».

- c* — глухой сибилант; арабский «син».
c^ч — диалектный аллофон, средний между *c* и *Ч*¹⁵.
C — арабский «сад».
ç — межзубной глухой спирант; арабский «са».
m — переднеязычный взрывной шумный глухой; арабские «та» и «та марбута».
T — «та-йэ хотги» арабской графики.
y — заднерядный огубленный узкий; арабская «дамма».
y — переднерядный огубленный узкий; немецкий «у-умлаут».
Y — рунический Θ (в первом слоге) или γ (во всех слогах).
ф — губно-зубной аллофон Φ ; арабский «фа».
Ф — билабильный шумный глухой спирант.
x — вулярный шумный глухой спирант; арабский «ха».
X — «ха-йэ хотги» арабской графики.
h — фарингал; «ха-йэ хэввэз» арабской графики.
h — кызылско-бурзянский комбинаторный аллофон, *h* с призвуком *x*, возникающий после гласных и перед *k*, *к*, а у карагай-кыпсаков и перед *m*¹⁶.
ц — глухая аффриката *тс*.
ч — глухая аффриката *тш*; персидский «чим».
Ч — татарский удлиненно-фокусный глухой спирант.
ш — двухфокусный глухой спирант; арабский «шин».
щ — русский долгий мягкий «шш».
э — арабский «айн».
Ъ — русский аллофон неузких фонем в предпредударных и заударных слогах после твердых согласных.
ы — заднерядный неогубленный полуузкий редуцированный (главным образом в тюркских языках Урало-Поволжья и Казахстана).
Ы — общетюркский и русский «ы» полного образования (полуузкий).
ь — фонологическая палатализация согласных в русском языке.
Ь — русский аллофон неузких фонем во вторых предударных и заударных слогах после мягких согласных.
э — общетюркский переднерядный неогубленный полуширокий; персидский «зир»; для русских слов — только в ударных слогах.
Э — немецкий «а-умлаут»; в тюркских языках может обозначать *э* или *ә*.
ә — межтюркский переднерядный неогубленный широкий; персидский «зэбэр».
Ә — огубленный аллофон *ә* в башкирском *көрәш* «борьба»¹⁷.
 \emptyset — отсутствие звука; нулевая фонема; арабский «сукун» (для гласных после согласных).
— — общее изменение без конкретизации по чередованиям, соответствиям, переходам.
= — равенство, совпадение.
/ — соответствие в родственных говорах, диалектах, языках.

- // — позиционное чередование в пределах одного говора, диалекта, языка, языковой общности; параллельное употребление.
-) (— конфронтация, оппозиция, противопоставление, противоположение.
- ← — развилось (перешло) из...
- — развилось (перешло) в...
- ? — ставится после: а) звука или звукокомплекса, произношение которого не вполне ясно; б) формы, значение или происхождение которой также не ясно.
- ?? — эмическая единица, приписывание которой данному языку сомнительно.
- * — реальная или условная форма (праформа), исходная для ее позднейших зафиксированных продолжений.
- б — палатализация согласных в тюркских языках, степень фонологичности которых неизвестна.
- — долгота.
- ' — ларингал; арабская «хамза».

¹ См. об этом: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. М., 1963—1964 (фотомеханическая репродукция с издания: СПб., 1893—1911), т. I, с. II—III, V и IX—XV.

² Н. А. Баскаков. О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков. М., 1959. Ср. также: Е. И. Убрятова. Некоторые вопросы графики и орфографии письменности языков народов СССР, пользующихся алфавитами на русской основе. М., 1959 (без тит. л.).

³ *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959, т. I, р. XIV—XV.

⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XIV.

⁵ В. В. Радлов. Указ. соч., с. XIII.

⁶ Э. Усманов. Салауат Юлаев кулъязмалары. — «Агизел», 1962, № 8, 83—93-әнсө бит. Ср. также Ф. Н. Киреев. Некоторые приемы текстологической работы с источниками на тюркских языках. — «Советские архивы», 1966, № 1, с. 79—81.

⁷ Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 304—305; К. З. Хэмзин һәм башкалар. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965, 865—2 бит; Э. Харисов. Башкорт халкының әзеби мирасы. Өфө, 1965, 416 бит.

⁸ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. 1963, с. 5; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М., 204 с.; Е го же. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, 274 с.

⁹ См., например: А. К. Курмышанов. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв. Алма-Ата, 1973, с. 21—22; Е го же. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата, 1970, с. 47.

¹⁰ См.: Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1974, 23 с.; Е го же. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии. — «Языковые контакты в Башкирии». Уфа, 1972, с. 3—4, 19—211 и 247—267.

¹¹ Указанные коррективы были изложены автором статьи в письме от 30 июня 1974 г. на имя редакции журнала, после чего мы с удовлетворением констатировали совпадения наших позиций по поводу устранения из транскрипции *k'* и введения *q* — см.: «Советская тюркология», 1975, № 2, с. 125.

¹² Ср. определения терминов 'граф(а)' и 'графема' в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966, с. 116—117).

¹³ См.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, с. 43—44.

¹⁴ Дж. Г. Кйекбаев. Фонетика башкирского языка. М., 1959, с. 11.

¹⁵ См.: Ә. Әфләтунов. БАССРның көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнарында яшәүче татарлар сөйләшәндәге фонетик үзенчәлекләр.— «Татар теле һәм диалектологиясе мәсьәләләре». Казан, 1959, 126-нчы бит; ср.: Т. Г. Байшев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, с. 33; Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка.— «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, с. 142.

¹⁶ Н. Х. Ишбулатов. Кизильский говор.— «Башкирская диалектология». Уфа, 1963, с. 26; Н. Х. Максютова. Бурзянский говор.— Там же, с. 84.

¹⁷ Дж. Г. Кйекбаев. Указ. соч., с. 10.

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЯ КАК ПОДРАЗДЕЛ ТЕКСТОЛОГИИ

1. Современная текстология давно перестала быть вспомогательной дисциплиной и развивается в самостоятельную науку, причем науку комплексную. Академик Д. С. Лихачев пишет: «Чтобы восстанавливать историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом. Текстология требует на современном этапе ее развития всесторонних знаний, и в этом ее исключительная трудность»¹. В этом комплексе, однако, самостоятельное значение приобретают собственно лингвистические исследования. Во всяком случае, Д. С. Лихачев считает: «...текстология в значительной мере будет базироваться на произвольных, а порою и на дилетантских соображениях»², пока не будут произведены лингвистические исследования. Это положение относится, прежде всего, к рукописному наследию средневековья.

В медиевистической текстологии, как известно, авторский текст зачастую бывает не только недоступен исследователю, но и практически невозстановим. Он представлен, как правило, несколькими различными по времени и происхождению рукописями, которые почти всегда значительно моложе оригинала. Именно поэтому целью исследования является восстановление истории текста памятника.

Как раз в этом деле роль языкознания, его исследовательских приемов поистине неопределима. Полное изучение текста памятника как единого целого нельзя осуществить, если не будут специально и детально исследованы лингвистические расхождения редакций и списков. Здесь не помогут никакие «консультации у лингвистов»³: ведь лингвистическое изучение расхождений немислимо вне ежеминутной теснейшей связи с историко-лингвистическими исследованиями. Без этого невозможно дать сколько-нибудь адекватные объяснения языковым изменениям текста. Между тем при современном развитии и специализации языкознания овладеть его мето-

дами и суммой необходимых знаний — это значит фактически приобрести новую специальность, что, разумеется, нелегко, да и не всегда возможно.

Нам представляется, что в связи с четкой филиацией современной филологии целесообразно в медиевистической текстологии выделять два ее автономных подразделения. Ту текстологию, которая в своей теоретической и практической части является базой литературоведения⁴, естественно считать литературоведческой. Преследуя общую для всей текстологии цель — исследование и восстановление истории текста памятника, литературоведческая текстология имеет своим предметом атрибуцию текста и состав средневекового произведения в целом, куда входит и определение редакций текста, купюры и пропуски фрагментов текста разной величины, включение в текст иноязычных фрагментов и многое другое, а так же историю создания произведения в том случае, когда этот творческий процесс оказывается доступным для изучения.

Особый подраздел составит совокупность тех специальных и специализированных лингвистических исследований, от которых Д. С. Лихачев ожидает, что они принесут «очень большую пользу текстологам»⁵. Этот подраздел естественно назвать лингвистической текстологией (лингвотекстологией).

Специфичность лингвотекстологии и один из ее базисных принципов состоит в своего рода «круговой поруке» ее с историко-лингвистическими исследованиями: параллельно проводимые разработки в этом направлении служат условием для успешного развития лингвотекстологии, помогая в каждом конкретном случае установить критерии классификации и объяснения языковых изменений текста по спискам. В свою очередь лингвотекстология не может не быть важным и необходимым подспорьем для историко-лингвистических исследований, ибо только с ее помощью осуществим отсев позднейших языковых наслоений, а это, разумеется, имеет кардинальное значение при реконструкции истории языка и особенно — истории письменно-литературного языка.

Лингвотекстолог-медиевист по необходимости имеет дело с рукописными списками, часто весьма различными как по времени их копирования, так и по их происхождению и характеру, т. е. с материалом очень разнородным и даже синхронически не соотносимым. Недаром многочисленных средневековых переписчиков, компиляторов, редакторов текста Д. С. Лихачев называет «соавторами» писателя изучаемого произведения⁶. Каждый переписчик не мог не воздействовать определенным образом на языковую ткань переписываемого им сочинения: он привносил в нее особенности собственного идиолекта, помноженные на степень владения им письменно-литературной традицией и на меру книжной учености; в рукописи часто остаются и следы невнимательности переписчика. Именно поэтому лингвотекстолог обязан сосредоточить свое внимание на, так сказать, самых «мелочных» разночтениях двух (или более) списков одного и того же произведения, а имен-

но: орфографических, грамматических и лексико-грамматических, синтаксических и чисто лексических расхождениях⁷; должны быть привлечены также стилистические различия, прежде всего — грамматического характера. Только таким путем и при необходимой опоре на историко-лингвистические разработки и, прежде всего, на изучение языка данного произведения (где возможно — и шире: изучение всей совокупности дошедших до нас произведений данного автора), лингвотекстолог-медиевист сможет «снять» некоторые слои привнесенного переписчиками (а иногда и издателями) «налета» гетерогенных форм и правильно истолковать их в плане истории текста памятника.

II. В своем лингвотекстологическом исследовании важнейшего среднеазиатско-тюркского историографического и мемуарного сочинения начала XVI в. «Бабур-наме» (БН) мы пользовались изданиями двух его списков — Керовского (изд. Н. И. Ильминский)⁸ и Хайдарабадского (изд. А. С. Беверидж)⁹. Привлекался также самый Керовский список, хранящийся в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР под шифром Д 685 (сокращенно К), и список О. И. Сенковского, хранящийся там же под шифром Д 117 (сокращенно С), а частично — еще и поздние списки, переписанные во второй половине XIX в. и хранящиеся один в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина под шифром Тур нс 104 (сокращенно Т), а другой — в ИВ АН УзССР под № 1329 (сокращенно У).

При современном состоянии текстологического изучения «Бабур-наме» — сочинения, очень важного и для языковедов, и для историков, пока еще преждевременно ставить комплексную задачу установления взаимоотношений всех его известных списков и изданий. Постараемся прояснить только один вопрос из названного комплекса, а именно: определить специфику Керовского списка и его издания Н. И. Ильминским на фоне других списков. Вопрос этот издавна имеет полемическую остроту, поскольку первый текстолог «Бабур-наме» и его издатель А. Беверидж подвергала сомнению подлинность Керовского списка, а издание Ильминского в некоторых его частях считала обратным переводом с персидского перевода Абд ар-Рахима¹⁰.

В этих целях добытые нами путем сопоставления названных списков (и их изданий) языковые расхождения попытаемся классифицировать на основе анализа их происхождения. Из изложенного выше ясно, что первостепенный интерес приобретают группы расхождений субъективного характера. Появление таких расхождений обусловлено, прежде всего, идиолектом переписчика, степенью его внимательности в процессе переписки, а также часто сознательным стремлением «исправить» с его точки зрения «неправильные» языковые формы. Можно наметить четыре нижеследующих группы таких расхождений.

В качестве первой выделим группу поновлений: сюда отнесены различия, возникшие в результате стремления подновить язык

«Бабур-наме». В особенно большом количестве такие поновления в области лексики, фонетики и морфологии встречаются как раз в поздних рукописях, а именно: в Ленинградской (Т) и Ташкентской (У), переписка которых закончена первой в 1862 г., а второй — в 1890—1891 гг. Так, в ленинградской рукописи Тур нс 104 представлено *орнида* Т 156 'на его месте' вместо обычного *йерида* БН 12, наречие *көб* Т 126 'много' как усилитель при качественном прилагательном вместо обычного *асру* 'очень' БН 10; в Ташкентской рукописи *Nomen agentis* позднего типа *окучи* У 487 'читающий, читатель' вместо обычного *окигучи* БН 254, а также деепричастие на *-гунча*: *йикилгунча* У 494 'пока не свалился' взамен более старой формы на *-гуча*: *йикилгуча* БН 258. Примеров таких поновлений можно привести много¹¹, и они очевидны.

Для прояснения механизма возникновения расхождений такого рода очень показательны, что в некоторых из поновлений обе эти поздние рукописи сходятся: в обеих употреблена, например, современная лексема *кол* У 479, Т 21а 'рука' вместо более старой *элик* БН 249, 18. Понятно, что такие совпадения в заменах, скорее всего, «результат общей всем писцам психологии ошибок»¹². В Керовском списке явных поновлений мало. В редких случаях такие поновления сделаны издателем (возможно наборщиком, и не замечены издателем): так, Н. И. Ильминский в одном месте (из очень многих!) заменил обычное *кириш*- К 92 на современное *башла*- БН 21 в начинательной конструкции. Также в одном примере снят показатель мн. числа в его специфическом использовании при глагольном определителе: *йахшилар чапкулашти* К 245 'весьма хорошо рублились' заменено современным *йахши чапкулашти* БН 50, хотя в остальных случаях *-лар* оставлено.

Вторая группа разночтений может быть названа разговорно-диалектной. В ней объединены разночтения, обусловленные тенденцией к отражению разговорно-диалектной речи, носителем которой являлся переписчик. Чаще всего это довольно индивидуальные для каждой группы расхождения фонетического порядка: они отражаются в соответствующих орфографических приемах. Таково, например, в рукописи Сенковского слитное написание аористного претерита *килурди* С 15, 21 вместо обычного раздельного *килур еди* К 104 и БН 23, К 152 и БН 32; слитное написание может быть сопоставлено с соответствующим произношением глагольных форм, в частности, в андижанском говоре (*кору*: ^вдъм < *көриб эдим* 'я увидел')¹³. Вместо традиционного полного написания *болуб ерди* БН 11₃, в Хайдарабадской рукописи наблюдается стяжение в этой сложной глагольной словоформе *боб еди* ВН 9_{а14}. Это орфографическое отступление от традиции закономерно можно сопоставить с однотипным фонетическим явлением в современных джекающих, а также хорезмских и андижанском

говорах узбекского языка: *бопколды* (<бу^vлиб колди)¹⁴. Для Керовского списка и частично для издания Ильминского характерно отступление от традиции в написании конструкций возможности — невозможности, а именно пропуск одного из сопологающихся алифов и слитное написание конструкций¹⁵: ср. *туралмай* К 197, БН 40 'не будучи в силах стоять' и С 26 *тура алмай*; *туралмади* БН 40₂₃ и *тура алмади* БН 33а₁₂ 'не мог стоять', *алалмади* БН 44₂₁ и ала алмади БН 36б₂ 'не мог взять'; *бералмади* БН 46₈ и *бера алмади* БН 37б₅ 'не мог дать'. Примечательно, что даже в поздней — ленинградской — рукописи наблюдается традиционное полное и раздельное написание конструкции: *тапа алмай* Т 7 'не будучи в силах найти', но *тапалмай* БН 5. Еще более поздняя — ташкентская — рукопись дает обратное соотношение полного раздельного и стяженного слитного написания: *йибаралмадилар* У 457 '(они) не могли послать', но *йибара алмадилар* БН 237. При учете того, что эта рукопись представляет собой копию с издания Ильминского, отмеченное различие служит наглядным образцом того, как расхождения подобного рода могли возникнуть под влиянием диалектного произношения. Дело в том, что разговорно-диалектная тенденция к устранению зияния является весьма характерной для ряда узбекских (например ташкентского, а также кыпчакских) и уйгурских говоров (например говора уйгуров, живущих в восточной части г. Байрам-Али Туркменской ССР)¹⁶.

Третью группу различий назовем огузской: огузские словоформы и фонетические варианты слов, явно инородные для прозаической разновидности языка Бабура, наблюдаются с невысокой частотностью по разным спискам. Сейчас с уверенностью можно говорить о том, что именно Захир эд-Дин Мухаммед Бабур продолжил и в своих произведениях довел до логического завершения начатую Алишером Навои четкую дифференциацию двух жанровых вариантов литературно-письменного языка своего времени — прозаического и поэтического¹⁷. В результате этого для прозаического варианта литературно-письменного языка, на котором написано «Бабур-наме», огузские формы в целом не свойственны, хотя иногда, например, и употребляется огузизм *билман* '(я) не знаю', связанный, однако, только с данной словесной оболочкой (от других глаголов не образуется). В издании Ильминского, отражающем Керовский список, один раз замечена другая, огузская же вариация этой словоформы — *билмам* БН 402₄, ср. более обычную словоформу *билман* БН 310а₁₁. В целом же огузские элементы в издании Ильминского, как и в Керовском списке, весьма редки; можно отметить еще единичную форму род. падежа местоимения 1-го лица ед. числа *меним* БН 267₂₀ 'мой' на фоне обычного *менинг* (ср. БН 211а₂). Единичные огузизмы наблюдаются и в Хайдарабадской рукописи, например, вспомогательный глагол *айла* вместо обычного *кил*:- *пара-пара айладилар* БН 239а₁₃₋₁₄ 'они делили на части', ср. *параладилар* БН 307.

Гораздо обширнее набор огузизмов — лексико-грамматических, лексических и морфологических — в рукописи О. И. Сенковского: *ила* С 20 'с', ср. *била* К 148, БН 32 *дэрт* С 16 'четыре', ср. *тэрт* К 108, БН 24; *олуб*, *олди* С 11, 16 'став', 'стал', ср. *болуб*, *болди* К 64 и БН 16, К 108 и БН 24. Форма прилагательного на -*ли* (не на -*лик*!) представлена единичными примерами в рукописи Сенковского и Керовском списке (*йаирукли* С 24, К 184, ср. БН 37 — обычная форма на -*лук*), а также в поздней ленинградской рукописи (*йахиши хаволи йер* Т 8а 'место с хорошим климатом', ср. БН 6 — обычная форма на -*лик*).

Разрозненный характер огузизмов, не составляющих ни в одном из списков системно-тематических наборов форм, невысокая частотность огузизмов указывают на то, что они вводились в языковую ткань прозаического произведения вопреки совершенно четкой установке Бабура связывать наличие или отсутствие огузских элементов с жанрово-стилевой дифференциацией. Наличие огузизмов в списках прозаического «Бабур-наме» может быть объяснено либо степенью владения письменно-литературной традицией, которая характеризует того или иного переписчика, либо его принадлежностью к огузско-туркменскому языковому (диалектному) коллективу. Можно предположить в связи с этим, что переписчик, из-под калема которого вышла рукопись Сенковского, либо обычно занимался перепиской поэтических произведений, либо сам был носителем одного из огузско-туркменских диалектов.

Четвертая группа расхождений может быть условно названа арабо-иранской. Эта группа расхождений, а именно использование взамен тюркизов арабо-иранских элементов, связанно со степенью книжной учености переписчика. В этой группе можно наметить несколько видов различий. Первый вид — наличие арабо-иранских слов взамен тюркских лексем — в большой мере свойствен Керовскому списку и соответственно изданию Ильминского.

В ряде случаев Хайдарабадская рукопись показывает тюркское слово, а Керовский список в издании Ильминского — арабское или персидское слово. Ср. *черик ели* ВН 2096₁₄, 2146₃ 'войсковой люд', 'военные' и *лашкар халки* БН 266₇, 272₁₀; *чаг* ВН 2096₁₂ 'время' и *вакт* БН 266₇; *беклик мартабаси* ВН 2106₃ 'степень (должность, чин) бека' и *амирлик мартабаси* 'степень эмира'; *йурт* ВН 209а₁ 'пристанище' и *манзил* БН 265₁₇ 'стоянка', *курган* ВН 212а₂ 'крепость' и *калза* БН 269₁₇; *ганим кишиши икки болак болди* ВН 2106₇. 'люди врага образовали два подразделения' и *ганим халк икки джамоат болдилар* БН 267₁₀. Такие замены могут сопровождаться опущением или, напротив, наращением тех или иных грамматических формантов: в приведенном примере в БН 267₁₀ опущен аффикс принадлежности 3-го лица в подлежащем, но появился показатель мн. числа -*лар* в сказуемом при подлежащем в ед. числе (гиперкорректное употребление -*лар* в сказуемом). Ме-

ханизм подобных замен может быть продемонстрирован при сопоставлении издания Ильминского с ташкентской рукописью № 1329, с него скопированной. В издании Ильминского, например, читаем *бу битилганлардин ғараз* БН 254₁₁ 'цель того, что написано', а в ташкентской рукописи переписчик произвольно заменил страдательное причастие ныне архаического глагола *бити*—«писать» соответствующим арабским причастием, но уже без аффикса исходного падежа, т. е. без показателя необходимой грамматической связи: *бу мастурлар ғараз* У 486.

Справедливость требует сказать, что в других фрагментах повествования наоборот: в Керовском списке и в издании Ильминского находим тюркские слова и выражения, а в Хайдарабадской рукописи — соответствующие персидские или арабские лексические единицы¹⁸. Например: *уруша киришти* БН 31₆ 'начал драться' и *йамон мағаш кила киришти* БН 25а₃ 'начал вести дурную жизнь', *ат салдилар* БН 266₈ '(они) направили коней' и *мутаваджджић болдилар* БН 2096 '(они) направились'.

Второй вид составляют расхождения лексико-грамматического характера — арабизмы и иранизмы, а также соответствующие им тюркизмы, касающиеся инвентаря строевых элементов языка: союзы, послелогии, служебные имена, служебные глаголы, словообразовательные морфемы. Ср. разночтение, основанное на возможности параллельного использования тюркского и персидского аффиксов *-лик* и *-дар*, образующих имена — собственно тюркское и гибридное тюркско-персидское: *йарағлик кишисида* БН 210б₃ 'у вооруженного человека' и *йаракдарға* БН 267₁₃ 'вооруженному'. Много разночтений приходится на послелогии и служебные имена тюркского и иранского происхождения, используемых в издании Ильминского и в Хайдарабадской рукописи: собственно тюркское служебное имя *от(й)рўмда*, *отрўсида* БН 211а_{2,12} 'напротив меня, его' и персидское *рубару(й)имга*, *рубару(й)ига* БН 267₂₀, 268₈ 'навстречу мне, ему'; тюркский послелог *сари* БН 211б_{6,13} 'к, (в) сторону' и арабизмы в роли служебных имен *тараф*, *джа-нибига* БН 268₁₉, 269₄ 'сторона', 'в его направлении'; но ср. обратное соотношение по рукописям: *йилни айғида* БН 274₁₈ 'в конце года' и *йилниң ахирида* БН 215б₁₄. Можно также привести пример избыточного употребления персидского предлога в Хайдарабадском списке *ғайриаз... таш атмактин өзга* БН 35а₉₋₁₀ 'кроме... помимо метания камней', между тем как в издании Ильминского представлен только тюркский послелог *өзга* 'кроме': *таш атмактин өзга* БН 43₉₋₁₀. Можно найти и пример, когда персидский предлог (*та* 'вплоть до') избыточно представлен в издании Ильминского и отсутствует в Хайдарабадской рукописи, ср. *та уруш вактигача* БН 267₁₆ 'вплоть до времени битвы' и *уруш вактигага* БН 210б₁₂. Ср. также расхождения в использовании сложного тюркско-персидского союза *нечук ким* (БН 210а₉) 'потому что' и собственно персидского союза *чунанча* (БН 266₁₀) 'так что, так как'.

Особенно интересен третий вид — многочисленные параллелизмы в области синтаксиса как словосочетания, так и предложения, прежде всего — сложноподчиненного. В Керовском списке распространен, например, так называемый «персидский изафет»: *так-и ʔали* БН 61₁₈ 'высокая арка', но *ʔали так* ВН 496₁₂ в Хайдарабадском; *дахил-и фарғана* БН 10 и ВН 86₁₄ 'входящий в [округ] Фергана', но *фарғанага дахил* Т 13а.

Для истории языка принципиально важным является тот подвид разночтений, который касается синтаксиса сложноподчиненного предложения. Именно этот подвид разночтений довольно систематически разделяет Керовский и Хайдарабадский списки. Суть этих расхождений в следующем. В Керовском списке заметно преобладает союзное подчинение (союз *ким*) при постпозиции придаточного предложения и самостоятельном оформлении сказуемого придаточного предложения. Посредством союза *ким* к главному предложению присоединяются самые разные придаточные — определительные, обстоятельства цели, времени и т. п. Приведем пример:

باشینی کیسیب وقتیدا کیم سنگ لخشک برابرایدین اوتار ایدیم کیلتوردی

БН 265₁₃₋₁₄ 'отрезав голову [Ишк Аллаха], он привез [ее мне], когда я проезжал мимо Санг-Лахшака'. В Хайдарабадской рукописи подчинение предпочтительно выражается посредством деепричастий, причастий, диввата на *-даги* и прочими формами подчинения развернутого члена главному. Приведенному примеру с придаточным здесь соответствует развернутый причастный оборот:

باشینی کیسیب مین سنگ لخشک توفریسییدین اوتکاندا کیلتوردی

ВН 2086₁₂₋₁₃. Другие случаи. В Керовском списке представлены сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, присоединяемыми к члену главного предложения посредством союза *ким*: *бу джамоат ким мазкур болдилар хечкайсиси* БН 267₅ 'никто из этого сообщества, о котором (они) упомянули'; *руд оланги ким Кандахар тарафида эди* БН 265₁₇ 'прибрежная лужайка, которая была со стороны Кандагора'. В Хайдарабадской рукописи первому из придаточных предложений соответствует придаточный оборот (*бу мазкур болганлардин хануз хечким* ВН 2106₃ 'почти никто из этих вышеупомянутых'), а второму — определительное словосочетание распространенного определения (*руднинг Кандахар тарафидаги оланги* ВН 209а₁ 'прибрежная лужайка, находящаяся со стороны Кандагара').

Можно привести также ряд примеров, когда придаточному предложению цели с союзом *ким* в издании Ильминского соответ-

ствует деепричастный оборот (с деепричастиями на *-гали* или *-гунча*) в Хайдарабадской рукописи. Ср.:

کدر باشینی توتوب خنیمنی قویمادیلار کیم اوتکالی

БН 268₁₁ 'Захватив начало переправы, они не позволили врагу, чтобы [он] переправился', с одной стороны, а с другой:

کزر باشینی توتوب اوتکالی قویمادیلار

БН 211а₁₂₋₁₃ '...они не позволили [врагу] переправиться'. Примерно такое же соотношение и в паре нижеследующих примеров:

кیشی قویماب ایдилар кیم قلعهنی مصبوطا قیلغانی

БН 269₇₋₈ 'они не оставили людей, чтобы те укрепили крепость'; ср.

قورغان برکتکونجه کیشی قویмайдور اینی

БН 212а₂₋₃ 'для укрепления крепости они не оставили людей'.

Подобные разночтения, однако, характеризуют не только названную пару рукописей. Если сравнить издание Ильминского с поздней ленинградской рукописью, то окажется, что именно последней союзное подчинение присуще еще в большей степени, нежели изданию Ильминского. Союзное подчинение здесь представлено и в тех случаях, где в названном издании наблюдается причастный оборот с послелогом, и в тех, где налицо несколько самостоятельных предложений. Ср.

باغچهلاری تمام سایی یقاسیدا واقع بولغان اوچون ...

БН 6 'из-за того, что садики полностью расположены по берегам пересохшего русла...' и

باغچهلاری تمام سایی یقاسیدا واقع بولوبتур ایننگ اوچون ...

Т 8а 'Садики полностью расположены по берегам сая, поэтому...';

بیر اوغول بولوب ایرخی خرم شاه اتلیق مقبول اوفلان ایدی

БН 11 'родился сын по имени Хуррам-шах, приятный юноша был' и

خرم شاه آتلی بی اوغول بولوب ایردی کیم مقبول اوغلان ایردی

Т 136 'родился сын по имени Хуррам-шах, который был приятный юноша'.

Приведенные факты могут свидетельствовать как о сознательной редакторской деятельности переписчиков, так и о возможных ошибках памяти копиистов, что приводило к постпозитивным перестановкам целых групп слов в тексте. Во всяком случае, если основываться на наличии тех и других средств подчинения во всех дошедших до нас списках «Бабур-наме», то можно предполагать, что оба способа подчинения были в известной мере свойственны языку оригинала. Однако без тщательных текстологических исследований было бы преждевременно судить о действительной частоте каждого из этих способов в языке «Бабур-наме». Это яркий пример того, как историк языка, по сути дела, не может обойтись без помощи лингвотекстологии.

III. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы относительно Керовского списка и отражающего его издания Н. И. Ильминского.

Из намеченных четырех групп расхождений первые три — новления, разговорно-диалектные и огузские — не являются специфичными именно для Керовского списка. В отношении же четвертой арабо-иранской группы этот список обнаруживает явную предпочтительность. Для характеристики Керовского списка существенно также и то, что именно здесь наиболее полно сочетаются все три вида расхождений четвертой группы. Таким образом, изменения текста в плане своеобразного украшательства и усложнения языка Бабура в этом списке были вполне осознанными и целенаправленными и производились они отнюдь не изолированно. Именно сочетание трех видов расхождений, принадлежащих четвертой группе, а также сравнительно высокая частотность каждого из них придает Керовскому списку, а вслед за ним и изданию Ильминского вполне определенную — иранофильскую — стилистическую окраску.

Если учесть также и наличие в тексте Керовского списка фрагментов на персидском языке (например, БН с. 38₁₉—39₇, ср. тюркский текст ВН 31а₉—31б₁₃; правда, имеются и случаи противоположные — тюркские числительные в БН 384₁₅₋₁₉, но персидские в ВН 297а₈₋₁₁; тюркские наименования подарков бекам БН 385₃₋₅, но соответствующий персидский текст ВН 297б₃₋₁₀), то станет понятным, почему А. Беверидж считала известные части «Бабур-наме» в издании Ильминского якобы обратным переводом с персидского перевода Абд ар-Рахима. Имея в своем распоряжении великолепной сохранности текст достаточно старой Хайдарабадской рукописи, А. Беверидж при изучении этого сочинения на-

чала XVI в. и истории его списков, в которых оно дошло до наших дней, явно недооценивала все остальные списки «Бабур-наме», в том числе и Керовский. Стремление А. Беверидж установить «окончательный» текст этого сочинения путем выделения наиболее близкого к оригиналу списка можно понять, если вспомнить, что в первые десятилетия XX в. восточная текстология даже и как вспомогательная дисциплина делала только свои первые шаги. К тому же А. Беверидж более всего привлекали вопросы общего состава такого объемистого сочинения, как «Бабур-наме», а филологическими, чисто лингвистическими и прочими «мелочами» исследовательница пренебрегала. Это сразу же заметил А. Н. Самойлович. В частности, высоко оценивая выполненное фотомеханическим способом «предестное издание г-жи А. Беверидж «Бабур-наме», он тут же спешит оговориться: «свою похвалу мы относим только к турецкому тексту последнего издания...» и отмечает неполноту, «неаккуратность указателей г-жи Беверидж», «их малоудовлетворительность»¹⁹. Подобная неаккуратность в текстологической работе, невнимание к «мелочам» при абсолютизации и без того большого значения Хайдарабадской рукописи и при известной склонности исследовательницы к глобальным выводам и безапелляционным суждениям — все это в совокупности привело к категорическому отрицанию и Керовского списка, и издания Н. И. Ильминского, предоставившего этот список широкому кругу читателей.

На современном этапе развития текстологии и зарождения лингвотекстологии никоим образом не следует исключать из исследования ни Керовский список, ни издание Ильминского. Имеются все основания говорить о том, что в Керовском списке представлена иная редакция «Бабур-наме», нежели в Хайдарабадской рукописи. Следует признать значение Керовского списка как для изучения истории текста «Бабур-наме», его переписывания и доли «соавторства» переписчиков-редакторов, так и для историко-лингвистических и лингво-стилистических исследований.

Итак, формально-грамматическое сопоставление текста разных списков позволяет наметить характер каждого из них, установить взаимоотношения изучаемых списков, прояснить конкретные этапы в истории текста исследуемого памятника. Иначе говоря, лингвотекстология, исходя из чисто языкового материала, своими специфическими средствами в конечном итоге служит тем же целям, что и литературоведческая текстология.

¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 37, 547—548.

² Там же, с. 83, прим. 99.

³ Там же, с. 547.

⁴ Там же, с. 4.

⁵ Там же, с. 82—83.

⁶ Там же, с. 29, 35.

⁷ См., например, Э. Н. Наджиб. О новонайденных арабописьменных списках «Мухаббат-наме» Хорезми.— «Советская тюркология», 1973, № 3.

⁸ «Бабер-наме» или записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским]. Казань, 1857 (БН).

⁹ «The Babar-nama», ed. by A. Beveridge, Leyden—London, 1905 (БН).

¹⁰ «The Babur-nama in English (Memoirs of Babur)», trans. from the original Turki text of Zahiru'd-din Muhammad Babur Padshah ghazi by A. S. Beveridge. London, 1922, vol. I, Preface — с. LI, I прим. I, с. V. Библиографию вопроса см. в статье: Г. Ф. Благова. К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по Керовскому списку.— «Краткие сообщения Ин-та народов Азии [АН СССР]». XLIV. Литературоведение и изучение памятников. М., 1961.

¹¹ См.: Г. Ф. Благова. Указ. соч., с. 94 и след. При надобности пользуясь примерами, уже приведенными в названной работе, мы, как и в некоторых других случаях преимущественно орфографических расхождений, применяли транслитерацию на основе русской графики в целях более экономной подачи арабографических примеров.

¹² Д. С. Лихачев. Указ. соч., с. 14, 8 и сл., 13 и сл.

¹³ С. Иброхимов. Узбек тилининг Андижон шеvasи. Тошкент, 1967, с. 52, 119.

¹⁴ Там же, с. 119; В. Решетов, Ш. Шобдуррахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1962, с. 105, 159; Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, с. 72.

¹⁵ В издании Ильминского, правда, в ряде случаев дается традиционное полное написание, идущее вразрез с орфографией Керовского списка и явно ее исправляющее; ср., например: *кила алмади* и *кила алгай* БН 36, но *килалмади* и *килалмагай* К 177 'не мог делать' и 'не сможет делать'.

¹⁶ См.: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора. ч. I. Ташкент, 1968, с. 12; Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975, с. 69—70; Ф. Сэдвакасов. Түркмәнстан уйғурлары вэ уларниц тили һәк кидә.— «Изв. АН Каз. ССР». Сер. общественная, 1967, № 3, с. 75.

¹⁷ См.: Г. Ф. Благова. О соотношениях поэтического и прозаического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. ([1.] К постановке вопроса).—Сб. «Turcologica». М.—Л., 1976, II. Падежное склонение в языке произведений Бабур («Тюркологический сборник, 1975» в печати).

¹⁸ Достаточное число примеров такого рода приведено в статье: Г. Ф. Благова. Указ. соч., с. 98.

¹⁹ [А. Н. Самойлович]. О поэме «Шейбани-намэ» и об ее авторе Мухаммеде Салихе.— В кн. «Мухаммед Салих. Шейбани-намэ». Изд. П. М. Мелиоранского под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича, СПб., 1908, с. 5 и прим. 3, с. 1 и прим. 1, см. также с. 12.

РОЛЬ ТЕКСТОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

(на материале «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова)

Сочинение Т. Ялсыгулова «Тарих наме-и булгар», неоднократно переписываясь, обошло всю территорию Урало-Поволжья. К настоящему времени известны более десяти списков этого памятника, хранящихся в Восточном отделе Научной библиотеки им. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина (№№ 587т (старый № 3262), 588т (№ 3263), 597т (№ 3261), 1388т (№ 5089), 1842т, 1870т¹), в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (В 3492², В 2673) и в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР³. Кроме этих списков, отдельные фрагменты «Тарих наме-и булгар» хранятся среди рукописей Ш. Марджани (Т. 1967, листы 288—289) и И. Халфина (ГПБ, ТНС 32, листы 91б—93а)⁴. Сокращенный текст сочинения опубликован М. Уметбаевым в его работе «Ядкар»⁵. Отрывок из сочинения, относящийся к шежере башкир племени айле, помещен в книге «Башкирские шежере»⁶.

Сличение вышеуказанных списков «Тарих наме-и булгар» с рукописью 587т показало, что они, несмотря на относительно позднее происхождение самого памятника, сильно подверглись произвольному сокращению и изменению переписчиками. При сравнении текста памятника по разным спискам было выявлено большое количество лексических и грамматических расхождений: многочисленные пропуски, нарушения в порядке следования частей текста, дополнения текста и ряд колебаний в написании одного и того же слова — на основе которых выделены две основные группы списков этого сочинения. Первую группу представляют списки 587т, 597т, 1388т и В 2673, хотя и между ними встречаются некоторые текстологические различия и пропуски. Например,

в тексте 587т мы читаем*: ...Адыны Болғар куйдылар. Болғар йуан лөгәтенчә хушбуй димәк. Ағачлы вә дәрйалы димәк улур. Дәрйасының исеме Болғардыр. Андан каср бу заманда Булкы див әйтүрләр. Болғардан Булкы тәғриф улынмыш... '...дали имя Булгар. Булгар — по-гречески благоухающий. Лесистым и водным [краем] называют. И реку (этого края) называют «Булгаром». От сокращения [слова] Болгар получилось [название] Волга...'

Этот отрывок мы встречаем в текстах 1388т [5а1-3] и 597т [6617-20], а в списке В 2673 он отсутствует. Такого рода пропусков особенно много в списках 588т, 1870т. В 3492, 1842т и в Уфимском списке. Эти рукописи представляют собой сокращенную версию памятника и составляют вторую группу списков.

Для более сжатого описания рукописей нами приняты условные обозначения их цифров, состоящих из прописных букв в алфавитном порядке. В таком случае они выглядят так: А-587т, Б-597т, В-В 2673, Г-1388т, Д-588т, Е-1870т, Ж-В 3492, З-1842т, И-Уфимский список и т. п.

Первая группа списков

1. Рукопись «А» (Казанский список, 587т).

Эта рукопись подробно описана А. Фатхиевым⁷. Раньше она принадлежала С. Г. Вахидову, что и подтверждают оттиски овальной печати с легендой «С. Вахиди кутубханасы». «Библиотека С. Г. Вахидова» на листах 56, 86, 186. Переписана неизвестным лицом, время переписки — начало XX в. Бумага европейского происхождения, почерк — обычный насталик, формат рукописи 16,5 × 18 см, размер текста 13,5 × 14 см.

Этот список по сравнению с другими является наиболее полным; общее количество листов 16-19а. Для сравнения с другими списками он принят нами в качестве основного текста.

Содержание и структура текста

Сочинение содержит сведения, почерпнутые автором из различных источников — легендарных, полуполегендарных, и исторических преданий о происхождении болгарских ханов, татарских и башкирских родов. Автор приводит в работе и свою родословную. В конце сочинения приводятся сведения о Булгарии и болгарских ханах.

Структура текста такова: предисловие (лл. 1б—2а) содержит сведения о названиях использованных автором источников⁸, условные части: I [2а—4б] — сказания об Адаме и его потомках: Шейше, Ануше, Кинане и т. п., о сыновьях Марда; II [4б—5а] — о Кинане и его сыновьях (Татар, Мишар, Иштяк...), о сыновьях

* Здесь и далее тексты подобного характера на арабском шрифте по техническим причинам даются в транскрипции.

Иштяка (Тамьян, Усерган, Кубаляк, Бянгатун...); III (5а — 10а) — о Сократе и основании им Булгара, распространении ислама среди населения Булгарии, генеалогии болгарских ханов; IV [10а—13а] — родословная самого Таджетдина Ялсыгулова, исторические предания о его предках; V [13а—19а] — сведения по истории Булгарии, о болгарских ханах.

2. Рукопись «Б» (Казанский список, 597г).

Неполный список. Текст прерывается на листе 7а словами: Ул заманда Сократ хаким Болгардан бер кыз никах айладе вэ Скэндэр шаһ [илә] тукуз ай тормышлардыр. Андан суң дәйары золмат китмеш... 'В то время Сократ женился на девушке из Булгара и [вместе с] Искендер-шахом прожили девять месяцев. А потом скончались...'

Рукопись поступила в Восточный отдел Научной библиотеки Казанского государственного университета из коллекции С. Вахида, о чем говорят оттиски овальной печати с легендой на листах 2б, 6б, 10б. Имя переписчика и дата отсутствуют. Судя по почерку, можно предполагать, что рукописи «А» и «Б» переписаны одним лицом.

Размер листов 15,5 × 23,5 см. Размер текста 11,5 × 20 см. Бумага европейская. Чернила черные. Почерк — наста'лик. Самодельная тетрадь в бумажной обложке.

3. Рукопись «В» (Ленинградский список, В 2673).

Полный список. Общее количество листов 16. Переписчик — Мухаммадгали Чокрый⁹. Дата переписки не указана.

Рукопись переплетена 18/XI 1955 г. Начальные 4 л. пусты. Текст начинается с листа 5б.

На л. 2а сверху приклеен небольшой квадратный листок белой бумаги и на нем написано: Сэнд Вахиди китабханасы. Кулгызмар булге № 103—1230. Затем следуют оттиски печати библиотеки С. В. Вахидова. Там же в нижнем правом углу наклеена небольшая квадратная бумага с шифром В 2673. На другой стороне листа в верхнем правом углу имеется наклейка с печатными словами: «Азиатский Музей В 2673. АН СССР». Над шифром фиолетовыми чернилами написано: **М.Ор.** На л. 3а имеются шифр (В 2673) и оттиски печати библиотеки С. Г. Вахидова и Рукописного фонда Института востоковедения АН СССР с инв. №: 1934 г. № 476. Следующие листы 3б—4б чистые. На листе 5а оттиски печати Рукописного фонда. Текст занимает 8,5 л., на странице 19 строк (кроме листов 4б—18 строк, 5б—20 строк). На полях листов 5б—13б имеются приписки пояснительного или корректурного характера. Заглавия идут по-арабски, изредка написаны красными чернилами. В отличие от других списков, в этой рукописи жизнь и деятельность самого Таджетдина Ялсыгулова описаны подробнее. В конце сочинения [л. 12б] помещены стихи (бейты) переписчика, посвященные Т. Ялсыгулову.

Размер листов 17,5 × 22,3 см. Размер текста 12 × 17 см. Бумага европейская (русская), почерк наста'лик.

4. Рукопись «Г» (Казанский список, 1388г).

Полный список. Общее количество лл. 16.

Переписчик, вероятно, Фазлулла-мулла Габделкарим Хади, так как в конце сочинения на листе 16б одним и тем же почерком написано: [16б13—14] Бэн гариб хак-пай Фазлулла мулла Габделкарим Гадинец, йаше 38 дэ(н) чыкды. 'Мне, бедному Фазлулле-мулле Габделкариму Хади, исполнилось 38 лет'.

Манускрипт поступил в Научную библиотеку Казанского государственного университета вместе с архивом книжного магазина Ш. Хусаинова в 1936 г. через Г. Катиева.

На листе 1а в верхнем углу написано: № 152.

Под номером имеются оттиски печати с надписью: «По доверенности Н-цы (т. е. наследницы — И. Г.) Ш. Хусаинова» и штамп «Проверено». Чуть ниже подпись вручателя Г. Катиева и инв. № 1388. Там же в верхнем правом углу поставлены: № 5089, а левее — печать Научной библиотеки КГУ.

В начале сочинения красными чернилами написано (л. 1б): Дастаны тарих ушбудар. 'Это есть исторический дастан'. Размер листов 17 × 21,5 см. Размер текста 13 × 17 см.

В результате текстологического исследования вышеописанных списков внутри группы были выделены еще две подгруппы: а) списки «А» и «Б»; б) списки «В» и «Г».

Такая перегруппировка обусловлена тем, что разночтения, пропуски и вставки в списках первой группы по отношению к основному тексту (рукопись «А») представлены довольно часто. Они, например, на листе 2б основного текста отражены в 53 случаях и далее на листах 3а—60, 3б—56, 4а—58, 4б—66, 5а—49, 5б—40 и т. д.

В качестве иллюстрации можно привести следующие текстологические различия: а) пропуски или вставки по отношению к основному тексту: А[265], Б[4а17] + табу́тлары илан 'со своими гробами' (В, Г—)*; А[2615], Б[4610,11] + Самайё рафи́г уланчэ бен, йашэб бен адэм иманы келүбрафи́г улды 'Прожив долгие годы, как бесконечное небо, и завоевав веру многих людей, стал великим'. (В, Г—) или В[6а8], Г[2а4] + донйада 'на свете' (А, Б—); В[6а10], Г[2а7] + вэ канакэ миллэтдэ ирдүки мэглүм дүгелдер 'из какой (он был) национальности — неизвестно' (А, Б—); В[6а16, 17], Г[262] + 13. Бу Киуми́рас һәм падшаһ улды. Йеди... '13. И этот Кеюми́рас стал падишахом. Семь...' (А, Б-); В[6619], Г[361] + бу Таһлаиш 'этот Тахлаиш' (А, Б-); В[6616], Г[3а12] + Чин вилайатендэ 'в Китае' (А, Б-); В[6618], Г[3а15] + гүмренең,

* Знак (+) обозначает наличие приводимого фрагмента (или словоформы), а (—) — отсутствие их.

мөддәте 'продолжительность его жизни' (А, Б-); В[7а5], Г[366] + Тагланыш 'Тагланыш' (А, Б-); В[7а12], Г[3615]+вә андан кечесә 'младший его' (А, Б-); В[7а5], Г[366]+27 (А, Б-) и др.

б) инверсии : А[2612 — 13], Б[467 — 8]... мәмдүх димәкдер. Гинддә дәфен улынды. Исламында ихтилаф... 'он был' достойным хвалы. Похоронен в Индии. Отношение к исламу противоречивое' — В[6а4], Г[1612, 2а1] кафрында вә мосолманында ихтилаф вардыр. Гинддә дәфен улынды. 'Верил [он] в бога или нет — противоречиво. Похоронен в Индии'; А[3а3], Б[4616] 320 йыл гүмер сүрде 'прожил 320 лет' — В[6а10], Г[2а6,7] гүмре үч йүз йикерме улды 'его] жизнь состояла из 320 лет'; А[3а10], Б[5а5] уғлы дүрт булды 'сыновей [у него] было четверо' — В[6а15], Г[2а14] дүрт уғлы булды 'четверо сыновей [у него] было' и т. п.

Встречаются случаи, когда текстологические различия наблюдаются между списками одной подгруппы. Например, Б[4а2] + нәм 'и' (союз) — А[2а6]—; А[265] + анларны 'их' — Б[4а16]—; А[265] анларны Нух гәм... 'их Нух'... — Б[4а16—17] Нух анларны 'Нух их'; В[5616] кәберларе шәмәдә 'могилы [их] священные' — Г[164] шәмәдә кәберларе 'священные [их] могилы'; В[6а6] аңа Идрис дирлар 'его звали Идрисом' — Г[2а2] Идрис аңа дирлар 'Идрисом его звали' и др.

Для списков первой группы характерны лингвистические расхождения. Они обычно заключаются в замене одного слова другим синонимичным словом. Такие замены связаны со стремлением устранить архаизмы.

Для того, чтобы показать характер лексических и грамматических различий списков двух подгрупп, приводим некоторые примеры: В[6а15], Г[261] улды — А[3а11], Б[5а7] булды 'был'; В[6а7], Г[2а3] йазы — [А 3а1], Б[4613] йазу 'письмо'; В[6а6], Г[2а2] кече — А[2614], Б[4610] кечек 'младший'; В[6а6] уғланлары — Г[2а2] уғланчыклары — А[2614], Б[469] уллары 'их сыновья'; В[6а6], А[2614] улмыш — Б[469] булмыш — Г[2а2] улды 'был'; Г[1612] андин — А[2612], Б[467] андан 'от него'; В[5613] тағында — А[263], Б[4а14] тауында 'на горе'; Б[467], В[6а3], Г[1611] катында — А[2612] йанында 'рядом с'; В[6а2] илә — Г[1611] илан — А[2612], Б[466] берлән 'вместе с'; В[6а13], Г[2а11] әйладә — А[3а7], Б[5а1] кылды 'делал' и др.

Языковые различия представлены и между списками одной подгруппы, хотя они относительно редки: А[2а3] йаза килгән — Б[3620] йаза калган 'записывать'; А[2612] мәдфүн улды — Б[467] дәфен әйләндә — В[6а3] дәфен әйладә — Г[1611] дәфен улынды 'похоронен'; А[2615] йашәб — Б[4611] йашәйүб 'прожив'; Г[2а8]

чук ирде — В[6a12] чук иде 'было много'; Г[2a9] ирдүкдә — В[6a12] йетдүкдә 'достигнув'; А[2a9] бең — Б[4a5] мең 'тысяча' и др.

Как видно из примеров, лингвистические различия списков двух подгрупп в основном (если не считать единичные случаи) совпадают с текстологическими различиями этих списков. Примеры показывают, что наиболее архаичные элементы языка уралоповолжского «тюрки» представлены в списках «В» и «Г». Видимо, эти рукописи были составлены по тексту, более близкому к оригиналу.

Вторая группа списков

Ко второй группе списков «Тарих наме-и булгар» относятся остальные известные нам рукописи, представляющие собой сокращенную версию памятника. Они все начинаются с 36 предка-родоначальника Касур-шаха. Сокращенная версия памятника составлена анонимным писцом со слов ишана Вали-Мухаммеда. Сопоставление ее с основными списками первой группы показало, что в ней полностью не охвачена и дальнейшая генеалогия предков. В этих списках описываются следующие предки-родоначальники: 36. Касур — 37. Сократ... 55. Туки¹⁰ — 56. Айдар — 57. Саид — 58. Амир — 59. Солтан-Мурад (в списках Ж, И он отсутствует) — 60. Салим — 61. Илхам — 62. 'Абдулла — 63'. Алимбек — 64. Мир-хажи (в списках Е, Ж — Амир-хан) — 65. Кол'Али... Таким образом, в сокращенной версии дана лишь III часть основного текста, выделенная нами условно, в которой описывается жизнь и деятельность указанных предков, принятие населением Булгарии ислама. Текст сокращенной версии состоит из 4 небольших частей, выделенных словом ал-кисса.

1. Рукопись «Д» (Казанский список, 588г).

Эта рукопись, как утверждает А. Фатхиев, переписана С. Г. Валидовым¹¹. В начале сочинения дано примечание следующего содержания: [1a1] 1928-нче йыл май айында Казан шәһәре Бишбалта бистәсендә тарихи [1a2] асар-кулйазмаларны тикшереп максады белән йасаган барышымда [1a3] мазкур бистәдә үз йорты белән торучы һибәтулла исемлә кешенен, [1a4] кулйазма бер мәжмүгәсендә түбәндәгә бер тарихи сәхифә күчерелдә. 'Во время археографической экспедиции, состоявшейся в мае 1928 г. в местечке Бишбалта около Казани, удалось переписать нижеследующую историю из рукописного сборника, принадлежащего человеку по имени Хибатулла, живущему своим двором в упомянутом местечке'.

Название сочинения приведено в форме: «Һаза бисмилләһи-р-рахмани-р-рахим», «Тарих наме-и болгар».

Список проверен и переинвентаризован в 1954 г., о чем свидетельствует штамп с надписью на л. 1а. Там же написан инв. № 588.

На обложке приклеен квадратный листок бумаги, и на нем написано: «Саид Вахиди китапханасы. Кульязмалар бүлеге, № 605». На листах 1а, 9б, 10б имеются штампы Центральной научной и публичной библиотеки со старым инв. № 3263. Оттиски печати библиотеки С. Г. Вахидова обнаружены на листе 10б. Общее количество листов 5. Размер листов $17 \times 18,5$ см. Текст прерывается на листе 3б словами: Бүларнең, таг башындадыр, уртадагы астанә мәғлүм Хужаныкыдыр. '[Могилы находятся] на горе Биляра, в середине — известный Хужа'.

Последние листы 4а—5б пустые.

2. Рукопись «Е» (Казанский список, 1870г).

Сочинение помещено в сборнике (лл. 74а—78б), условно названном «Йашел тышлы мәжмәғь».

Переплет картонный. На переплете в верхнем правом углу приклеен небольшой квадратный листочек бумаги и на нем написан инв. № 1870г. Сборник поступил в Восточный отдел Научной библиотеки КГУ от Мунира Салахетдинова (из Умбы) в 1961 г.

Общее количество листов сборника — 157. Размер листов $16,5 \times 20$ см. Размер текста $9,5 \times 15$ см. На полях листа 74а, б имеются посторонние приписки более позднего происхождения.

Бумага европейская. Чернила черные. Почерк наста'лик.

В рукописи отсутствуют дата и имя переписчика. Текст кончается словами: [7862] Бу рисалә мәнкулддер кайум-и заман пордәстгер-и [7863] бичаракан вә котб-ал-арифин вә хазрат Вәли-мөхәммәд ишан хазратларендин. 'Этот рассказ переписан со слов всегда готового помочь бедным и всезнающего ишана Вали-Мухаммада'.

3. Рукопись «Ж» (Ленинградский список, В 3492).

Рукопись содержит 24 непромуерованных листа, сшитых в одну тетрадку. Сочинение Т. Ялсыгулова занимает начальные 4 листа, затем следует «История Булгарии» Шараф ад-дина Ибн-Хисам ад-дина ал-Булгари (листы 5б—24б).

Рукопись поступила в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР из коллекции археографической экспедиции, организованной в 1934 г. Академией наук СССР в Татарскую АССР.¹²

Описываемое нами сочинение называется «Таварих» («История») (л. 1б). Оно состоит из краткого введения и 4 небольших частей, выделенных словом ал-кисса. Тексты прерываются такими же словами, как в рукописи «Е». Имя переписчика не указано. Рукопись переписана в XIX в. Переплет современный, картонный. Рукопись реставрирована. Сохранность удовлетворительная. На листе 1а есть синее пятно, у л. I надорвано поле, приписки на листах 1б, 2б, 3а—4а, на листе 3 прорыв размером $0,5 \times 0,1$ см.

Размер листов 18×22 см, текста 10×16 см. На стр. 17 строк, кроме листа 4б, на котором обрывается текст (всего 7 строк). В нижнем углу обратной стороны листов имеются кустоды.

Бумага европейская (русская). Чернила черные и красные. Почерк наста'лик.

4. Рукопись «З» (Казанский список, 1842г).

Сочинение включено в сборник. Текст рукописи «З» составляет 1а—2б л. Общее количество листов сборника — 76. Рукопись включает тексты на тюркском и персидском языках.

Сохранность рукописи неудовлетворительная. Отсутствует начало. Текст начинается со слов:... [1а1] дәрман табарлар диде. Әмма динләрә безчәләйн дүгелдүр диде. Бү сүзнә ишедәчәк хан бойорды [1а2] гәрәбларне үндәделәр. '[Визирь сказал, что арабы] находят лечебные средства. Однако вера у них не такая, как у нас. Услышав эти слова, хан приказал пригласить арабов'

Конец тюркской части (л. 2б): [2а10] Әммә Бүлардә мәғлүм кәбрлар үчдүр. Берсе Шәғәм ахундур. Ба'дадда [2а11] укымышдур. Атасы Иштирак Баһадурдыр. Бағаналы ауылында дәрс әйтүб, мәдфундур [2а12] Бүлардә. Икенчә мәғлүм Хужадур, хәкикәт исемә 'Абдулла Урганчидүр. Үчүнчесе [2а13] Шәбәли суфийдур һәм хажидур. Бүларнең, тағ башындадур уртадағы асәтанә мәғлүм [2а14] Хужадур. 'В Буляре есть три известные могилы. В одной из них Шагым-ахун. [Он] учился в Багдаде. Отец его — Иштиряк Бахадур. Проучительствовав в деревне Бағаналы, умер в Буляре. Другая могила известного Хужи, настоящее его имя Габдулла Ургенчи. В третьей могиле — Шабали суфи и хажы. Могилы находятся на горе Буляра, в середине — известный Хужа'.

На листе 2б приведен небольшой отрывок на персидском языке из «Фарханг-наме». Имя переписчика не указано. Судя по палеографическим данным, рукопись относится к началу XIX в.

Размер листов 16,5×21,5 см. Текст занимает 15×16,5 см. На листах 1а, 2б имеются штампы с надписью: «Отдел рукописей и редких книг. Восточный сектор». На листе 1а под штампом написан черной тушью инв. № 1842г.

5. Рукопись «И» (Уфимский список).

Рукопись приобретена Г. Б. Хусаиновым в г. Мелеузе Башкирской АССР во время археографической экспедиции 1975 г. Список хранится в секторе литературы Института истории, языка и литературы БФАН СССР.

Рукопись содержит листы 1а—4а.

На листе 1а написано: 1832-нче йыл априлнең 11-че күне тарих миләдийә илә '1832 год 11 апреля по христианскому летоисчислению'. Затем следует знак, который является, видимо, тамгой (подписью) переписчика. 1832 г. 11 апреля — вероятно, дата переписки. Переписчик своего имени не указывает.

Рукопись написана красивым почерком наста'лик.

Текст начинается с листа 1б и в целом совпадает с содержанием других списков сокращенной версии «Истории». В рукописи неод-

инократно встречаются названия использованных источников: «Таварих -и дава'ир (лл. 16, 3а, б) и «Фарханг-наме» (л. 3а).

В конце рукописи (л. 4а) приведены почерком того же переписчика некоторые исторические сведения по истории Башкирии и Татарии.

Текст кончается словами: Тарих иижрийэт 1199 '1199 по хиджре' (по христианскому летоисчислению 1784—1785 гг.) Г. Б. Хусайнов полагает, что это дата написания сочинения¹³.

Рукопись сильно пострадала от сырости, у листа 4а надорвано поле, поэтому некоторые слова трудны для прочтения.

Текст без обложки.

Сравнивая вышеописанные списки сокращенной версии «Тарих наме-и булгар», можно обнаружить ряд текстологических и лингвистических расхождений. Приводим несколько примеров, которые могут показать отдельные расхождения списков по тексту и языку.

1. Пропуски и вставки: Ж[166], Е[74а9] + Болгарда 'в Булгаре' (Д, И—); Ж[1612], Е[74а16] + Болгара 'в Булгар' (Д, И—); Е[74611], Ж[2а8] + сенин 'твой' (Д, И—); Д[1615], И[2а8], З[1а1] + эмме динлэре 'однако их вера' (Е, Ж—); Ж[2а13], Е[75а2] + дидүкендэ 'когда сказал' (Д, И, З—); Д[2а7], И[2а14] + айде 'сказал' (Е, Ж, З—); И[265] + динегезгэ 'на вашу веру' (Д, Е, Ж, З—); Д[2а16], Е[75а17], З[1а12] + кадаб 'воткнув' (И, Ж—); Ж[2612] + сун 'после' (в других —); Д[265], И, З + ул заманда 'в те времена' (Е, Ж,—); Ж[3а3] + алды 'взял' (Д, Е, З, И—); Д[2613, 14], З[164, 5], И[3а1] + (с незначительными различиями в правописании): Ул заманда Болгарнын, ханлары беш йүз йикерме димешлар ирде. 'В те времена ханов в Булгаре, якобы, было 520' (Ж, Е—) и др.

Примеры показывают, что в текстологическом отношении характерна некоторая общность, с одной стороны, списков «Е» и «Ж», с другой — рукописей «Д», «И» и «З», хотя она не всегда последовательна. Подтверждается ли это данными лингвистического анализа? Рассмотрим вопрос с привлечением конкретного материала.

2. Лексические различия: Д[164], Ж[1613], Е[7461] гэм — И[1613] гэли-эс-салам 'да будет над ним мир!'; Д[1612], И[2а6], Ж[2а6] табмады 'не нашел' — Е[74610] булмады 'не был'; Д[1613], И[2а6] ай, ханым! 'О, мой хан!' — Е[74611], Ж[2а8] йэ, Айдар хан! 'О, Айдар-хан!'; Д[1613], Е[74612], Ж[2а8] узак 'долго' — И[2а7] узун 'длинный'; И[263] алмак 'брат', 'взять' — Д, Е, Ж табмак 'найти'; Д[262], Е[76а5], Ж[2611] бу халне 'это обстоятельство' — И[269] буны 'этого' — З[1а15] аны 'ее'; З[2а2] кашында — Д, Е, Ж, И катында 'рядом с' и т. п.

Нередки случаи, когда в параллельных местах текста вспомогательные глаголы заменяются одни другими: И[3а6] ханлык сурделэр — Д, Е, Ж, З ханлык кылдылар 'ханствовали'; Ж[3а11] ханлык әйләде — Д, Е, З, И ханлык кылды 'ханствовал'; Д[3а5], И[3а7] хан улды 'стал ханом' — Е [76а11], Ж[3а12] ханлык әйләде — З[1612] ханлык кылды 'ханствовал' и др.

Часто наблюдаются замены древних форм и слов (архаизмов) более новыми: Д[2а11], И[263] кандин — Е[75а11], Ж[263], З[1а9] кайдан 'откуда'; Д, Е, Ж, З улса — И[264] булса 'если будет'; И[265] бирдүки — Д[2а15], Е[75а16], Ж[266], З[1а12] бирдүки 'данное им'; И[265], Д[2а16], Е[75а16] гасаны — Ж[267], З[1а12] тайакны 'палку'; Е[7562], И[267] ивинең — Д[2а19], Ж[269] өйнең '[возле] дома'; Д[262], Ж[2612] андин — Е[7566], И[269] андан 'затем'; И[2611], Д, Ж, З йәүмендә — Е[7569] күнендә 'в день...'; И[2614], Е, Ж байакы — Д[2610], З[163] байагы 'упомянутый'; Ж[3а5] астындин — Д, Е, З, И астындан 'из-под'; Д[2615], Е[76а1], Ж[3а5], З[165] акар ирмеш — И[3а2] ағар ирмеш 'якобы течет'; Ж[3а6] хандин — Д, Е, З, И хандан 'от хана'; Е[76а1], Ж[3а6], З[166] сунра — Д[2615], И[3а2] сун 'после'; Ж[3а7] әйләмеш — Д, Е, И, З әйләде 'делал'; Д[3а7], Е[76а13], Ж[3а15] калмыш — И[3а9], З[1614] калды 'остался'; Д[1а9], Е[74а4], И[162] улды — Ж[162] булды 'был'; Ж[163] атлығ — Е[74а5] атлы 'по имени'; Д[1а15], И[167] улмыш — Е[74а11] улды — Ж[168] булды 'был'; Е[74а13], Ж[169] нә мәғлүмдүр — Д[1а16], И[168] мәғлүм дүкелдүр 'не известно'; Д[165], И[1613] бән — Ж[1614], Е[7462] мен 'я'; Ж[2а1] сезлардин — Д, Е, И сезлардан 'от вас'; Д, Ж, И нәрсадин — Е[7464] нәрсадан 'отчего'; Д[1613], Ж[2а8] улсун — Е[74612], И[2а7] булсун 'пусть будет'; Е[74615], Ж[2а9] өтрү — Д[1616] сун 'затем', 'после'; Д[2а3], И[2а11], З[1а4] Мәдинәдин — Е[75а2], Ж[2а13] Мәдинәдан 'из Мединны'; Д[2а5], И[2а12] вар — Е[75а4], Ж[2а15], З[1а5] бар 'есть'; Д[2а10], Е[75а10], Ж[262] безларә — З[1а9] безларгә — И[262] безгә 'нам' и т. п.

Как можно увидеть из приведенных примеров, лингвистические данные не так уж убедительно подтверждают наше предположение, хотя разночтения в списках представлены достаточно, и даже прослеживаются некоторые общие связи лингвистического характера между отдельными списками. Из рассматриваемых списков наиболее индивидуальными, специфическими чертами выделяются списки «И» и «З». Однако результаты лингвотекстологического исследования списков второй группы не дают твердой основы для дальнейшей перегруппировки их. Это видимо, объясняет-

ся сравнительно поздним происхождением сокращенной версии памятника, чем сам оригинал.

В анализируемых списках сокращенной версии «Тарих наме-и булгар» большой интерес представляют прежде всего языковые расхождения. Как видно из примеров, в различных списках памятника традиция «тюрки» не всегда последовательно сохранена. Переписчикам свойственны колебания в написаниях слов типа ошбу//ушу, улуг//улу, угл//ул, улмыш//булды, андин//андан, калмыш//калды и др. Сохраняя традиционные нормы языка «тюрки», писцы отражали на письме некоторые фонетические, лексические и морфологические особенности своего родного языка. Выявление этих изменений и колебаний, внесенных ими в зависимости от степени грамотности и понимания традиционно-литературных норм, дает возможность проследить в определенной мере и эволюцию языка «тюрки», а также установить пути проникновения разговорных элементов в язык рукописей.

Сопоставление анализируемых списков обеих групп «Тарих наме-и булгар» показало, что списки сокращенной версии как в текстологическом, так и в языковом отношении стоят ближе к спискам «В» и «Г» первой группы. Приведем примеры.

Пропуски-вставки: А[6а3] + туксан 'девяносто' (В, Д, Е, Ж—); А[8а10] + хазратларе 'их величества, сиятельства' (В, Д, Е, Ж, З—); В, Г, Д, Ж, Е, З, И + Эй, гераблар, кандан [кандин Г, Ж] келдурсездар? Хантыл айде: «Мединедан [Дербанедан Г,] келдурмез». Хан айде... «Эй, арабы, откуда приехали?» Хантыл ответил: «Приехали из Медины [Дербенда Г.]. Хан спросил:...» (А—); А[861] + ул «он» (в других —) и т. п.

Лексические различия: А[5а12], Б[6617] кылдылар — В, Г, Д, Е, Ж айладелэр 'делали'; А[565] суң — В, Г, Д, Е, Ж, И өтрү 'после'; А[861] күбдур — В, Г, Д, Е, Ж, З, И чукдур 'было много'; А[8а6], И[2а7] узун 'длинный' — В, Г, Д, Е, Ж узак 'долго'; А[863], И[263] алмак 'брат' — В, Д, Е, Ж, З табмак 'найти'; А[9а5] вафат итде — В, Г, Д, Е, Ж, З вафат улды 'скончался' и др. Интересен еще один пример: А[866] вэ дэватны гаса очына кадаб куйдылар 'чернильницу воткнули на острие палки' — В, Г, Д, Е, Ж, З, И гасаны [тайакны Ж, З] дэват иченэ кадаб куйдылар 'палку воткнули в чернильницу'. Второе предложение, естественно, правильное и логичнее.

Исследуя списки обеих групп памятника с помощью лингвотекстологического приема и интерпретируя полученные результаты в сопоставительно-историческом плане, можно выделить в языке «Тарих наме-и булгар» факты, составляющие два различных ряда. С одной стороны, это лексические, фонетические и морфологические элементы, сохраняющиеся по традиции (первый член пары в приводимых ниже примерах), а с другой — языковые факты, от-

ражающие в определенной мере живой язык того времени (второй член пары). Примеры: чук (В 6a12; Г, Д, Е, Ж, З, И) — күб (А) 'много'; өтрү (Е 74615; Ж 2a9) — сун, (Д 1616) 'затем', 'после'; тағ (В 5613) — тау (А 263; ЕБ) 'гора'; бең (А 2a9) — мең (Б 4a5) 'тысяча'; вир (И 265) — бир (Д 2a15; Е, Ж, З) 'давать', улды (И 162) — булды (Ж 162) 'был'; кандин (Д 2a11; И) — кайдан (Е 75a11; Ж) 'откуда'; калмыш (Д 3a7; Е, Ж) — калды (И 3a9; З) 'остался'; безләрә (Ж 2a10; Е,) — безләргә (И 262; З) 'нам' и т.п.

Таким образом, лингвотекстологический анализ сохранившихся списков «Тарих наме-и булгар» дает богатый и интересный материал, на основе которого могут быть построены дальнейшие лингвистические исследования.

¹ См. описание: А. Фэтхи. Кулъязмалар тасвирламасы, 3-че бүлек Казан, 1968, с. 29—33.

² См. описание: Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии, т. I. М., 1965, с. 69.

³ См.: Г. Б. Хусаинов. Дүртенсе археографик экспедицияның гилми отчеты. Өфө, 1975, с. 38—42.

⁴ М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, с. 159.

⁵ М. Уметбаев. Ядкар. Казань, 1897, с. 45—49.

⁶ Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, с. 168—170 (транскрипция текста), с. 171—172 (перевод), с. 218—220 (комментарии), с. 279—283 (факсимиле).

⁷ А. Фэтхи. Указ. соч., с. 30—32.

⁸ Подробнее об источниках «Тарих наме-и булгар» Т. Ялсыгулова см.: М. А. Усманов. Указ. соч., с. 160—166.

⁹ А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа. XVIII—XIX вв. Уфа, 1973, с. 264—271.

¹⁰ Туки — 57-й предок по Уметбаеву (см.: М. Уметбаев. Указ. соч., с. 47).

¹¹ А. Фэтхи. Указ. соч., с. 33.

¹² Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии, т. I. М., 1965, с. 63, 64, 69.

¹³ См. указанный отчет Г. Б. Хусаинова, с. 42.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Язык башкирских письменных источников пока мало исследован. Кроме отдельных статей В. Ш. Псянчина¹, И. Г. Галяутдинова², автора данной статьи³ и небольшой книги К. З. Ахмерова «Из истории башкирской письменности»⁴, трудно назвать какие-либо специальные работы. Изучение башкирского языка по материалам исторических памятников фактически начато лишь в последние 10—15 лет. До этого языковедами работа по выявлению ранних письменных памятников, относящихся к истории, культуре и языку башкирского народа не велась, языковые же данные этих материалов, если таковые обнаруживались, часто недооценивались и нередко предавались забвению. Следствием этого явилось ограничение источниковой базы исследования истории башкирского и ряда других тюркских языков.

Изучение письменных документов на «тюрки» Урала и Поволжья конца XVIII — XIX вв. тесно связано с исследованием процессов исторического развития языка башкирского народа, а в дальнейшем — башкирской нации.

Этническая интеграция народа, формирование общенародного языка и на его основе национального языка обусловлены прежде всего социально-экономическим и политическим развитием. В то же время В. И. Ленин подчеркивал и значение языковой интеграции, сложения литературного языка в социально-экономических процессах. Он писал: «...для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»⁵.

Первой задачей в изучении языка башкирских письменных памятников является максимальное выявление источников XVIII—XIX вв. (если возможно, и более ранних периодов), выделение в-

них и описание форм общенародной устно-разговорной речи, особенностей территориальных диалектов, анализ их взаимосвязи в различных видах письменной речи.

Исследователям необходимо далее изучить, в какой степени документы деловой письменности отражают язык того времени. Важно также достоверно датировать исторические документы, определить место языка этих памятников в процессе развития и становления общенародного языка, выявить характер взаимоотношения языка исторических документов, устнопозитических и литературных памятников. В связи с изучением письменных документов исследователям предстоит определить уровень традиционности языка исторических источников, а также степень нормализованности языка устнопозитического и литературного наследия башкирского народа. В этом смысле языковедам, как и историкам, литературоведам, предстоит проделать большую текстологическую работу. Необходимо классифицировать выявленные письменные документы с учетом их источниковой ценности, жанровых и других особенностей, принимая во внимание давность их бытования, степень распространения и т. д.

Целенаправленное изучение языка письменных памятников требует и предварительной лингвистической классификации источников, объединения их в группы, единые или близкие по языковым и формальным особенностям. При этом должны быть учтены источниковая значимость документа, характеристика автора, от имени которого составлен источник, и адресат, к которому документ обращен; необходимо также принять во внимание сферу использования и формы памятников, так как эти признаки также влияют на особенность их языка.

С точки зрения лингвистических особенностей письменные памятники рассматриваемого периода могут быть подразделены на 3 группы: а) исторические документы — шежере, указы Салавата Юлаева, указы и манифесты Е. Пугачева, Екатерины II, документы правительства в переводе на «тюрки»; б) официально-деловые материалы — акты, рапорты, билеты, показания свидетелей и др.; в) частноделовая и эпистолярная переписка.

Документы, относящиеся к первым двум группам, могут отражать как интересы целой общины (рода), так и взаимоотношения отдельных лиц. Документы третьей группы касаются в основном отношений между отдельными членами общества: между работодателями и работниками, а также между лицами одной социальной группировки, чаще, конечно, между официальными лицами правящей верхушки. По содержанию документы 3 группы, за небольшим исключением, представляют подлинную деловую письменность; ее возникновение связано с деятельностью местных учреждений и с обращением в эти учреждения частных лиц по тем или иным делам с просьбами: били челом о наделении землей, денежным жалованием, просили уменьшения налогов и повинностей, обращались с просьбами о назначении определенных лиц на ту

или иную административную должность или возведении в духовный сан. Сохранилось много источников, в которых отразились сведения о сложных земельных спорах, относительно имущественных и денежных тяжб и т. д. Как видим, содержание письменных памятников обширно. Оно затрагивает и освещает самые разнообразные стороны жизни общества, отражает сложность его социальной структуры. Все это позволяет обнаружить и исследовать различные аспекты развития башкирского языка на протяжении длительного времени.

Уже первое знакомство с башкирскими письменными источниками позволяет констатировать: лексические, фонетико-морфологические особенности языка этих памятников свидетельствуют о том, что на «тюрки» сильно сказалось влияние народно-разговорного языка. Многие элементы общетюркской, арабо-персидской, русской лексики передавались в текстах в башкирской модификации. Например: *бадишах* (*бадшах*) — *бадша* 'император, царь', *килтер* 'приносить', *сик* 'граница', *сшимэ* 'родник', *ултыр* 'сидеться' и др. Следовательно, «тюрки» исследуемых источников в определенном смысле отличается от «тюрки» памятников Казахстана и Средней Азии. Таким образом, появляется возможность уточнить еще одну важную задачу исследователя письменных документов — выявить и показать специфические лингвистические особенности «тюрки» Урала и Поволжья.

Наиболее рельефные отличия «тюрки» Урало-Поволжья и Средней Азии прослеживаются в лексике. Это четко можно увидеть в характере употребления некоторых исконных и заимствованных слов. В «тюрки» Урала и Поволжья отмечается употребление таких слов, как *өлкән* 'старший' *алус/алыс* 'далекий, далеко', которые не употребляются в «тюрки» Средней Азии. Зато в последнем можно встретить *улаш* 'постоянно', *кайра* 'снова', *курла* 'раз' и другие, не характерные для Урала и Поволжья. В «тюрки» Урало-Поволжья большое место занимают заимствования из русского языка: *губирна* 'губерния', *өйәз* 'уезд', *янарал* 'генерал', *кәнсаләр* 'канцелярия', *крәстийәнләр* 'крестьяне', *ушаска* 'участок', *чинауник* 'чиновник', *урәт* 'урядник', *пауирнай* 'поверенный', *нумир* 'номер', *рипурт* (варианты: *ырпурт*, *рабурт*) 'рапорт', *кенәз* 'князь', *парушений* 'поручение', *нижний зимский*, 'нижний земский' и др. В «тюрки» же Средней Азии русизмы, как правило, мало употребительны, но зато в словарном составе значительный процент занимают арабские и персидские заимствования, часть из которых в «тюрки» Урала и Поволжья имеет либо единичное употребление, либо совсем не встречается. Так, в Средней Азии наблюдается частое использование таких арабо-фарсизмов, как *илтимос* 'просьба, ходатайство' *мавжуд* 'существующий, наличный', *махкам* 'крепкий, прочный' и т. д. Кстати, все перечисленные заимствования свойственны и для современных узбекского, туркменского языков с теми же значениями, что и в «тюр-

ки» Средней Азии. В современных башкирском и татарском языках перечисленные заимствования совсем неупотребительны.

Оба «тюрки» отличаются не только отдельными специфическими словами, но и словосочетаниями, которые так или иначе связаны со своеобразием истории, языка и культуры народов Урала, Поволжья и Средней Азии. Так, для «тюрки» Урало-Поволжья характерны словосочетания, которые менее употребительны в «тюрки» Средней Азии: *кул куйыу* 'подписываться', *тамга куйыу* 'приложить тамгу' или же совсем неупотребительны — *кэбэн куйыу* 'стоговать сено' и др. Но в «тюрки» Средней Азии преобладают *мөхөр басдум* 'печать поставил', *ук хезмәте кылыу* 'нести службу лучника' и др.

Обращают внимание и различия в употреблении топонимов и этнонимов в «тюрки» Урало-Поволжья и Средней Азии. В «тюрки» Урало-Поволжья часто (или только в нем) употребляются: *Нугай юлы* 'Ногайская дорога', *Себер юлы* 'Сибирская дорога', *Өфө калғасы* 'город (крепость) Уфа', *Казан шәһәре* 'город Казань', *Кызыл яр* 'Красный яр', *Яббар ауылы* 'деревня Яппарово' и т. д.; из этнонимов — *табын кыпчак* 'табынские кыпчаки', *кара табын* 'кара-табынцы', *ғәйнә башкорта* 'гайнинские башкиры', *кыуакан иле* 'род куваканцев' и др. В Средней Азии наиболее употребительны топонимы *Йангикент*, *Маңғышлак* 'Мангышлак', *Сыр-Дарья*, *Бухора* 'Бухара', *Мавераннахр* и др.; из этнонимов — *халадж* 'калач', *йазыры*, *йамуды* — племенное деление огузов.

Из изложенного явствует, что лексическое своеобразие письменных памятников заслуживает тщательного исследования в сравнительно-историческом плане.

В «тюрки» Урала и Поволжья (в конкретном случае в «тюрки» только Урала) наблюдается фонетическое соответствие согласного *h*, *x* вместо *s* в начале слова и аффиксов. Ср.: *илле хум акча* '50 рублей денег'⁶, *б* вместо *n* в начале слова: *бечэн* вместо *печэн* 'сено'⁷, *бамушник* 'помощник', *бахутнай* 'походный'; согласного *s* вместо *ч*: *сабканларун* 'то, что скосили'⁸, *татарса* 'по-татарски'⁹, *юк сакда* 'когда нет'¹⁰, *Силәбе* 'Челяба'¹¹ и т. д. В фонетических особенностях «тюрки» Средней Азии подобные соответствия совершенно несвойственны. Для него характерно стабильное употребление губных звуков даже в тех случаях, где это совершенно необязательно: *хэзрәтләруңуз* 'Ваше высочество', *берүб* 'отдав', *ебәргәй ирдүңуз* 'вы послали, отправили' и др. Приведенные примеры в «тюрки» Урало-Поволжья чаще встречаются в виде *хэзрәтләреңез*, *биреб*, *ебәргәй ирдеңез* в тех же значениях.

Отчетливо прослеживаются изменения, которым подвергался язык в ходе своего исторического развития и формирования, и в его морфологической структуре. Судя по нашим источникам, в письменном языке башкир XVIII — XIX вв. склонение сложилось в сравнительно прочную и стройную систему. Вместе с тем категория падежа имеет некоторые особенности.

По оформлению и употреблению отличаются такие падежи, как родительный, винительный, дательно-направительный, исходный. Так, спорадически наблюдается параллельное употребление родительного и винительного падежей у имен существительных, оформленных аффиксом принадлежности. Например, *башың* (форма род. п.) 'твоя голова' употребляется в значении винительного падежа 'его голову' вместо *башын* или *башыны* 'его голову'. Дательно-направительный падеж иногда имеет аффикс *-а/-э*, т. е. форму, характерную для огузских языков: *Дагыстана вармышлар* 'поехали в Дагестан'¹², *Хатун мәһләкәдән качыб төркмәнә килде* 'скрываясь от смертельной опасности, женщина бежала к туркменам'¹³. По своему оформлению отличается и исходный падеж, который, наряду с аффиксами *-дан/-дән*, *-тан/-тән*, имеет и показатель *-дин*, что было характерно для древнетюркских памятников и других письменных источников. Например: *Гәрәй би Каракильмәтдин картрак ирде* 'Гирей-бий был старше Каракильмета'¹⁴. Кстати, данная форма исходного падежа встречалась в башкирских песнях, которые даны С. Г. Рыбаковым в книге «Музыка и песни Уральских мусульман»:

Суттин апак блаклады
 Кым кукракларына салырсың?¹⁵
 'Руки [которые] белее молока,
 На чью ты грудь положишь?'

В башкирских памятниках наблюдается использование формы основного падежа вместо формы дательно-направительного: *Себер китте* 'Уехал (поехал) в Сибирь', *Ырымбур китте* 'Уехал (поехал) в Оренбург'. Аналогичное употребление сохранилось в настоящее время и в устной разговорной речи башкир, в языке сибирских татар, а также в ряде диалектов азербайджанского языка¹⁶.

Для памятников общими, нормативными являются глагольные формы времен, характерные для современного башкирского языка, например: прошедшее время на *-ған/-гән*, будущее время на *-ар/-әр/-ыр* и др.

Однако при совпадении ряда глагольных категорий и их форм выражения обнаруживаются и значительные различия. Так, в памятниках редко встречаем временные формы типа *барыр иде* (ирде) 'ходил', *эшләр иде* (ирде) 'работал', *барыр булған иде* (ирде) 'решил было ехать', *эшләр булған иде* (ирде) 'решил было сделать, поработать', соответствующие современным временным формам глагола на *-ған/-гән ине*, *-ар/-әр ине*, *-ар/-әр булған ине*: *Ошбу ердин тикрүб түләр ирделәр* '[Ясак] платили, доставляя с этих земель'¹⁷; *Һәр икесең уклады Иделнең үтә жәнибендән олан юлларның килдегендән үтәр ирде*. 'И стрелы их перелетали дороги, идущие по обеим сторонам реки Белой'¹⁸. Редко употребительной является также и временная форма на *-ачак/-әчәк*, соответствующая современной форме на *-асак/-әсәк/-йәсәк*: *бара-*

сак 'пойдет (непрерывно)', *килэсэк* 'придет (непрерывно)' и др. В отличие от современного башкирского в языке памятников часто наблюдается употребление временной формы на *-мыш*, которая идентична по своему значению временной форме на *-ған/-гән* современного башкирского литературного языка: *Өфө калғасына килмеш* равнозначно *Өфө калаһына килгән* 'приехал (пришел) в город Уфу'. В отдельных случаях глагол прошедшего времени имеет форму на *-ғай*: *Бу үлекләрдә бер ғәзиз булғай*. 'Среди похороненных был один святой'¹⁹. *Бу ерләрдә урыс күб булғай*. 'В этих местах было много русских'²⁰.

В исследуемых источниках своеобразное оформление имеют и неличные формы глагола. Так, причастие прошедшего времени, наряду с аффиксами *-ған/-гән*, *-қан/-кән*, имеет показатель *-мыш/-меш*, характерный для огузских языков. Например: *ушбу кәнчәләрундә кылунмыш хакиме кытуынча* 'согласно приказу (досл.: сделанному приказу — Р. Х.) этой канцелярии', *кушылмыш дәфтәргә* 'в присоединенной тетради'²¹ и др.

Значительные различия прослеживаются и в употреблении несамостоятельных частей речи — послелогов и служебных имен. Так, в памятниках встречаются служебные слова: *атроф* (< *тараф*) 'сторона', *кейин* 'после, затем', послелог *үзгә* 'кроме' и другие, которые не характерны для современного башкирского литературного языка.

Отмеченные лексические, фонетические, грамматические значения и формы совпадают с некоторыми старобашкирскими и старотатарскими (чагайскими) памятниками, язык которых лег в основу «тюрки» Урала, Поволжья, Казахстана, Средней и Передней Азии.

В программу всестороннего исследования языка памятников башкир XVIII—XIX вв. должен быть включен анализ структуры текстов, стилистических средств, графики, орфографии. Все это будет способствовать выявлению и установлению общих и специфических черт «тюрки» Урало-Поволжья и Средней Азии.

При анализе языка письменных памятников важно обращать внимание и на выяснение исторического взаимодействия между башкирским, татарским, русским и другими языками. Данные, полученные в результате изучения письменных памятников, могут внести определенную детализацию, а порой существенные дополнения и коррективы в исследования, посвященные языковым контактам.

¹ В. Ш. П с я н ч и н. Шежере как источник по исторической грамматике башкирского языка. — «Археография и источниковедение истории литературы и языка». Уфа, 1975, с 80—82.

² И. Г. Г а л я у т д и н о в. Некоторые морфологические особенности языка «Тарих наме-йә Булгар» Т. Ялыгулова. — «Учитель Башкирии», 1975, № 6.

³ Р. Х. Халикова. Язык башкирских исторических, юридических и деловых документов XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1963; Е е ж е. Документы Госархива Оренбургской области как источник изучения письменного языка башкир XVIII—XIX вв.— «Археография и источниковедение истории литературы и языка». Уфа, 1975, с. 71—73 и др.

⁴ К. З. Ахмеров. Из истории башкирской письменности. Уфа, 1972.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, с. 258.

⁶ Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. И.—227, оп. 1, д. 17, л. 50 об.

⁷ Там же, д. 18, л. 1, д. 18, л. 3 об.

⁸ ГАЧО, ф. И—115, оп. 1, д. 3, лл. 3, 3 об.

⁹ Там же, д. 15, л. 30.

¹⁰ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. III, оп. 1, д. 498, л. 12.

¹¹ ГАЧО, ф. И—115, д. 22, лл. 2, 2 об.

¹² Р. Г. Кузеев. «Башкирские шежере». Уфа, 1960, с. 282.

¹³ Там же, с. 279.

¹⁴ Там же, с. 246.

¹⁵ С. Г. Рыбаков. Музыка и песни Уральских мусульман. СПб., 1897, с. 165.

¹⁶ Д. Г. Тумашева. Язык сибирских татар, ч. II. Казань, 1968, с. 113; Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, с. 154; см. выступление В. И. Асланова.— «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963, с. 209.

¹⁷ Р. Г. Кузеев. Указ. раб., с. 246.

¹⁸ Там же, с. 259.

¹⁹ Там же, с. 233.

²⁰ Там же, с. 236.

²¹ ГАЧО, ф. И—115, оп. 1, д. 100, л. 44 об.

КЫПЧАКСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Изучение лингвистических особенностей кыпчакских письменных памятников является одной из важных проблем в тюркологии. Они дают возможность исследовать историю развития и формирования современных тюркских языков; помогают выяснить сложные вопросы этногенеза того или иного народа. В последние годы сделана значительная работа по систематизации кыпчакских письменных памятников и изучению их в монографическом плане.

В этой статье речь пойдет об одном письменном памятнике кыпчакского языка — тюркско-арабском словаре XIII в. «Китабе мәжму тәржемане торки вэ ажэми могли вэ фарси», изданного на немецком языке голландским ориенталистом Мартином Теодором Хоутсма (1894). В нашу задачу входит выяснение отношения этого памятника к современному татарскому языку на основе рукописи, приложенной к книге М. Хоутсма¹.

О языке памятника высказывались также ученые-тюркологи П. М. Мелноранский, А. Зайончковский, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, Э. Н. Наджип и др. Впервые лексическая часть тюркско-арабского словаря переведена на русский язык А. К. Курьшжановым².

Языковые особенности, наблюдающиеся в кыпчакских письменных памятниках, в частности в тюркско-арабском словаре XIII в., находят свое отражение в современном татарском литературном языке и его диалектах. Следует указать, что при исследовании языка кыпчакских памятников обнаруживается отсутствие единой системы языка. Объясняется это тем, что кыпчаки были расселены на большой территории, и их язык состоял из нескольких диалектов. При выяснении языковых особенностей памятников требуется осторожный и дифференцированный подход. Особенно необходимо это при решении вопроса об отношении кыпчакских памятников

к тому или иному современному тюркскому языку. В так называемых кыпчакских памятниках наблюдаются не только чисто кыпчакские, но и элементы, характерные для огузских, уйгурских, карлукских языков.

Тюркско-арабский словарь близок к письменным памятникам XIII—XIV вв. Примером могут служить кыпчакские источники «Кодекс куманикус» и «Китаб-эль идрак ли лисан эль-атрак» Абу Хайяна, на это обращал внимание в 1894 г. и М. Хоутсма³.

Примечательно, что слова и формы в исследуемом нами словаре встречаются в письменных памятниках Поволжья XIII—XIV и XV—XVI вв. Например, глагол *агрлагл** (Хоутсма, с. 37) 'уважать', 'почитать' зафиксирован и в булгаро-татарской эпитафике⁴.

В словаре многие слова, относящиеся к различным тематико-семантическим группам, встречаются в лексическом составе и фонетической системе современного татарского языка почти в неизменном виде: *агач* — в словаре *агач* 'дерево' (с. 7); *адым* — *адм* (с. 21) 'шаг'; *агу* — *агу* (с. 27) 'яд'; *айгыр* — *айгр* (с. 12) 'жеребец'; *айык* — *айк* (с. 26) 'трезвый'; *ана* — *ана* (с. 31) 'мать'; *арпа* — *арпа* (с. 9) 'ячмень'; *ата* — *ата* (с. 32) 'отец'; *бакыр* — *бакр* (с. 23) 'медь'; *бал* — *бал* (с. 16) 'мед'; *борча* — *брча* (с. 12) 'блоха'; *су* — *су* (с. 31) 'вода'; *укак* — *укак* (с. 6) 'очаг'; *торма* — *трма* (с. 8) 'редька'; *томан* — *тман* (с. 5) 'туман'; *саз* — *саз* (с. 8) 'болото' и т. д.

В таком же плане четко выделяются лексические и грамматические омонимы, являющиеся исторической категорией и встречающиеся еще в древнетюркских письменных памятниках: *ай* Ркп (с. 5) *ай* 'луна', *ай* Ркп *ай* 'месяц'; *арка* (с. 21) *арка* 'спина', *арка* (с. 40) *арка* 'помощь, поддержка'; *ачы* (с. 27) *ачы* 'горький, кислый', *ачы* (с. 21) *ачы* 'редька'; *борон* (с. 26) *бурын* 'прежде, раньше', *борон* (с. 20) *бурын* 'нос'; *борчак* (с. 5) *брчак* 'град', *борчак* (с. 5) *брчак* 'горох'; *каш* (с. 18) *каш* 'драгоценный камень', *каш* (с. 20) *каш* 'бровь'; *корт* (с. 11) *курт* 'волк', *корт* (с. 12) *курт* 'червь'; *от* (с. 8) *ут* 'трава', *от* Ркп (с. 17) *ут* 'огонь'.

Грамматические омонимы: *ак* Ркп (с. 50) *ак* 'белый', *ак* (с. 7) *ак* 'течь'; *ал* (с. 13) *ал* 'алый', *ал* (с. 36) *ал* 'брать'; *йүз* (с. 22) *йүз* 'сто', *йүз* (с. 35) *йүз* 'плавать'.

Значительное место в словаре занимают синонимы, обозначающие одно и то же понятие, которые активно употребляются в живой разговорной и письменной речи татарского языка. Примеры: *соған*, *йова* 'лук', Ркп (с. 8) *суған*, *йауа*; *баиш*, *чыбан* 'начало, нарыв', Ркп (с. 30, 35) *баиш* (с. 33) *чбан*.

* Арабские написания даются в упрощенной транскрипции, причем полные гласные указываются знаком долготы, опущенная диакритика не восстанавливается.

Не подлежит сомнению, что употребление синонимичных слов в кыпчакском языке было дифференцировано функционально. Традиции такого исторического явления наблюдаются и в настоящее время. Это вполне доказывается на примере синонимов *булак* Ркп (с. 6) *булак* и *көл* (с. 6), *кул* в значении *источник, река*. В современном татарском литературном языке слово *болак* — *река*, а *кул* — *озеро*. В народно-разговорной речи прежняя семантика этих слов сохраняется. Например, в говоре татар нагорной стороны среднего диалекта слово *кул* употребляется в значении *озеро*: *кулга барабыз* (буинско-тарханский говор), в лит. яз. — *елгага барабыз*. Естественно, синонимический ряд слов включает в себя особенности книжной и устно-разговорной речи. Такое явление подтверждается также на материале ранних письменных источников.

Следует указать, что некоторые тождественные слова, отмеченные в словаре XIII в., в настоящее время в татарском языке являются архаичными. Примером могут служить слова *ынак*, *корт*, *эзиг*, *буй*, *өкүш*, *телим*, *йол*; *дост*, *ынак*, 'друг, приятель' Ркп (с. 26, 32) *дуст*, *айнак*; *бөрү*, *корт* 'волк' (с. 11) *бору*, (с. 11) *курт*; *башмак*, *эзиг* 'обувь' (с. 19) *башмак*, (с. 16) *излк*; *чайан*, *буй* 'скорпион' (с. 11) *чайак*, (с. 11) *буй*; *көн*, *өкүш*, *телим*, *йол* 'много' (с. 25) *куб*, *уки*, *йул*, *талм*.

Из этих примеров слова *дост* (орф. *дус*) *бөрү* (орф. *буре*), *башмак* (орф. *башмак*), *чайан* (орф. *чаян*), *көн* (орф. *күн*) составляют активный словарный фонд татарского и других тюркских языков.

В словарь включены также лексические единицы, имеющие противоположное значение. Как видно из примеров, такие слова были широко распространенными в книжной и повседневной речи того времени. На стр. 25, 26, 27 мы встречаем много антонимов: *йакын* Ркп *йакн* 'близкий' — *йырак* Ркп *йрак* 'далекий'; *көн* Ркп *көб* 'много' — *аз* Ркп *аз* 'мало'; *йаман*, *йаман* 'плохой' — *йакши*, *йакши* 'хороший', *ийге*, *айки* 'хороший' — *кай*, *кай* 'плохой'; *озун*, *озун* 'длинный' — *кыска*, *кска* 'короткий'; *тири*, *тири* 'живой' — *өлү*, *улу* 'мертвый'; *ток*, *тук* 'сытый' — *ач*, *ач* 'голодный'; *икез*, *икиз* 'двойня' — *йалкыз*, *йалкз* 'одинокий'; *көчлү*, *кучлу* 'сильный' — *көчсүз*, *кучсиз* 'слабый'; *бай*, *бай* 'богатый' — *йуксыл*, *йуксул* 'бедный'; *барлу*, *барлу* 'имеющий' — *йуклы*, *йуклу* 'неимеющий'; *суык*, *суук* 'холодный' — *исси*, *эсси* 'жаркий'.

Словарь дает значительный материал для выяснения исторического развития отдельных слов татарского разговорного языка, бытующих и поныне в его диалектной системе. Например: *алын*, Ркп (с. 20) *алн* 'перед', 'передняя сторона'; *ару*, (с. 27) *ару* 'чистый', 'невинный'; *ев*, (с. 6) *ау* 'дом'; *мачы*, (с. 11) *мачи* 'кошка'; *узга*, (с. 54) *узга* 'другой'; *тирман*, Ркп (с. 69) *тирман* 'мельница'.

Фразеологические выражения и устойчивые словосочетания продолжают свое активное употребление в татарском литературном языке и народно-разговорной речи. Приведем некоторые из них: *ант эч (кел)* Ркп (с. 36) 'принять присягу', 'клясться'; *арка бир (сел)* (с. 34, 40) 'помогать'; *аш булсун* Ркп (с. 15) 'приятного аппетита'; *баш өчүн* (с. 30, 35) 'из-за головы'; *жан тартмак* (с. 33) 'быть в агонии' и др.

Можно отметить некоторые особенности и в области фразеологических выражений и словосочетаний. Так, например, в тюркско-арабском словаре отмечено слово *йек* 'черт', 'дьявол' и фразеологическое выражение *йек көргел* 'ненавидеть', см. Ркп (с. 36). Слово *йек* в тат. лит. яз. не встречается, а в народно-разговорной речи и диалектах (в буинско-тарханском говоре) мы находим интересное фразеологическое выражение у глаголов желательного наклонения на -*кыры*: *жек кыргыры* 'черт бы побрал' (букв. 'черт бы уничтожил').

Фонетические особенности, наблюдающиеся в кыпчакских памятниках, находят широкое отражение в историческом развитии татарского языка. Это можно наблюдать также в словаре XIII в. Отметим следующие фонетические явления и передвижения звуков в области вокализма.

Узкое употребление во втором и последующих слогах звуков *ы, у, ү*. Например: *балчык* Ркп (с. 24, 42) *балчк* 'глина', 'грязь', Кур. *балчык*. В совр. тат. яз. *балчык*, ср.: Тефс *балчук*; *артык* Ркп (с. 28) *артк* 'излишек', Хоут. *артук*, Кур. *артук*. В тат. яз. *артык* (орф. *артык*); ср.: МК, АХ, Тефс *артук*.

В современном татарском языке такие языковые явления нормированы по болгарско-кыпчакскому типу *артык, балчык*, а не *артук, балчук*.

Как известно, в фонетической системе тюркских языков действует так называемый закон небного и губного сингармонизма. В татарском языке он имеет свои специфические особенности. Возьмем, например, лабиальную гармонию гласных. Если слово кончается на закрытый слог, то широкая лабиализация не может распространяться на второй слог: *утыз* (не *утуз*), *уғыл* (не *угул*), *утыр* (не *утур*) и т. д. В этом случае гласный звук во втором слоге произносится узко. Эта тенденция обнаруживается и в тюркско-арабском словаре. Например: *болыт* Ркп (с. 5) *булит* 'облако', Хоут. *булыт*; Кур. *булыт*. В совр. тат. яз. *болот* (орфоэп.), *болыт* (орф.); ср.: СС *булут*; Тз *булут*; *бутин* Ркп (с. 28) *бутин* 'целый', 'полностью', Хоут. *бутин*; Кур. *бутүн*. В совр. тат. яз. *бөтөн* (орфоэп.), *бөтен* (орфогр.); ср.: МК, ИМ, Тз *бутүн*.

Такое явление, отсутствующее и в диалектах татарского языка, вполне можно рассматривать как одну из особенностей кыпчакского языка, связанную с конкретными историческими предпосылками в формировании татарского языка.

В области консонантизма.

Выпадение в конечной позиции согласных звуков *g* или *ɣ*:

а) в именах прилагательных:

ачы Ркп (с. 27) *ачы* 'горький', Хоут. *ачы*, Кур. *ачы*; в совр. тат. яз. *ачы*; ср.: МК *ачыг*, ИМ *ачыг*;

татлу Ркп (с. 27) *татлу* 'вкусный, сладкий', Хоут. *татли*; Кур. *татлу*; в совр. тат. яз. *татлы*; ср.: МК *татлыг*; ИМ *татлыг*;

тири Ркп (с. 26) *тири* 'живой', Хоут. *тири*, у Кур. *тири*; в совр. тат. яз. *тере*; ср.: МК *тириг*, ИМ *тирик*;

б) в именах числительных:

илли Ркп (с. 22) *алли* 'пятьдесят', Хоут. *элли*, Кур. *елли*; в совр. тат. яз. *илле*; ср.: МК *еллиг*;

отсутствие *g* между корнем и суффиксом (в конце слова):

буйачы Ркп (с. 24) *буйачи* 'красильщик', Хоут. *бойачи*, Кур. *бойачы*; в совр. тат. яз. *буйаучы* (орф. *буяучы*); ср.: ИМ *бойачы* и т. п.

Такое изменение происходит на основе перехода звуков $ɣ > \omega$.

Выпадение согласных *ɣ* в середине слова:

бодай Ркп (с. 9) *будаи* 'пшеница', Хоут. *будаи*, Кур. *будай*; в совр. тат. яз. *бодай*; ср.: МК, АХ *бордай*, XIII *бурдай*.

Переход согласного *g* в ω : *ойрат* (с. 42) *аираткл* 'учить', Хоут. *ойрат*, Кур. *уврет*; в тат. яз. *ойрат*; ср.: МК *огран*, Тз *огран*// *евран*, АХ *огран*.

Употребление дифтонгов и дифтонгоидных звуко сочетаний также связано с чередованием и соответствием согласных. Например, в результате перехода некоторых звуков в средней и конечной позициях появляются дифтонги, которые принимают системный характер в кыпчакских языках:

а) *иг*, *из* > *ий*:

ийяр Ркп (с. 14) 'седло', Хоут. *ийяр*, Кур. *ийяр*; в совр. тат. яз. *ийяр* (орф. *ияр*); ср.: АХ *игяр*, МК *изяр*.

б) *ад*, *аз* > *ай*:

айак Ркп (с. 12, 17, 18, 21) *айак* 'нога', Хоут. *айак*, Кур. *айак*; в совр. тат. яз. *айак* (орф. *аяк*); ср.: МК *азак*, ИМ *адак*;

айрыл Ркп (с. 42) *айрлг* 'отделяться', Хоут. *айрул*, Кур. *айрыл*; ср.: МК *адурмак*, XIII *адурмасун*;

в) *ед*, *ез* > *ей* (*ид*, *из* > *ий*):

едги Ркп (с. 25) *айзи*, *айги* 'хороший', 'лучший', Хоут. *айиги*, Кур. *ейги*; в совр. тат. яз. *изге*, *ийге* (лек) (орф. *игелек*); ср.: МК *езгу*, ИМ *едгү*.

В татарском языке очень многие слова в начальной позиции употребляются со звуками *ж(з)* или *й (j)*. Это явление содержит особенности обоих диалектов как джоканья, так и йоканья. Исследования показывают, что в литературном языке йоканье преобладает в начальной позиции над джоканьем. В тюркско-арабском словаре мы обратили внимание на слова, начинающиеся на *й(j)*.

При статистико-сравнительном анализе их с современным татарским языком оказалось, что из 196 слов (например: *йакшы, йан, йаман, йандыр, йарат, йат, йака, йазык, йимеш, йегет, йоғары, йырак, йылан, йул, йулдаш, йунгыч, йулдыз, йомишак йүз, йурак, йим, йилем, йите, йит йизнэ* и т. д.) лишь 24 слова передаются в литературном языке с согласным *ж*. Следует сказать, что из общего числа слов, начинающихся на *й*, в литературном языке употребляется 147, а остальные 49 слов не имеют активного употребления, встречаются только в диалектах, топонимических названиях или считаются архаизмами. Исходя из этого можно считать, что йоканье, характерное для кыпчакских языков, занимает значительное место в татарском языке.

Особый интерес представляет изучение грамматических форм и категорий в указанных памятниках. Путем сравнительно-сопоставительного анализа языка памятников с особенностями среднего и западного диалектов татарского языка можно выявить общие черты и аналогичные формы. Многие морфологические особенности в кыпчакских памятниках находят свое отражение в отдельных диалектах и говорах татарского языка. Остановимся на некоторых из них:

Падежные аффиксы очень схожи с аффиксами современного языка с той небольшой разницей, что в словаре наблюдаются формы, характерные для огузской группы тюркских языков.

Как письменный источник кыпчакского языка словарь XIII в. не очень большой по объему, однако анализ лексического и фонетико-грамматического материала этого памятника показывает, что исторически конкретные нормы татарского языка начали, видимо, складываться и развиваться еще в период Булгарского государства до эпохи Золотой орды.

¹ Ein Türkisch-arabisches Glossar. Nach der Leidener Handschrift. Herausgegeben und erläutert von M. Th. Houtsma, Leiden — E. Y. Brill, 1894.

² А. К. Курьшжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970 (в тексте указывается только фамилия автора).

³ M. Th. Houtsma. Ein Türkisch-arabisches Glossar, с. 5 (в тексте — Хоут).

⁴ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, табл. № 15 (в тексте — Юсупов).

С о к р а щ е н и я

АХ — А. Caferoglu. Abu-Nauyan «Kitab al-idrak li-lisen al-Atrak». Istanbul, 1931.
 ИМ — Словарь Ибн-Муханны. П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
 МК — М. Кошгарий. Девону лугитит турк. Индекс-Лугат. Составители Г. Абдрахманов и С. Муталлибов. Ташкент, 1967.
 СС — W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St-Petersbourg, 1887.

- Тз — Аттухфатуз закияту филлугатит туркия. Составитель С. М. Муталлибов. Тошкент, 1968.
- Тэфс — А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тэфсира XII—XIII вв. М., 1963.
- XIII — A. Zajoncowski. Najstarsza wersja turecka «Husräv u Sirin» Qutba Warszawa, 1961.
- Кур. — А. К. Курышжанов.
- Хоут. — M. Th. Houtsma.
-

О ПРИЕМАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БУЛГАРСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Изучение надмогильных памятников волжских булгар имеет свою историю. До сегодняшнего дня булгароведение по сравнению с другими областями тюркологии остается наиболее спорным и недостаточно изученным. Интенсивная разработка истории тюркских языков Урало-Поволжского региона делает эту проблему еще более актуальной, однако отсутствие полного свода памятников с уточненным переводом и лингвистическими комментариями является серьезной помехой для дальнейшего развития булгароведения.

Тексты памятников не отражают народно-разговорного языка волжских булгар, но между ними нет и «китайской стены». Есть все основания предполагать, что язык эпитафий является особым языком, сохранившим свои архаичные черты и употребляемым только в ритуальном письме текстов надмогильных плит.

Надписи памятников *т*-, *дж*-диалектов и *й*-диалекта¹ показывают некоторые различия в употреблении одних и тех же графем. Это и понятно, ведь тексты, относящиеся к первым двум диалектам, составлены на языке, не применяемом для повседневного общения, и по этой причине у резчиков не могло быть твердых навыков, устойчивых приемов написания отдельных звуков. Булгарские эпиграфические памятники относятся к XIII—XIV вв., т. е. к золотоордынскому периоду, а в это время официальным канцелярским языком считался уйгурский, и это обстоятельство не могло не сказаться на принципах письма булгарских резчиков. Это особенно проявляется в написании гласных звуков. Так, фор-

ма* различными авторами читалась как *ç'iadi*², *жцати*//

* По техническим причинам не все примеры даны в арабской графике. Чтобы полнее представить начертание того или иного слова, в транслитерации над гласными, которые изображаются с помощью «алифа», «йа» и «вав» ставится знак долготы. Диакритические знаки, пропущенные резчиками, не восстанавливаются, а согласные звуки передаются буквами русского алфавита с прибавлением некоторых тюркских букв.

жҗияти//жҗийати³, жҗяти//жҗети⁴, сьичче⁵, ситте⁶, дҗиатсә
дҗити⁷, дҗйэти⁸, ж (и) йэт⁹, зйәти¹⁰, ййети¹¹ и т. д.

В памятниках древнетюркской письменности и в современных тюркских языках в середине данного слова применение дифтонгов не наблюдается. Это в полной мере относится и к тюркским языкам Урало-Поволжского региона, ср.: тат. *жиде*, башк. *ете*, чув. *сичче* 'семь'. Вышесказанное, а также варианты написания *дҗадж//дҗат*, *дҗдҗ//дҗт*, *дҗдҗа//дҗта*, *дҗти* дают возможность сочетание «йа» + «алиф» читать не *-иа-* или *-йа-*, а как *-е-*.

Подобное сочетание графем применено и в написании слов: *бийалим* 'пятый', ср.: *блдж*, *зийарәт* 'место погребения, могила'; *зирт*, *дҗийәрм* 'двадцать'; *дҗрм*, *дҗирме*, *дҗирәм*, *дҗирим*; *кийал* 'жена'; сар-юг. *келин* < *кел* + *ин* 'невеста, жена', др. тюрк. *келин* < *кел* + *ин* 'невеста, невестка' (ДТС, 296), также формы *калин* < *кәл* + *ин* (Хоутсма, 95), *кали* < *кәл* + *и*, *калин* < *кәл* + *ин*, *кәләш* < *кәл* + *әш* 'невеста, невестка, сноха, любовница, молодая жена' (Радлов, II, 1116), тат., башк. *килен* < < *кил* + *ен* 'сноха, невестка, молодуха', *кәләш* < *кәл* + *әш* 'невеста, молодая жена'.

Несомненно, эти слова должны читаться с серединным *-е-*, например как *бешим* 'пятый', *зерәт* 'место погребения, могила', *дҗерме* 'двадцать', *кел* 'жена'.

Факты дунайско-булгарского языка также подтверждают данное предположение: 1) дун.-булг. *-и-*, волж.-булг. *-е-*, например, *читемъ* 'седьмой' (в греческом шрифте *дҗс* и *ч* обозначаются одинаково); 2) дун.-булг. *-е-*, волж.-булг. *-е-*, например, *бехти* 'пятый'.

Графическая необозначенность некоторых других тюркских звуков служила серьезной помехой правильному чтению отдельных слов. Важно подчеркнуть, что фонетический принцип письма предполагает обозначение одной фонемы сочетанием двух или нескольких графем для более адекватной передачи звуков. Наиболее часто употребляемый прием — комплекс, состоящий из двух знаков, по нашему мнению, применен также в обозначении полушироких лабиализованных звуков *-о-* и *-ө-*.

Существование этих звуков в болгарских надписях никем не отрицалось. Вопрос возникал в ином плане: какими графемами они могли передаваться? Н. Ф. Катанов, выдвигая свою гипотезу об окаящем характере языка эпиграфических надписей, за звук *о* принимал «алиф», «алиф» с «вав» и «дамму» над согласными веллярного ряда¹². В другой работе он предлагал читать как *о* и другой звуковой комплекс, состоящий из «вав» с «алифом»¹³.

В современных тюркских языках Поволжья — в чувашском и татарском — отдельные слова которых часто берутся для сравнения с данными надписей, общетюркский *о* не сохранился¹⁴, а в болгарских словах он имеется, например, *бл-//бал-//бәл-//бәул-//бул-* 'быть'. Такой разницей в написании этого слова, видимо,

объясняется оформленностью его аффиксом прошедшего времени *-ты* ~ *-чы*, когда древний *-о-* из-за перемещения ударения к концу слова теряет долготу. А ударение на конечном слоге вызывает редукцию, иногда элизию гласного первого слога.

Эти фонетические условия необходимо также связать с общей тенденцией гласных к сужению, следы которого обнаруживаются в языке эпиграфических надписей.

Несомненно, большой интерес представляет здесь графическое решение данного фонетического явления. Так, в памятниках 1325 и 1333 гг. из с. Старое Ромашкино Чистопольского района ТАССР в первом слоге слова *бул* 'быть' употреблен «алиф», в других — «фатха» или надстрочные знаки совсем не применены. Лишь в надгробье из с. Ошняк Алексеевского района ТАССР можно увидеть особую комбинацию для обозначения специфического тюркского звука — «фатху» с «даммой» (ср. с аналогичным способом обозначения этого звука в древнеуйгурских надписях).

Большинство примеров написания числительного «девять» показывает отсутствие какой-либо диакритики. Видимо, в таком случае его следует читать как *тохыр*, в отличие от случая, где оно огласовано полностью¹⁵ и которое мы читаем *тохур*, ср: древнетюрк.

токуз (ДТС, 578), чув. *тахар*, *таххар*, тат. *тугыз*, тат. диал. *токыз*, башк. *тугыз* 'девять', дун.-булг. *твиремъ* < *товиремъ* 'девятый'¹⁶. В остальных современных тюркских языках, кроме вышеупомянутых и узбекского, где графический *y* является нечто средним между *o* и *y*, в первом слоге сохранен *o*.

Проблематичным является наличие полушироких лабиализованных гласных в начальной позиции. Это тесно связано с вопросом употребления согласного *в* (протезы или этимологического) в абсолютном начале слова. Проблеме *в*-протезы посвящено довольно много работ¹⁷, и мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, а лишь заметим, что в родственном волжско-булгарскому языку — чувашском — на месте тюркских начальных *-y, -γ, -o, -θ*, регулярно появляется *в*-протеза.

Сочетание в анлауте слова букв «алиф» и «вав», на наш взгляд, является специфическим выражением тюркского звука *-o-*, а не дифтонга *-au-* или *-av-*. Это можно проиллюстрировать на примере написания слова «сын». Количественно все более увеличивающиеся находки болгарских надписей дают возможность разделить графические особенности написания этого слова на несколько групп:

1) اول / اولی ; 2) أول / أولی ; 3) أول ; 4) أول .

Рассмотрим некоторые варианты чтения, предложенные отдельными исследователями. Н. И. Ашмарин, акцентируя свое внимание

на чтении И. Березиным формы **اول** как *уҫлы*, заметил, что слово «сын» является в верховом наречии в форме *ул*, в низовом — *ывал* (*ывыл*)¹⁸. Следует привести и другие варианты данного слова, зафиксированные им у чувашей: *ивал*, *ыл*, *увал*, *авал*, *ула*.

М. Р. Федотов существование в болгарских надписях указанной формы связывает с чувашским фонетическим законом: древний *-f-* > чув. *-в-*¹⁹, в другом месте он предполагает древний *o-* > > чув. *-ы-*²⁰ или древн. *-f-* > \emptyset (ср.: др.-тюрк. *огул* со чув. *ул*, *ол*)²¹. Г. В. Юсупов «фатху» над «алифом» предлагал считать особым знаком, обозначающим краткость произношения «вав», т. е. краткий гласный, средний по качеству между *o* и *y*²².

Й. Бенцинга, видимо, несколько смутило написание, где анлаутный «алиф» огласован «кесрой» (хотя в памятниках такое написание нам не встретилось), и он транскрибировал его как *ывыл*²³.

А. Рона-Таш и Ш. Фодор считают волжско-болгарскую форму *авли* «его сын» возникшей из протоболгарского *огул* «сын»²⁴.

Н. Ф. Калинин данное слово предлагал читать *улы* «его сын»²⁵.

Как видно из вышеприведенных групп, все варианты написания, зафиксированные в памятниках, начинаются с «алифа» (с огласовкой или без нее), однако мы не можем это слово читать с анлаутным *-а-*, как делали, например, А. Рона-Таш и Ш. Фодор по той причине, что ни в древних источниках, ни в современных языках в этом положении анлаутный *-а-* не применяется. «Алиф» необходимо рассматривать в сочетании с последующим «вав» и диакритикой. Рассмотрим варианты, указанные в третьей и четвертой группах, а другие из-за неоформленности второй графемы, — не совсем ясны.

Сочетание - **اول** в третьей группе означает, как нам кажется;

несколько суженный гласный *o* с оттенком *y*, т. е. *o^y*, точно такой же гласный, какой имеется в турецком языке и в диалектах татарского языка. Этот звук, пожалуй, следует сравнить с начальным звуком в слове *оҫлы* «его сын», которое в памятнике й-диалекта из с. Б. Тарханы Тетюшского района ТАССР начертано с анлаутным «вав» без «алифа». В той же надписи числительное «десять» уже написано в характерном для кыпчакизированного диалекта виде — через начальный «алиф» с «вав».

Другое наиболее распространенное сочетание **اول** по сути дела

также означает начальный *o-*, однако здесь следует учесть то, что интересующее нас слово во всех памятниках имеет форму принадлежности III лица единственного числа. С присоединением аффикса гласный второго слога закономерно становится объектом элизии, и по этой причине болгарский начальный *o-* принял дифтонгоидный характер; *оул* > *оул + ы* > *оул + ы*. Естественно, данный фонетический процесс нашел отражение и в графике.

Несколько иное сочетание в написании числительного «десять». Статистический подсчет не показал преобладания какой-либо формы. Так, из 24 случаев фиксации этой формы в 13 она написана *ван* и *вван*, в 10 *вн* и *вэн*, в одном — *ан* (в составе *ануч* 'тринадцать'), кроме того, в надписях й-диалекта — *аун*.

Единственным аргументом в пользу того, что в данном случае применен согласный звук, является наличие такового в современном чувашском языке, а в остальных тюркских языках это слово в анлауте имеет $o \sim y$. Но графическое изображение, примененное для передачи начального звука, показывает наличие в данной позиции гласных -о- или -ө-. У нас есть все основания анлаутную графему «вав» с «фатхой» читать как -ө-, а не вэ-. Например, глагольную форму *өлти* 'он умер' из памятника дж-диалекта, найденного около с. Тяжбердино Алькеевского района ТАССР, ср. с древне-тюрк. *өл* 'умирать' и его производными (см. ДТС, 383—384), монг. *өлүс* 'умирать от голода', *өлөс* 'голодать'. Ссылаясь на Г. Вамбери, Э. В. Севортян пишет, что в венгерском языке данное слово наряду со значением «умирать» означает и «убивать», и, следовательно, оно вошло в состав венгерского языка сравнительно давно²⁶.

Если придерживаться начертания этого слова в памятнике волжских булгар, то его следовало бы читать *вэлти*, однако факты современных тюркских языков в данном слове, наряду с сохранением древнего *o*, показывают его переход в $o \sim \text{sy} \sim \text{sy} \sim \text{sy} \sim \text{sy} \sim \text{sy} \sim \text{sy} \sim \text{sy} \sim \text{sy}$, а в чувашском $\text{ö} \rightarrow \text{vi}$. Как нам кажется, утверждение некоторых ученых, что долгие губные гласные \bar{o} , $\bar{\text{ö}}$ представлены в языке волжских булгар как *ва* < *ya*, *вэ* < *yä*, не подтверждаются фактическим материалом.

Этот фонетический процесс имел место в истории чувашского языка, ср.: *тават*^v//*тавата*^v//*таватта*^v < төрт 'четыре', но ведь чувашский и волжско-булгарский языки не тождественны. Если посмотреть факты дунайско-булгарского языка, то можно заметить, что в них древний *o* сохранен, а в случае выпадения сонорного «р», например в числительном «четыре», долгий $\bar{\text{ö}} > \text{ou}$ или $\bar{\text{ö}} > \text{y}^{\text{27}}$.

В волжско-булгарских надписях зафиксированы три формы того же самого числительного «четыре»: *туат*^{vv}, *тут*^v 'четыре' и *тутт*^v 'четвертый'. Уже отсутствие «алифа» во второй и третьей формах свидетельствует в пользу того, что после анлаутного -т-идет гласный -ө- (или -ү-) и в ауслауте остается -т-. Здесь нет никаких следов дифтонга или трифтонга. В первой форме срединный звуковой комплекс «вав» + «алиф» означает гласный -ө-.

Чтение аналогичного звукосочетания в слове *كوان* 'день' венгерскими учеными А. Рона-Ташем и Ш. Фодором с губным «в» вполне справедливо критиковалось М. Р. Федотовым, который отмечал, что форма *кувен* трудно объяснима, поскольку подобный фоне

тический вариант нигде не обнаружен: кроме того, из формы *күвен* не может возникнуть чувашский *кон* > *кун* 'день'²⁸.

Само слово «день» в болгарских памятниках отражено в нескольких вариантах:

1) *كوان*; 2) *كوان*; 3) *كُون*; 4) *خون*; 5) *كُون*; 6) *كى*

Если 4 и 5 группы тождественны с древнетюркским *кун* 'день', другие показывают редуцирование гласного *у*.

Таким образом, вышеприведенные примеры показывают, что болгарские резчики для обозначения некоторых тюркских звуков, наряду с отдельными знаками, употребляли и сочетание нескольких графем. И эти приемы письма являлись относительно устойчивыми.

В тех памятниках, которые мы условно относим к *й*-диалекту, в отличие от других зафиксированы более кыпчакизированные формы, и в современном татарском языке зачастую можно найти их параллели. В фонетическом отношении они не очень далеки от тех, которые имеются в памятниках *й*-диалекта. Исходя из этой близости некоторые исследователи рассматривали язык памятников *й*-диалекта исторически предшествующим современному татарскому, или же выдвигался тезис, что он был языком собственно болгарского племени.

Для разрешения этого сложного вопроса следует учесть не только лингвистические, но и исторические и другие факторы. Как известно, государство, образовавшееся на рубеже X в. в Волжско-Камском регионе, хотя и называлось болгарским, по своему составу являлось разноплеменным. По всей вероятности, там были не только тюркские, но и финно-угорские, и славянские, и ираноязычные племена. Языковая градация и диалектная дифференциация этих племен должны были вызывать практическую потребность в общем языке — койнэ. Как правило, образцом признается устная речь узкого круга образованных лиц большинства населения определенной местности. Койнэ не может сложиться в пределах сравнительно небольшой территории, в которой существуют лишь незначительные диалектные расхождения²⁹.

Но и при такой территории, при смешении языков, могут зарождаться условия для появления общезначимого междиалектного языка, что тесно связано с ростом городов как очагов ремесленного производства и торговли.

С момента образования разноплеменного и разноязычного государства в Среднем Поволжье появились объективные причины и условия для создания городского койне, например в г. Булгаре с его ремесленным производством, мастерскими и крупной торговлей. В зависимости от широты территориально-экономических связей население более значительных городских центров могло оказаться в той или иной степени смешанным по своему происхожде-

нию, чем и обуславливается процесс диалектного или языкового взаимодействия при образовании койнэ⁹⁰.

Видимо, на базе этого койнэ образовалась литературно-языковая норма, и на ее основе болгарские ученые писали свои трактаты, поэты слагали свои стихи. Благодаря письменным памятникам данная литературная норма могла распространяться на более широкую территорию, связь между разными территориями тогда устанавливается посредством литературного письменного языка, а не через койнэ.

Именно с этим процессом, как нам кажется, следует связать не только наличие в г. Булгаре довольно большого числа памятников на *й*-диалекте, т. е. на литературном языке того времени, но и памятников на других диалектах. Таким образом, в отдельных группах эпиграфических памятников, разделенных нами на условные диалекты, мы, с одной стороны, встречаемся с состоянием языка древних болгар, ставшим для волжских болгар архаичным и ритуальным, с другой стороны — образцом литературного языка, который впоследствии вошел составным элементом в поволжский «тюрки».

¹ Ф. Х а к и м з я н о в. Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии.— «Советская тюркология», 1974, № 4, с. 25—31.

² Н. И. А ш м а р и н. Болгары и чувашы. Казань, 1902, с. 74 и с. 103; с. 71—72.

³ А. Б. Булатов. Болгарские эпиграфические памятники XIII—XIV вв. правобережья Волги.— «Эпиграфика Востока», XVI. М.—Л., 1963, с. 60; его же. Эпиграфические памятники Закамья XIV в.— Уч. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, вып. 36. Чебоксары, 1967, с. 200—221.

⁴ Н. И. И л ь м и н с к и й. О фонетическом отношении между чувашским и тюркскими языками.— «Изв. Императорского археологического общества», т. 5, вып. 2. СПб., 1863, с. 82.

⁵ Н. Ф. К а т а н о в. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, с. 6.

⁶ Н. В. Н и к о л ь с к и й. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII вв.— «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», вып. 1—3. Казань, 1912, с. 222.

⁷ И. А н д р е е в. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских намогильных памятников.— Уч. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, вып. 14. Чебоксары, 1956, с. 240.

⁸ А. Т. Т а г и р д ж а н о в. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха» на «Кисса-и Йусуф» Али и «Йусуф и Зулайха» Шайяд Хамзы.— «Палестинский сборник», вып. 21 (84). Л., 1970, с. 57.

⁹ Н. А. Б а с к а к о в. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 234.

¹⁰ Т. М. Г а р и п о в. Старотюркские письменные памятники Башкирии.— «Советская тюркология», 1972, № 4, с. 42.

¹¹ A. R o n a - T a s, S. F o d o r. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgár-török feliratok. Szeged, 1973, с. 153.

¹² Н. Ф. К а т а н о в. Указ. раб., с. 13.

¹³ Н. Ф. Катанов. Экскурсия в село Болгар-Успенское.— «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», т. 13, вып. I. Казань, 1895, с. 36.

¹⁴ Ф. Г. Исхаков. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков.— «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». М., 1955, с. 87. Хотя в диалектах татарского и чувашского языков имеются примеры, показывающие сохранение общетюркского «о», например, др. тюркск. *богаз* 'горло, глотка' (ДТС, 109); нагайбакский говор крещеных татар *богазлау* 'горло' (ТТДС, 90); древнетюркск. *кой-* 'класть, помещать, оставлять, бросать, покидать' (ДТС, 453), говоры уральских, мензелинских, мамадышских татар, *койу* 'ставить' (ТТДС, 200); древнетюркск. *тон* 'платье, одежда' (ДТС, 574); чув. *тум // том* 'шуба' — см. (19, 30).

¹⁵ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, табл. 3.

¹⁶ O. Pritsak. Die bulgarische Füstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955, с. 46.

¹⁷ Л. С. Левитская. Историческая фонетика чувашского языка (канд. дис.). М., 1967, с. 381—382; M. Pallo. Hungaro-Tschuwaschica.— «Ural-Altäische Jahrbücher». Wiesbaden, 1955, t. XXXI; M. Pallo. Zur Frage der tschuwaschischen *v*-Protese.— «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, 1961, vol. XII, fasc. 1—3.

¹⁸ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., с. 71—72.

¹⁹ М. Р. Федотов. К вопросу о древнечувашской письменности.— «Советская тюркология», 1972, № 5, с. 112.

²⁰ М. Р. Федотов. История чувашского языка, ч. I. Чебоксары, 1971, с. 31.

²¹ Там же, с. 30.

²² Г. В. Юсупов. Указ. раб., с. 86—87.

²³ I. Benzling. Das Hunnische, Donaubulgarische und Wolgabulgarische.— «Philologiae Turcicae Fundamenta». Wiesbaden, 1959, с. 694.

²⁴ A. Rona-Tas, S. Fodor. Указ. раб., с. 157.

²⁵ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар.— «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, с. 101.

²⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 526.

²⁷ O. Pritsak. Указ. раб., с. 72.

²⁸ М. Р. Федотов. (Рец.) A. Rona-Tas, S. Fodor. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgar-tötök feliratok. Szeged, 1973.— «Советская тюркология», 1974, № 5, с. 107.

²⁹ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, с. 489.

³⁰ А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

Сокращения

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1911, т. I—IV.

ТТДС — Татар теленен диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.

Хоутсма — M. Th. Houtsma. Ein turkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.

ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СОВРЕМЕННОМУ БАШКИРСКОМУ ЯЗЫКУ

Орхоно-енисейские письменные памятники — самые древние памятники языка тюркских народов, и, следовательно, языковые факты, зафиксированные в них, играют важную роль в понимании природы тюркских языков. Одним из условий методологически правильного их использования является определение места языка памятников в системе современных и древних тюркских языков. Поэтому необходимо изучать его в сравнении с современными и древними тюркскими языками, а также в связи с историей формирования тюркских народов.

В лингвистической литературе много различных мнений об отношении языка памятников к современным тюркским.

В. В. Радлов писал, что огузские языки сохранили лингвистические особенности памятников больше, чем другие тюркские языки¹. С. Е. Малов относит язык надписей к древним тюркским языкам и называет его «огузским», заключая это слово в кавычки². В. Г. Кондратьев находит тесную генетическую связь языка памятников с огузскими и якутским языками³. По классификации Н. А. Баскакова язык орхоно-енисейских памятников относится к уйгуро-тукюйской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков⁴. И. А. Батманов пишет, что «...тувинский, киргизский, хакасский, шорский и алтайский языки более, чем другие, были генетически связаны между собой и с языком енисейских памятников»⁵. Б. А. Серебренников, не отвергая древние черты языка памятников, пришел к заключению, что он является одним из тюркских языков, возникших после распада тюркского праязыка⁶.

Взгляды большинства ученых сходятся на том мнении, которое было высказано С. Е. Маловым, что язык этих памятников «...трудно представить пока по нашему недостаточному знанию как предка того или иного определенного современного нам тюркского

языка. Но все эти памятники или языки всех этих памятников служат общим фоном, общей исторической канвой для древней истории большинства тюркских языков»⁷. По мнению Н. А. Баскакова, «...все эти памятники принадлежат различным тюркским народам, весьма близким друг другу по языку»⁸. И. А. Батманов признает, что во всех тюркских языках в той или иной степени сохраняется немало соответствий языку памятников древнетюркской рунической письменности⁹. Он же пишет: «Наивно было бы думать, что какой-нибудь современный (например киргизский) язык является продуктом прямого, равномерного и непосредственного развития языка памятников»¹⁰. Заметим, кстати, что, по свидетельству Дж. Г. Киекбаева, ряд слов языка енисейских памятников, не имеющих в киргизском языке, употребляется в современном башкирском языке¹¹.

В последние годы вышеизложенная точка зрения С. Е. Малова, поддержанная большинством ученых, некоторыми тюркологами стала браться под сомнение. Это является еще одним подтверждением слов Н. А. Баскакова о том, что установление исторических связей между языками является сложным, ибо «...процессы дифференциации и интеграции родственных языков не являются прочными и прямолинейными. Языки племен и народностей и их диалекты образуют сложные перекрещивающиеся цепи языков-предшественников и языков-потомков, которые, последовательно сохраняя некоторые древние черты языков, благодаря взаимодействию и вхождению их носителей в различные племенные союзы получают и новые черты, являющиеся уже признаками расхождения»¹².

Важное значение для понимания природы языка орхоно-енисейских памятников и его отношения к современным тюркским языкам имела новая теория Э. Р. Тенишева о преемственности древних и старых письменных тюркских языков, согласно которой автор приходит к заключению, что язык памятников тюркского рунического письма является «отшлифованным литературным языком» и для VIII в. уже «был в какой-то мере архаичным»¹³.

Действительно, и орхонские, и енисейские надписи выделяются стилистической близостью, в частности, наблюдается повторение целых предложений, что говорит о наличии определенной традиции.

Как известно, письменные литературные языки отличаются консервативностью. Эпитафии же являются частью традиции, культуры, что также определяет их стойкость к изменениям.

Если даже допустить, что язык надписей был «...сформирован» в период древнетюркского каганата, нельзя думать, что в то время у тюркских племен не существовало устной поэтической традиции¹⁴. Изучение истории возникновения письменных литературных языков многих народов показало, что формирующийся литературный язык обычно основывается на устном литературном языке, или койне, бытующем в диалектной среде еще до появления

письменности. Язык же фольклора, являющийся образцом художественной речи высокого стиля, долго сохраняет в себе наиболее древние элементы¹⁵. В этой связи заслуживают внимания исследования А. С. Аманжолова, который приходит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита — не позже середины I тыс. до н. э.¹⁶

В языке орхоно-енисейских памятников можно найти ряд наиболее древних элементов, которые в поздних письменных памятниках уже исчезают. К числу таких явлений следует отнести аффикс будущего категорического времени на *-дачы/-дэчи*.

Форма на *-дачы* в языке надписей употребляется в функции причастия и глагола будущего категорического времени с оттенком долженствования, что соответствует функциям на *-ачак/-йачак* современных тюркских языков.

В отрицательном аспекте элемент *-да/-дэ* выпадает и к основе присоединяется лишь компонент *-чы/-чи*. Например: *өлүртәчи* 'обязательно убьет', но *тәгмәчимән* 'я не буду (не должен) нападать'. Это говорит о том, что здесь главным значащим элементом является *-чы/-чи*.

В современных тюркских языках *-чы/-чи*, *-сы/-се* выражают желание, долженствование, будущее время. В современном чувашском языке аффикс желательного наклонения *-че*: *мухтапичче* 'я бы похвалил'¹⁷. В татарском языке *килче* 'иди же', *китәймече* 'пойду же' (сильное желание), *барасы иде* 'пойти бы' (желание), *барасым бар* 'я должен (мне необходимо) пойти' (долженствование), *үтәсе юл* 'дорога, которую необходимо пройти', *китәсе көн* 'день отъезда, день, в который необходимо уехать' (долженствование и будущее время). Как видно из примеров, желание и долженствование могут быть связаны с будущим временем. В то же время *-сы/-се* и *-ачак / -йачак* могут употребляться параллельно: *үтәсе юл — үтәчәк юл* 'дорога, которую предстоит (необходимо) проехать'¹⁸. Исходя из этого, можно предположить, что *-ачак / -йачак* развился из *-дачы / -тачы* или *-чы / -чи* путем прибавления к концу *-к / -к*, т. е. фузией аффиксов *-чы / -чи* и *-к / -к*. Последний элемент можно назвать общетюркским аффиксом желания, долженствования. Приведем лишь некоторые примеры из башкирского языка: *баргым килә* 'я хочу пойти' (ср. татарское *барасым килә* в том же значении); *кем алык* 'кто хочет взять, кто возьмет', *мин алык* 'я хочу взять, я возьму'.

В башкирском и татарском языках с основами на гласный употребляется *-йасак / -йәсәк*, *-йачак / -йәчәк*, с основами на согласный — *-асак / -әсәк*, *-ачак / -әчәк*, но при эмфатическом или выделительном использовании к основам на согласный может присоединяться первый вариант. Например, башкирское диалектное: *киләйәсәк* 'обязательно придет', *бараясакмын* 'я обязательно пойду'. Исходя из этого, в *-асак / -әсәк* можно видеть выпадение *-й-*, который, в свою очередь, восходит к *-д-* в *-дачы*.

О древности аффикса *-дачи* можно привести еще один косвенный довод: словоизменительные аффиксы — аффиксы склонения и времен, а также деепричастий письменных литературных языков — меньше подвергаются или же вовсе не подвергаются диалектным влияниям, что подтверждается языком башкирских шежере, деловых документов и поволжского варианта «тюрки». Другие аффиксы, как известно, имеют отношение к словообразованию, а лексика легко подвергается изменениям. Приходится сожалеть, что у нас еще не выявлены пути проникновения элементов живых языков в письменные, а «смешанных» языков много.

Многие ученые признают древность I изафета по сравнению со вторым. Н. З. Гаджиева относит I тип изафета к общетюркской праязыковой общности¹⁹. В языке орхоно-енисейских памятников I тип изафета более употребителен, чем в большинстве современных тюркских языков: *токуз огуз будун* (Тон 9) — *тугыз огуз халкы* 'народ токуз-огузов', *түрк бәгләр* (КТ67) — *төрки бейзәр* (төрк бейзәре) 'тюркские беки', *тардус сад* (Тон 41) — тардуш шады 'тардушский шад'. *Көгмән йир-суб* (КТ6 20) — Көгмән ер-һыуы 'Кегменская земля-вода' и др.

Деепричастия на *-ы/-и*, *-у/-ү*, *йу/-йү*, употребляющиеся в памятниках, наряду с *-а/-э*, во многих современных тюркских языках утратились. Их место полностью заняли деепричастия на *-а/-э* и *-ып/-еп*. Признаки вытеснения деепричастных форм на *-ы/-и*, *-у/-йү* формами на *-а/-э* и *-ып/-еп* прослеживаются и в языке надписей²⁰.

В языке памятников очень часто падежи не оформлены аффиксами, что говорит о полностью не установившейся падежной системе. Примеры: *Мағы курган кышладукта йут болты* (БК 31) — *Мағы курганда кышлағанда йот булды* 'Во время зимовки в Магыкургане случился падеж скота'; *Тәңри йарлыкадук үчүн, үзүм кутым бар үчүн, каган олуртым* (КТм 9) — *Тәңре ярлыкаган өсөн, үземдең котом булган (бар) өсөн, каган булып ултырдым* 'По милости неба и потому, что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом' и др. В орхоно-енисейских памятниках безаффиксально могут выражаться почти все падежи, тогда как в современных тюркских языках (в том числе и башкирском) употребление падежного аффикса является обязательным.

В языке рунических надписей ряд словоформ употребляется без конкретизирующих значение слов аффиксов *-лык/-лек*, *-лы/-ле* и др. Например: *бәңгү таш* (КТм 11) — *мәңгелек таш* 'вечный камень'; *Бардук йирдә әдгүг ол әринч* (КТ6 24) — *Барган ерзә изгелек* (якшылык) *шул икән* 'В странах, куда (ты) ходил, вот что было (для тебя) хорошего'; *Атсар алп әртиңиз; утсар күч әртиңиз...* (Ен 28) 'Вы были героем-стрелком. Вы были сильны, приобретая богатство'; *Бай бар әртим* (С 5) — *Байлыгым бар ине* 'я был богат', досл. 'у меня было богатство'.

Сказанное является еще одним подтверждением мнения Э. Р. Тенишева о том, что язык орхоно-енисейских памятников в основе

своей отражает более древнее состояние тюркских языков, чем VI—VIII вв., когда тюркские племена и их диалекты были еще менее дифференцированы*. Следовательно, они являются достоянием большинства современных тюркских народов.

И одним из основных условий сравнительного изучения языка орхон-енисейских памятников с современными тюркскими языками является, во-первых, учет исторических изменений форм, зафиксированных в памятниках и, во-вторых, выяснение материально единых элементов в сравниваемых языках (хотя это может быть и результатом неравномерного развития элементов родственных языков, т. е. реликтовым явлением).

Одним из требований марксистско-ленинской науки является изучение истории языка в связи с историей народа.

На современном этапе развития башкироведения, в частности благодаря работам Р. Г. Кузеева, стало возможным более глубокое изучение истории башкирского языка в связи с историей формирования народа.

Изучая отношение современных тюркских народов к орхон-енисейским тюркам, не следует забывать о том, что в VI—VIII вв. н. э. основные племена, оставившие современные тюркские народы, жили на территории Монголии, Алтая и Казахстана. Это был один из сложнейших периодов в истории тюркских народов после эпохи великого переселения народов до монгольского нашествия, когда появлялись и исчезали целые племена, роды.

Переселение тюркоязычных племен на Южный Урал предполагается в три этапа: первый этап связывается с гуннским нашествием, т. е. великим переселением народов, второй — с расширением владений Древнетюркского каганата и третий — с монгольскими завоеваниями²¹.

В легендах, эпических произведениях башкир Алтай и смежные с ним области фигурируют как «первоначальные места их обитания», что подкрепляется также и историческими данными.

Башкирское племя *мең* Н. А. Аристов связывал с родом минг (Мингат) из лесных народов, обитавших на северных склонах Алтайско-Саянского нагорья. Исходя из генеалогического предания минцев, согласно которому они считают себя потомками гуннского

* Однако такой вывод не дает права не считаться с наличием диалектных вкраплений в языке надписей, о чем писали В. В. Радлов, И. А. Батманов и др. Ведь диалектные вкрапления могут не быть лишь в случае, если письменный литературный и разговорный языки автора непонятны или если пишущий владеет лишь литературным языком, что трудно допустить.

Попутно замечу: признание тюркологами элементов, следов диалектов также подводит к мысли или о койне, или же к тому, что эти диалекты были очень близки друг другу.

вождя IV в. Баламбера, Р. Г. Кузеев предполагает, что минцы, двигаясь на запад, могли войти в гуннское объединение племен, в составе которого они переселились в Восточную Европу²².

Башкирское племя гирей сближается с киреитами — древнетюркскими племенами, занимавшими в конце I тыс. северные склоны Саянского хребта. Помимо совпадения этнонимов, в пользу этого предположения говорит и совпадение начертаний основных тамг этих племен²³. Р. Г. Кузеев предполагает, что башкирское племя катая связано с каракатаями-киданиями, известными по орхонским надписям как данники Тюркского каганата. По его же сведению, башкиры-катайцы своей первоначальной родиной считают Алтай и смежные с ним области²⁴. Генетическое родство этих племен можно доказать и по родству этнонимов *кидань* и *катай*.

В языке надписей кидань пишется *кытай*. Последняя буква считается знаком, стоящим между *н* и *й*: В большинстве случаев

этот *н̃* в башкирском языке (и в других тюркских языках) дал *й*:

көн̃ > *куй* 'овца', *йән̃* > *йэй* 'разветвь', *бан̃* > *бэй* 'повязка'

и др. Поэтому *н̃* > *й* в *кытан̃* > *катай* можно считать закономерным. Гласный *ы* в первом слове может перейти в *а* по закону ассимиляции*. Тангаурские башкиры генеалогию своих предков возводят к принцу древнетюркского каганата Кюль-Тегину²⁵. По преданиям, у истоков генеалогии племен табын стоял *Тумэн-бий*, которого Р. Г. Кузеев отождествляет с Бумын-каганом орхонских надписей²⁶. По сведениям В. И. Филоненко, два притока верхнего Иртыша носят названия Большая и Малая Башкурка. Этот факт он связывал с преданиями о приходе башкир из Сибири. Это доказывается и другими письменными источниками. Интерпретаторы карты М. Кашгари приходят к выводу, что в ней башкиры расселены вблизи Иртыша и что она отражает расселение тюркских племен не в XI в., а в более раннее время²⁷.

В эпических произведениях первоначальной родиной башкир также считаются Иртыш и Алтай**.

Как видим, башкирские племена своим происхождением связаны с Центральной Азией, что дает право предполагать: язык их должен быть связан с языком орхоно-енисейских памятников.

Современный башкирский язык по классификации С. Е. Малова относится к новейшим тюркским языкам²⁸, по классификации Н. А. Баскакова — к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков²⁹.

Но вместе с тем башкирский язык «имеющий ныне явно выраженные признаки кыпчакской группы (характерный вокализм, ряд особенностей лексики и грамматики), своими фонетическими чертами в области консонантизма связан и с далекой восточной ветвью тюркских языков, т. е. с такими языками, как язык древних тюр-

* Заметим, что русское Китай восходит к этнониму *Кытан*.

** Нами приведены лишь краткие сведения связи башкир с Центральной Азией преимущественно в период Тюркского каганата.

ков, как язык якутский, хакасский, связи с которыми у башкирского языка были в весьма древнее время (может быть, в эпоху до VII в) ³⁰.

Самой отличительной особенностью башкирского языка, сближающей его с языком рунических надписей, является наличие в среднем говоре и некоторых других диссимилятивных сочетаний согласных, наблюдаемое лишь в древнеуйгурском языке, некоторых современных уйгурских диалектах и в диалекте западносибирских татар.

В этом явлении древнетюркского языка В. Томсен видел «скорее отражение условности письма, нежели особенности речи» ³¹. С. Е. Малов, а вслед за ним Дж. Г. Киекбаев, рассматривая его как реликтовое явление, пришли к заключению, что язык сары-уйгуров и средний говор башкирского языка древнее орхон-енисейских ³². Э. Р. Тенишев в такой системе консонантизма видит инновацию и полагает, что она явилась результатом существовавшего в древности тюрко-китайского двуязычия, которое, по-видимому, было сильнее развито в центре (в орхонских надписях), нежели на периферии (енисейских) ³³.

Трудно представить иной путь формирования диссимилятивных сочетаний согласных как на одном языковом ареале и в один период в сравниваемых языках.

По нашим подсчетам, в современном башкирском языке существует 95% глагольных корней, зафиксированных в языке надписей, 66% из них без смысловых расхождений или с небольшими несоответствиями.

В башкирских диалектах и в языке фольклора также имеются некоторые слова, являющиеся «уникальными» (специфичными) для языка надписей и некоторых современных тюркских языков, как *кәнти-кәнте* 'сам, свой' *куң* 'рабыня', *кан* 'хан', *каң* 'отец', *тон* 'вообще одежда' (ср. *эстун*), *түн кат*—*төн катыу* 'бодрствовать всю ночь', *азы*—*азау* 'обессилеть' и др.

Словообразовательные аффиксы глагола языка тюркской руники употребляются и в современном башкирском языке. Во всех тюркских языках нет аффикса *-зин*, который в языке надписей зафиксирован в составе одной основы. Он, по-видимому, заимствован из какого-либо другого языка.

Все залогообразующие аффиксы языка памятников имеются и в башкирском языке.

Прошедшее очевидное время в обоих языках образуется при помощи аффикса *-ды/-ди* / *-ты/-ти* (в башкирском: *-ды/-дел/-ты/-те/-зы/-зе*). Прошедшему неочевидному времени на *-мыш/-миш* в башкирском языке соответствует *-ган/-гән*, который считается относительно новым аффиксом. *-Мыш/-миш* в башкирском языке в отрицательном аспекте употребляется для выражения модального значения ирреальности: *курмәмеш булдым* 'я сделал вид, будто не видел', *ишетмәмешкә һальшитым* 'я сделал вид, будто не слышал' и др. Кроме того, он сохранился в довольно большом количестве

основ в лексикализованном виде, как *тормош* 'жизнь', *язмыш* 'судьба', *имеш* (<*эр-миш*) 'будто' и др. Эти факты, кажется, исключают возможность заимствования данной грамматической формы из языка соседних племен, т. е. говорят в пользу того, что она в древнебашкирском языке употреблялась довольно активно.

Настоящее-будущее время в языке надписей образуется при помощи аффиксов *-ур* /*-үр*, *-ыр*/*-ир*, *-ар*/*-эр*, *-йур*/*-йүр*. Эта форма в современном башкирском языке в функции настоящего-будущего времени сохранилась в произведениях устного народного творчества. В разговорном и литературном языке настоящее и будущее время обособились и соответственно изменилась форма *-(y)р*: будущее неопределенное время выражается аффиксом *-(ы)р*, настоящее время образуется формой *-а(-ә)-й*, которая является дальнейшим развитием форм *-(y)р*/*-йүр* (отпадение конечного *-р*)³⁴.

В составе причастий и деепричастий также нет форм, не известных башкирскому языку, кроме деепричастий на *-ы/-и*, *-у/-йу*, которые употребляются очень редко и которых нет в современных тюркских языках (в башкирском языке форма на *-ы/-и* сохранилась в лексикализованном виде). Это говорит о том, что они были пержиточными формами (см. выше).

Причастие на *-дук*, зафиксированное в надписях, в современном башкирском языке сохранилось в ряде основ, что также исключает заимствование этих основ из родственных языков.

Таким образом, сравнительное изучение глагольных форм в орхоно-енисейских памятниках и в современном башкирском языке дает возможность заключить, что язык надписей можно использовать как фон в исследованиях по истории башкирского языка. Окончательное решение вопроса о генетических связях современного башкирского и других тюркских языков с языком надписей может быть сделано лишь путем комплексного исследования с учетом внутренних тенденций развития этих языков и экстралингвистических факторов, т. е. на основе всестороннего сравнительно-исторического анализа.

¹ W. Radloff. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, 1897, с. 45.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 4.

³ В. Г. Кондратьев. Об отношении языка памятников тюркской рунической письменности к другим тюркским языкам.— «Филология и история тюркских народов» (Тезисы докладов). Л., 1967, с. 61.

⁴ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, с. 189.

⁵ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 3.

⁶ Б. А. Серебряников. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии.— «Материалы совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, с. 60.

⁷ С. Е. Малов. Указ. соч., с. 3.

⁸ Н. А. Баскаков. Указ. соч., с. 189.

⁹ И. А. Батманов и др. Указ. соч., с. 3.

¹⁰ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 6.

¹¹ Ж. Ф. Киекбаев. Хэзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966, с. 97—98.

¹² Н. А. Баскаков, Указ. соч., с. 189.

¹³ Э. Р. Тенишев. «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук». — СТ, 1970, № 4, с. 30—31.

¹⁴ Орхоно-енисейские памятники как образцы поэзии изучала И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965.

¹⁵ Об этом подробнее см.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

¹⁶ А. С. Аманжолов. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. АДД. Алма-Ата, 1975, с. 68.

¹⁷ И. А. Андреев. Чувашский язык. — «Языки народов СССР», т. II — тюркские языки. М., 1966, с. 54.

¹⁸ Наше предположение подкрепляется и возникновением будущего времени из форм желания или долженствования путем метафорического переноса значения в индоевропейских языках. Например, индоевропейский аффикс *-s-* имел первоначально значение желательности действия в настоящем, в момент речи, а затем развил значение будущности. См.: Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, с. 138.

¹⁹ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 111.

²⁰ Подробнее см.: М. А. Ахметов. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку — «Советская тюркология», 1974, № 3, с. 45—46.

²¹ Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, с. 64.

²² Там же.

²³ Там же, с. 63.

²⁴ Там же, с. 62.

²⁵ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 137.

²⁶ Там же, с. 255.

²⁷ Там же, с. 137.

²⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 7.

²⁹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, с. 162.

³⁰ Там же, с. 17.

³¹ См.: Э. Р. Тенишев. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1973, № 2, с. 43.

³² С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2, с. 138—139. Дж. Г. Киекбаев. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958, с. 138—139.

³³ Э. Р. Тенишев. Указ. соч., с. 45.

³⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 209.

Сокращения

КТ — памятник в честь Кюль-Тегина.

КТб — большая надпись.

КТм — малая надпись.

Тон — памятник в честь Тоньюкука.

БК — памятник в честь Бильге-кагана (Могильяна).

Ен — енисейские памятники.

С — Суджинский памятник.

МЧ — памятник в честь Моюн-Чура.

«ОТВОДНАЯ КНИГА ПО УФЕ» (1591, 1592—1626 гг.) КАК ИСТОЧНИК ПО ТОПОНИМИИ БАШКИРИИ

В 1574 г. в центре обширной территории Башкирии, на высоком берегу р. Белой (Агидель) возникла небольшая деревянная крепость, которой суждено было стать одним из крупнейших городов Урала, столицей Башкирской АССР.

Одним из наиболее ранних источников по истории и топонимии г. Уфы является «Отводная книга по Уфе», записи которой охватывают период с 1591/1592 по 1624. Оригинал документа хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Несколько лет назад Н. Ф. Демидова впервые опубликовала «Отводную книгу» в сборнике «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии»¹. Во вступительной статье дается краткое описание рукописи, указывающее «возможные направления использования данных этого ценнейшего источника», в том числе и те, которые позволили бы выяснить «вопрос о происхождении ряда географических названий, до сих пор остававшийся спорным и неясным». В конце текста помещен также заслуживающий внимания терминологический словарь.

В свободную книгу записей («Отводную книгу») были внесены в основном копии (списки) документов на отвод земель в пользование служилым людям г. Уфы. Кроме того, сюда вошли также дозорные, разделные, ввозные и другие документы о землевладении. Все эти записи производились в ранний период истории этого города и велись они в течение более трех десятилетий.

Отводные записи по содержанию могут быть охарактеризованы прежде всего как физико-географическое и в определенном смысле топонимическое описание окрестностей древней Уфы. Эта особенность записей «Отводной книги» была обусловлена практическим назначением этих документов, которые, помимо собственно юридической стороны вопроса, призваны были служить более точным и детальным списанием земельных участков, отведенных во владе-

ние служилым людям города. Иными словами, закрепление земельных участков за отдельными лицами требовало очень строгого и скрупулезного определения и фиксирования границ этих отводов. Основными ориентирами при этом становились многочисленные географические объекты — реки, озера, горы, холмы, леса, колки, дороги, перевозы, овраги, поля, пустоши, болота, а также деревни, поместья, так называемые починки, усады, мельницы и иные поселения и постройки, расположившиеся на всем Уфимском полуострове. Так один за другим «поименно» назывались в этих отводах те или иные объекты местности. При отсутствии собственных наименований составители записей прибегали к методу физико-географического описания отдельных межевых линий, в результате чего нередко создавалось большое количество новых микропонимов*. В силу этих обстоятельств «Отводная книга» явилась, наряду с другими ее достоинствами, непревзойденным источником по топонимии Уфы. Интересен этот документ и тем, что описанные в нем земли располагаются главным образом на территории современной большой Уфы или же непосредственно прилегают к ее окраинам. Часть отводов выделялась за пределами так называемого Уфимского полуострова. В левобережье Уфы земельные участки горожан имелись в поймах рек и речек *Тауш*, *Юрмаш* (*Большой и Малый*), *Секияз*, *Шекша*, *Шешма*, *Белегез*. На юге некоторые отводы были выделены в районе впадения Демы в Белую. Имеются в записях отдельные названия, которые ведут нас к устью р. Уршак, например: *Уршацкая заводь*. Однако здесь, особенно в промежутке р. Демы и Уршака, разумеется в их нижнем течении, наблюдаются только единичные земельные отводы. И совершенно в отрыве от общей территории уфимского служилого землепользования представляется участок, отделенный «*лета 7132 году августа в 9 день*», т. е. в 1624 г., «*попу Онтонью з братьею*» по межам: «...от усаду по Белой реке до Уршацкой заводи до устья, вверх по той заводи подле поля на 2 озерка, между тех 2-у озерков стоит дуб, на нем грань, и от тово дуба, от грани и от озерков вверх по тое ж заводь до Мохового болота» и т. д... (с. 351). Речь идет о землях, расположенных за с. Чесноковка, у впадения р. Уршак в Белую. Однако это, пожалуй, исключительный случай, поскольку, по данным наших полевых работ 1974 г., с. Чесноковка имеет приблизительно одинаковый возраст с г. Уфой

* Вот отрывок из текста «Отводной книги» (с. 270), где самым причудливым образом представлены различные типы топонимов — и те, которые прочно утвердились в языке в качестве имен собственных, и те, которые только-только нарождались в период (а возможно, и в процессе) составления данных записей: «А рубеж той пашни *Новые слободы* крестьян Ивана Кадомца с товарищи серед *Ольхового болота* береза виловата, на березе грань натесана, и от той березы через *Малую Стопинку* в поле да на *березовой колодежке*, да прямо через дорогу, што ездят на *Новые слободы* в *Шугуровку* деревню и мимо *осиновой колодежки*, да на *одинокую березу*, на той березе грань натесана, и от той березы к *Менишиковской деревне Кишкина* на *Ольховое болото* на *двоенную березу*, и на той березе грань натесана».

и вокруг этого поселения к тому времени вряд ли могли оставаться свободные земельные участки.

Таким образом, мы пока лишь в общих чертах определили ту обширную территорию, которая стала объектом физико-географического и топонимического описания в документах «Отводной книги по Уфе». Остается добавить, что сама Уфа в тот период, т.е. в конце XVI — первой четверти XVII в., занимала незначительную по современным представлениям площадь в нижнем течении р. Сутолоки (по записям «Отводной книги» — *Суколоки*), протекающей в междуречье Белой и Уфы.

Переходя ко второй части статьи, предусматривающей собственно топонимический анализ источника, следует подчеркнуть: «Отводная книга» явилась в прямом смысле хранилищем географических имен региона, донесшим до нас многое из того, что давно уже забыто и могло исчезнуть безвозвратно. С другой стороны, в ней сохранились древние формы известных в настоящее время названий, что очень важно для сравнения и сопоставления их с целью выявления этимологий или хотя бы их фонетического и структурного облика. Представляет интерес не только то, что уцелело, но и то, что в течение всех последующих веков осталось неизменным или изменилось незначительно и составило тем самым неотъемлемую часть современной топонимической карты Башкирии.

Начнем с последней категории названий, занесенных в свое время в «Отводную книгу», так как топонимы этого ряда могут стать главными ориентирами при составлении на основе данных «Отводной книги» подробного плана окрестностей Уфы указанного периода. Это прежде всего такие названия: р. *Белая*, с вариантом *Белая Волошка* (ср.: в «Книге Большому Чертежу» — *Белая Воложка*), *Уфа*, *Дема*, *Юрмаш* (*Большой Юрмаш* и *Малый Юрмаш*), *Тауш*, *речка Шугуровка* (*Шугуроза речка*), *Белегез-речка*, *Брызгалово озеро*, *Кадыра озеро*, *Абызово городище*. При определенной увязке с описываемыми в самих текстах конкретными реалиями может выясниться местоположение отдельных объектов, имеющих одинаковые наименования. Имеются в виду названия типа *Лебяжье озеро*, *Мельнишное озеро*, *Долгое озеро*, *Круглое озеро*, *Моховое болото* и т. д., которыми на современной карте обозначены по два-три географических объекта.

Материалы «Отводной книги» отразили, правда в немногих примерах, и процесс смены названий на интересующей нас территории. На с. 279 текста читаем, например: «Ездил Федор Тарбиев да Василей Зыков отделяти служивому новокрещену Рудаку Федорову к поместному окладу в придачу пустошь, заложную землю, выше его ж дальние пашни на 20 чети в поле, а в дву потому ж, от *Урюяза речки*, а ныне зовут *Шугурозскою речкою...*». В более поздних документах название этой речки фиксируется в основном как *Шугуровка*. Как видно, в пределах самой «Отводной книги», охватывающей события на протяжении более чем трех десятилетий, происходит как бы не только замена одного гидронима дру-

гим, но и становление, закрепление нового названия. Перемена *Урязы* в *Шугуровку* произошло, по-видимому, в связи с возникновением деревни Шугуровки по имени владельца земли, на которой протекала эта небольшая речка.

В «Отводной книге» много раз упоминается *деревня Кадомцова*, названная по имени новокрещенца Ивана Кадомца. Однако в более поздних отводах (под 7130, т. е. 1622 имеется запись о «государевых дворцовых крестьянах *Богородцкого села*», которая «преж сего слыла *деревня Кадомцова*» (с. 334). Следовательно, здесь также содержится указание на факт перемены названия одной из деревень вблизи Уфы.

Ценность для исторической топонимики Башкирии имеют варианты тех названий, которые в последующие века подверглись различного рода фонетическим изменениям и переосмыслению. Яркий пример в этом отношении представляет собой гидроним *Сутолока*, который в «Отводной книге» пишется, как правило, в форме *Суколока*. В «Отводной книге» упоминается *Сутолоцкая вершина*, названная по гидрониму *Суколока*. Здесь мы фиксируем первое, еще слабое проявление тенденции к изменению основы этого имени. С другой стороны, вряд ли гидроним в форме *Суколока* в полной мере соответствовал тому, что он представлял в языке башкир, скажем, в годы основания Уфимской крепости, т. е. в то время, когда началось усвоение этого и других наименований русским языком. Эти предположения могут быть подкреплены структурно-типологическим анализом самого гидронима. Надежнее идти от выявления возможной основы названия. Этой основой мог быть диалектный географический термин *сокалак* 'овражек'. Конечное *-а* в известном нам варианте *Суколока* — результат частичного переоформления гидронима. Преобразование иноязычных названий рек с прибавлением показателя женского рода является характерной тенденцией русского языка.

Можно указать на ряд других гидронимов, которые в их прежнем виде, т. е. в текстах «Отводной книги», в наибольшей степени сохранили в себе особенности, обусловленные спецификой башкирского языка. Так, в источниках многократно и устойчиво (причем в записях далеко не одновременных) применяется гидроним *Шешма*. По сохранившейся специфике башкирского произношения этот пример является показательным, так как среди большого количества современных названий Башкирии, образованных от географического термина *ишимэ* и функционирующих среди башкир в том же виде, нет ни одного имени, которое было бы транскрибировано на русский язык без искажения. Гидроним *Шешма* из «Отводной книги» может быть сопоставлен с гидронимом *Шешма* и производными от него названиями в восточной части Татарской АССР, а также с названием р. *Шешма* (Шишма), притока Камы, известного нам из «Материалов по истории Башкирской АССР»².

В «Отводной книге» записано также: р. *Шекшедер* (Шикшедер) (ср.: р. *Шекша*, *Шахша* в «Материалах по истории Башкирской

АССР»³, — современные названия р. *Шакша* и рабочего поселка на ней в зоне г. Уфы); рр. *Каргалык, Секяз, Кошкадам // Кошкодам, Юрмаш, Таши, Белегез // Белеген* (ср.: современное *Белекес*): *Узянское озеро*; р. *Шевар* (современное русское *Шароварка* < *Шевар* < *сыбар* 'пестрая'); *Табынский брод, Абызово городище* и т. п., которые в совокупности составляют значительный башкирский пласт географических названий.

Привлекают внимание названия башкирских деревень вокруг Уфы: *Минская деревня, Булашева деревня*.

Рассмотренные выше собственные географические имена относятся в основном к гидронимии и в меньшей степени — к оронимии и ойконимии. Показательно, что именно такой наиболее древний разряд названий, как гидронимы, в известной степени оронимы и ойконимы, сохранили в русской передаче специфику башкирского языка. Надо полагать, что ко времени составления отводных записей названия эти не могли не быть усвоенными русским населением города. Заимствование русскими местного топонимического наследия протекало в тот период непосредственно из уст самих башкир, что создавало особенно благоприятные условия для освоения башкирской топонимии с наименьшими при этом искажениями.

Собственно русские наименования «Отводной книги» представлены прежде всего такими разрядами, как микротопонимия и микрогидронимия окрестностей древней Уфы (*Дикое поле, Турово поле, Тросничное болото, Высокий бугор, Грязное озеро*), а также названиями вновь возникавших русских поселений этого небольшого региона. Русский пласт топонимов требует всестороннего изучения. В данном случае мы ограничимся указанием лишь на необычную, с точки зрения современного состояния, структуру ряда топонимов, образованных по именам владельцев. Это такие названия, в которых и имя и отчество или прозвище, входят в состав топонима: *Иванова межа Рудакова, Гордиева деревня Гладышева, Максимова озеро Мордвинова, Асанчукова деревня Каловского, Первушинская пашня Пушкарева, Максимова деревня Мордвинова, Иванов усад Васильчинин* и т. д.

Географические названия, содержащиеся в «Отводной книге», предоставляют богатейший материал для историко-сравнительного изучения топонимии Башкирии и ее столицы — г. Уфы.

¹ Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971, с. 259—351.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1956, IV, ч. I, с. 117.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1949, т. III, с. 248, 286; 56.

**«ЛЕКСИКОН, ИЛИ СЛОВАРЬ ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ» П. И. РЫЧКОВА —
ИСТОЧНИК ПО ОНОМАСТИКЕ БАШКИРИИ XVIII в.**

Выдающийся географ и историк XVIII в. П. И. Рычков является автором первого регионального географического словаря России. Им в 1776—1777 гг. составлен «Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии»¹.

Словарь был подготовлен П. И. Рычковым несколько лет спустя после выхода в 1773 г. в свет «Географического лексикона Российского государства» Федора Полунина под редакцией Г. Ф. Миллера. По всей вероятности, именно этот словарь дал толчок и явился образцом для создания П. И. Рычковым своего «Лексикона...». В письме от 28 января 1776 г. он сообщил Г. Ф. Миллеру о том, что «вместо прибавления к его географическому словарю намеревается собрать «особливый на здешнюю (т. е. Оренбургскую — А. К.) губернию лексикон»². Основная работа по созданию словаря к концу 1776 г. была закончена, о чем писал он Г. Ф. Миллеру 9 февраля 1777 г.³

По принципам составления этот словарь не отличается от географических словарей, созданных в XVIII в. По содержащемуся в нем материалу словарь П. И. Рычкова до настоящего времени не потерял своего значения.

Содержание наиболее ярко отражено в его пространном названии, в котором говорится, что в словаре «...описаны все города, крепости, редуты, пригороды, остроги и селения, находящиеся в оной (т. е. в Оренбургской — А. К.) губернии со внесением тут морей, значительных озер, рек, мест и урочищ, внутри ее и смежно с нею лежащих, и как на Азию, так и в Европу простирающихся, разные народы, дворянские фамилии, знатные особы, отменные от других великороссийских мест звери, птицы, продукты, вещи и топоры, как по делам и по коммерции сей губернии и ведению принадлежат»⁴.

В этом словаре представлены названия всех перечисленных географических объектов, административная, этнонимическая, антропонимическая и прочая номенклатура.

Для топонимистов большой интерес представляют взгляды автора на топонимику. В предисловии к первому тому он отстаивает необходимость создания топонимических словарей. По его мнению, преимущество словарей заключается в возможности подачи более подробного описания городов, селений, достопримечательных мест и т. д. Достоинством словаря является еще и удобность использования его: в нем материал дается в алфавитном порядке.

В предисловии ко второй части даны некоторые наблюдения автора относительно закономерностей возникновения топонимов, которые интересны и для исследователей современной топонимии. П. И. Рычков пишет, что «оно (т. е. название — А. К.) так в простой народ укоренилось, что оставляя настоящее звание сел и деревень, называют их больше по помещикам и зачинщикам, невзирая на то, что в переписных книгах и канцелярских делах именуются то инаково»⁵.

Изучение материалов словаря позволяет определить и тот объем теоретического вклада, который был внесен им в науку о названиях. П. И. Рычков четко различал в словаре термины *село* и *деревня*. Правда, подобное выделение для тюркской топонимии не играет существенной роли. Однако для наиболее полного изучения топонимии какой-либо территории необходимо уяснить содержание терминов: *село*, *поселок*, *деревня*, *хутор*, *кордон*, которые находят применение в современной топонимии.

В труде П. И. Рыčkова четко подразделяются официальные и местные формы топонимов. В этнонимии выделены самоназвания, т. е. данные самими представителями племени или народа, и названия, данные представителями других племен или народностей. Последнюю категорию можно именовать как иноназвания.

Взгляды автора на топонимические названия, видимо, выработались не без влияния В. Н. Татищева. В письме В. Н. Татищева к П. И. Рычкову от 1749 г., которое приведено в названной книге П. Пекарского, имеется памятка для географа, где говорится о необходимости сохранения в рукописях местной формы названий, фиксирования не только собственных, но и чужих названий народов и племен, правильного применения терминов, обращения внимания на раскрытие этимологии некоторых названий. В своих работах и при составлении данного словаря П. И. Рычков строго придерживался указаний В. Н. Татищева.

Словарь представляет определенный интерес и в отношении структуры статей. В составлении словарных статей о населенных пунктах автор придерживался определенной схемы подачи материала. В статье сначала дается заглавное название. После него приводятся данные, характеризующие название с точки зрения национальной и административной принадлежности, даются све-

дения о местонахождении и географическом положении того или иного населенного пункта по отношению к Оренбургу, Уфе и некоторым крепостям. В других статьях указывается также социальная категория крестьян, содержатся сведения о причинах и целях постройки того или иного пункта. Примеры:

Абзакова * — башкирская деревня Исетской провинции в Кубеляцкой волости, ведомства старшины Бесима Тархана Тоймасова, при речке Кизиле, в которую близ оной деревни впадает речка Каснаклы. От Челябинска в западную сторону 200 верст, в ней 10 дворов (стр. 7).

Александровка — помещицья деревня Уфимской провинции на Осинской дороге при реке Белой по течению с правой стороны, от города Уфы 13 верст (стр. 15).

Воскресенский медеплавильный завод принадлежит прежде обер гофмаршалу действительному камергеру и разных орденов кавалеру Карлу Ефимовичу фон Сиверсу. Стоит на Нагайской дороге в Бурзянской волости на речке Иргизле, которая от западу с небольшим в версте впадает в Белую, по течению ее с левой стороны. Церковь прежде была походная во имя святого Александра Невского, а ныне настоящая имеется во имя Вознесения господня (стр. 74).

Зелаирская крепость по большой почтовой дороге в Исетскую провинцию от Оренбурга 229, от Воздвиженской 113, а от Верхнеуральской крепости 160 верст, построена в 1755 году на земле Бурзянской волости башкирцев при речке Зелаире... (стр. 110).

Структура статей о географических объектах несколько отличается от статей по населенным пунктам. В них П. И. Рычков старался привести данные об их физических особенностях, все известные ему формы и варианты названия, а также существующие предания и легенды об их происхождении и др.:

Гирканское море от древних греков именовавшиеся, ныне Каспийское. Русские именовали его Хвалынским и Хвалиским, от народа хвалисов, при устье реки Волги жившего. Татары зовут Ак дингис, то есть Белое море, грузины Курчинским, а персиане Гурзем от древней персидской столицы Гургань, который город бывал в Астрабадской провинции, от моря верстах семи, отчего и греческого имя Иркианское, т. е. персидское, произошло, ибо персидские шахи не пишут персидское, но гирканское государство, о чем обстоятельнее значит(ся) под именем Каспийского моря (с. 80).

Калан или Калкантау (то есть остальная или крайняя гора) на Сибирской дороге в Каратабынской волости, из-под которой вышла (река) Урал, прежде Яиком именованная (с. 138).

* Заглавные слова даются в той орфографии, в какой они даны в «Лексиконе...».

Словарь П. И. Рычкова может считаться уникальным явлением в топонимии. В нем по предварительным подсчетам содержится более 4 тысяч словарных статей, в которых имеются сведения по населенным пунктам, по названиям, связанным с именами исторических личностей, фамилиями русских помещиков и дворян и мн. др. Так, например, сведения статьи об Уфе проливают свет на происхождение самого города и его названия. До сих пор в заметках, посвященных выяснению содержания названия Уфы, не обращалось внимания на обстоятельства получения городом своего названия. В статье словаря имеются некоторые данные для обоснования его тюркского происхождения. Она примечательна также тем, что в ней сохранены мотивы некоторых фольклорных произведений каратабынских башкир, записанных из уст старшины Ногайской дороги Каратабынской волости Кедряса Муллакаева. И этот мотив наиболее четко и полно зафиксирован в произведениях устного творчества бурзянских башкир⁶.

К сожалению, в отдельных статьях «Лексикона...» (это касается в основном статей о народах, их происхождении, языке и др.) сказался уровень историко-географической литературы и науки того времени, и в нее вкрались неточности. Значение же «Лексикона...» для топонимики заключается в том, что в нем сравнительно полно зафиксированы в форме словарных статей многочисленные географические названия и сведения по истории Башкирии.

Таким образом, «Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии» П. И. Рычкова может считаться ономастическим словарем в полном смысле этого слова, он является ценным источником по ономастике Башкирии XVIII в.

¹ Словарь не был опубликован; его рукопись хранится под шифром 313 в фонде Федорова в Рукописном отделе Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

² П. П е к а р с к и й. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, с. 151.

³ Там же, с. 154.

⁴ П. И. Р ы ч к о в. Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии. ч. 1, с. 1.

⁵ Там же. ч. 2, с. 1.

⁶ См. об этом «Башкорт халык ижады», II китап. Офе, 1973.

Р. А. КАРИМОВА, Т. А. КИЛЬДИБЕКОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА XVII в.

В последние годы сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников Института русского языка АН СССР, возглавляемым С. И. Котковым, опубликована серия памятников русского народно-разговорного языка ¹.

Успешное изучение истории языка, литературы, культуры во многом зависит от публикации памятников письменности. Между тем богатейшие рукописи находятся в архивах и остаются невовлеченными в широкий научный оборот, что отрицательно отражается на решении отдельных вопросов истории языка и культуры. Издание перечисленных памятников является значительным событием, так как они расширяют источниковедческую базу исследований как лингвистов, так и историков.

Публикации рассматриваемых источников предшествовало составление инструкции для лингвистического издания текстов ², в которой главное внимание уделяется принципам отбора источников для издания. Как указывают авторы, «...публикация древнерусских рукописей-подлинников, время написания которых известно и приурочено к определенной территории, дает наиболее ценные сведения для исследователей, позволяя сделать конкретные выводы о языковых особенностях определенного времени и определенной территории» ³.

Вопросы разработки основных направлений археографических изысканий, а также типов и принципов лингвистических публикаций находят отражение в ряде сборников по лингвистическому источниковедению, выпущенных сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников с 1963 г. ⁴ С. И. Котков справедливо подчеркивает необходимость выделения лингвистического направления в источниковедении. Если за археографией «...должно остаться общее, формальное описание источников, удовлетворяющее условиям первичного, не дифференцированного

по специальностям ознакомления с ними исследователей»⁵, то лингвистическое источниковедение как вспомогательная языковедческая дисциплина должна способствовать выявлению лингвистической содержательности и лингвистической информативности различных памятников письменности. Лингвистическая содержательность — это «...совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, предопределяемая его содержанием и его отнесенностью к тому или иному языку или диалекту...». Лингвистическая информативность предполагает «...прямую или косвенную отраженность в нем лингвистических данных»⁶.

Лингвистическая содержательность и лингвистическая информативность указанных памятников русского народно-разговорного языка XVII в. очевидна. Они вводят в научный оборот ценные материалы для изучения словарного состава XVII в. — периода формирования русского национального языка. Названные источники представляют собой частные письма-грамотки. Они содержат письма владельцев вотчин и поместий к родственникам, знакомым, челобитные крестьян помещикам, переписку торговых приказчиков с хозяевами, грамотки духовных лиц. Кроме того, в «Московской деловой и бытовой письменности...» опубликованы сказки, памяти, расписки, купчие и т. д. Круг корреспондентов представляет обширную территорию «от Вологды до Астрахани, от Пскова до Братска». В письмах отражаются различные стороны государственной и общественной жизни народа, повседневный труд, быт людей, социальные отношения, материальная культура и т. д. Оценивая грамотки, Н. Н. Дурново пишет, что «этот род письменных памятников имеет особенно большую цену для истории языка, потому что отражает черты живой речи в большей чистоте, чем большая часть собственно рукописей»⁷. Б. А. Ларин отмечает необходимость изучения народно-разговорного языка как «...предпосылки и глубокой основы национального языка»⁸.

При оценке опубликованных источников необходимо также указать, что они представляют собой обширную источниковедческую базу — в них свыше 1500 документов, причем некоторые из них велики по объему (до 30—50 и даже 90 листов). Заслуживают быть отмеченными тщательность обработки каждой грамотки, обстоятельные примечания. «Грамотки...» снабжены указателем слов, который увеличивает возможности использования опубликованного в них материала и значительно повышает его информативность.

Памятники являются важным источником для исследования лексики XVII в. В них богато представлена бытовая лексика — наименования строений, предметов домашнего обихода, посуды, одежды, народная метрология, сельскохозяйственная, профессиональная лексика (например лексика судостроения и судоходства) и т. д.

Многочисленны названия жилых строений, их частей и надворных построек, объединяемых общими словами *двор, строение*. Среди них выделяются несколько подгрупп: 1) слова, имеющие общий

функциональный признак 'жилое помещение': *дом, изба, хоромы, палата, жили*, *юрта, подворье* (дом, где жили временно приезжие), *зимовье* (жилище, служащее для приюта проезжих зимой — до вскрытия реки); 2) названия частей жилища: *горница, жилье, комната, передняя, подклеть, светлица, угол, сени, сенница, сенник, подсени, верх, вышка, поварня, повалушка, чердак, чулан, каморка, переход*; 3) наименования подсобных строений для хранения продуктов, утвари: *житница (житенка), клеть (клетка), амбар, сусека, сарай, сушило, омшаник, ледник, погреб, напогребница, гумно*. В данном ряду выделяются также названия строений для производства продуктов и вина: *мельница, варница, винница, завод*; наименования построек и помещений для домашних животных: *конюшня, конская площадка, хлев, стойло*. Описываемый предметно-тематический ряд дополняется словами *баня (банишка), колодец, мыльня (мыленка), портомойный плот, портомойня*. Видимо, дворы в рассматриваемый период представляли собой соединение разнообразных по назначению построек⁹.

Значительную группу слов составляют названия одежды, тканей, украшений, предметов домашнего обихода. Общими словами рассматриваемой лексики являются существительные: *животы, пожитки, рухлядь, обиход, борошень* (вещи для ежедневного употребления, домашняя рухлядь), *кузнь* (золотые и серебряные утвари). В подгруппе, объединяемой наименованиями *одежда, платье*, можно отметить существительные, которые называют верхнюю одежду: *шуба, телогрея, епанча, кафтан, полукафтанье, азия, зипун, армяк, чекмень, кожан, опашень, охабень, ферязь, доломан*; в грамотках употребляются существительные: *рубаша, рубашка, сорочка, портки, штаны, нагрудник*. Из названий головных уборов встречаются *шапка, треух, чепец, кокошник, подубрусник, волосник, фата*.

В памятниках народно-разговорного языка широко представлены названия тканей. Особенно разнообразны названия шелковых тканей: *шелк, алтабас, атлас, багрец, байберек, бархат, дорог, камка, лудан, объяр, парча, тафта, ценина*. Употребляются также названия хлопчатобумажных и льняных тканей: *полотно, холст, выбойка, зендень, киндяк, кисея, китайка, крашенина, кумач, новина, пестрядь*. Из шерстяных тканей упоминаются *сукно, войлок, байка, настрафил, стамед, гарус*. Ткани измерялись *кипами, поставами, косяками, половинками, арищинами, вершиками*.

Многочисленны названия украшений, которые являлись дополнением одежды знатных и состоятельных людей: *блесточки, галунчики, канитель, кисть, кружезо, поднизь, позумент, тесьма*; названия драгоценных камней и металлов: *алмаз, бирюза, бурмитское зерно, жемчуг, золото, изумруд, лал, платина, серебро, финифть*; названия ювелирных украшений: *ожерелье, монисто, перстень, кольцо, серьги*. Видимо, общим словом для наименований украшений было существительное *убор*. Слово *низанье* имело диф-

ференциальный признак 'убор, состоящий из низаных камней, жемчуга и пр.'

В исследуемых текстах мы находим описание различных видов одежды, сшитых из перечисленных тканей и мехов: *шуба баранья, суконная, овчинная, баранья под козлиными, байберековая на сободем меху, тафтяная; шапки суконные, шапки с соболем, с кунницей; ферязи холодные киндячные, киндячные испод белый, тафтяные, камчатые; кафтан суконный, байберековый, камчатый, атласный, теплый испод песцовый, шубный, на лисицах; полукафтанье камчатное, атласное, тафтяное; зипун китаечный, тафтяной; азам выбойчатый; штаны бархатные, атласные, кумачные, китаечные; рукавицы бобровые, волчи и т. д.*

Названия посуды были разнообразны как по назначению, размерам, форме, так и по материалам, из которых они изготовлены: *блюдо, бочка (бочонок, бочночек, бочюручька), братина, ведро, горшок, кадь, кадка (кадочка, кадушечка), казан, котел, кунган, ковш, кринка, кружка, куб, кувшин, куфа, «большая бочка, кадь, чан» (Даль, Слов.), корыто, лохань, мерник, оков, росольник, рюмка, сито, скляница, сковородка, стакан (достакан), стойка «сосуд, наподобие боченка» (Даль, Слов.), стопа, сулейка «фляга для вина и масла с широким горлом» (Даль, Слов.), тазик, тарелка, ушат, фляга (фляжка), череп (черуп), чан (тчан, тиан) и др.*

В быту использовалось много разновидностей посуды, изготовленной из бересты, коры деревьев, прутьев: *лукошко, кошель, кошелка (разновидности плетеной корзины); бурак, бурачек, бурашна, берестень, кузов, туз (сосуд из бересты); короб, корбка (сосуд, корзина из липового лыка); корец (ковш, выдолбленный из корневины).*

К этому ряду примыкают *куль, кулек, мех, мешок*, в которых содержались сыпучие вещества.

Многие разновидности посуды служили в быту для измерения продуктов и приобретали дополнительное значение меры. Ими измерялись вино, виноград, грибы, икра, капуста, масло, мед, огурцы, рыба, ягоды, горох, гречиха, конопля, крупа, овес, полба, просо, пшеница, рожь, ячмень и т. д.: «четыре ведра груздей»; «вина тысяча восемьсотъ ведръ»; «уксусу фляга»; «масла берестен»; «100 кулков икры», «6 мешков со пшеном сорочинским».

Многочисленна лексика, которая связана с хозяйственной деятельностью людей. Здесь необходимо указать названия пахотных, сенокосных, лесных, рыбных и бортных угодий. Опорными словами в данной группе являются существительные *земля* и *угодье*. В грамотках частотны слова, отражающие паровое пашенное земледелие, которое было широко распространено в XVII в.: *поле, нива* («засеянный участок»), *пашня, паренина, новина, облог, пазьмо*. Подсечное огневое земледелие, видимо, сохранялось в рассматриваемый период как пережиточное явление; слова, исторически

связанные с подсечным земледелием, единичны. Это *ляда* (*лядина*), *гарь*, *поляна*, *сечь*, *старь*, *залежь*, *лешая* (т. е. лесная) *отхожая пашня*.

К наименованиям сенокосных угодий относятся *луг*, *покос*, *пожня*; к лесным угодьям — *лес*, *лесные недра*, *заповеди*, *заказ*, *засака*.

Промысловое рыболовство осуществлялось сельским населением в реках и озерах, прилегающих к земельным угодьям. Кроме названия промысла — *рыбная ловля* в грамотках встречаются многочисленные названия рыб: *белуга*, *головель*, *карась*, *лещь*, *лινь*, *окунь*, *осетр*, *плотва*, *сазан*, *севрюга*, *сельдь*, *сом*, *стерлядь*, *судак*, *чалбыши*, *щука*.

Бортничество уступило место улейному пчеловодству. Поэтому термины, отражающие лесной сбор меда, единичны: *бортный урожай*, *бор*, *бортъ* (колода для пчел, дерево с дуплом, в котором водятся дикие пчелы). Чаше упоминаются в грамотках *улей* и *пчельник*.

Как видим, памятники народно-разговорного языка содержат обширные сведения по лексике XVII в.

¹ С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—нач. XVIII в. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. С. И. Котков, Н. П. Тарабасова. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII в. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968; Грамотки XVII — нач. XVIII в. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. М., 1969.

² Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.

³ Там же, с. 14.

⁴ Лингвистическое источниковедение. М., 1963; Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963; Источниковедение и история русского языка. М., 1964; Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966; Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967; Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969; Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971; Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973; Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974.

⁵ С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения. — «Источниковедение и история языка». М., 1964, с. 7.

⁶ С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения. — «Источниковедение и история языка». М., 1964, с. 8.

⁷ Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 94.

⁸ Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. — «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, с. 26.

⁹ См.: С. Князьков. Из прошлого Русской земли. М., 1907.

«ИНЖИЛ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Среди письменных источников по башкирскому языку, относящихся ко второй половине XIX и началу XX в., особое место занимают издания миссионеров. Это были буквари, книги для чтения, словари, православная религиозная литература, выпущенная на видоизмененном русском алфавите. Их особенность и в то же время ценность состоит в том, что тексты эти написаны преимущественно на башкирском разговорном языке, без каких-либо примесей письменного языка «тюрки», обслуживавшего в то время башкир.

О степени распространения такого рода литературы среди башкир пока трудно судить. Издание православно-религиозной литературы осуществлялось и на языках других тюркских народов. Известно, что еще в 1841 г. в Евпатории впервые была напечатана Библия на караимском языке. В. А. Гордлевский обратил внимание на это издание, назвав его в числе важных письменных источников по караимскому языку. Автор выделил около 100 слов из этого перевода и проанализировал их в сравнении с другими тюркскими языками, отметив, что часть лексем тяготеет к среднеазиатским или алтайским наречиям, часть — к казанско-татарскому языку («кыпчакский фон»). Среди подобных слов приводятся *алыңгасар* 'исполин', *атлык* 'памятник', *емганган* 'работник', *ыңгыр* 'вечер', *кус* 'выколоситься', *базык бол* 'тучнеть' и др.¹

С. Е. Малов назвал в числе источников по истории казахского языка и миссионерскую литературу. Не касаясь ее идеологического содержания, он отметил, что «переводы христианских вероучительных и нравоучительных книг были на хорошем, понятном массовому читателю, народном казахском языке»². Именно близостью к народно-разговорному языку отличались эти переводы от религиозно-мусульманской литературы, которая изобиловала средневековой ученостью и арабизмами.

Анализируемый нами «Инжил»³ напечатан в Казани в 1902 г. в типографии В. М. Ключникова отдельной книгой на 314 страницах. Переводчик и тираж книги не указаны. По орфографии и пунктуации, строению предложений можно судить о грамотности переводчика, о владении им в достаточной степени и русским, и башкирским языками. К тому же надо учесть, что русский текст весьма сложен по синтаксису и составу лексики, а башкирская письменная речь тогда еще не была нормирована.

Большинство специфических башкирских звуков в данном переводе нашло отражение, для чего применены надстрочные и подстрочные знаки: *ä* — для звука *э*, *ö*—*ө*, *y*—*ү*, *z*—*з*, *n*—*ң*, *ç*—*ч*. Не выделены особо только специфические башкирские звуки *к* и *ҕ*, они обозначены соответственно через *к* и *г*.

Заслуживает особого внимания соблюдение в тексте перевода наиболее характерных, широко распространенных особенностей двух основных (восточного и южного) диалектов башкирского языка. Дело в том, что в конце 20-х годов нашего столетия широко обсуждался вопрос о диалектной основе башкирского письменного литературного языка, в процессе этой дискуссии были выработаны определенные нормы, основанные на данных указанных двух диалектов. Переводчик почти угадал пути дальнейшего развития грамматических норм литературного языка. Видимо, он достаточно ясно представлял себе состояние башкирского общенародного разговорного языка, распространенность в нем тех или иных форм, слов и их сочетаний.

Так, в тексте аффиксы множественного числа оформлены по образцу восточного диалекта, как и в современном башкирском литературном языке: *йорттар* 'дома', *таузар* 'горы', *таштар* 'камни', *һорағандар* 'они спросили', *әйтәрҙәр* 'скажут' и др.

Словообразующие аффиксы имен существительных и прилагательных, наречий и глаголов даны также по восточному диалекту. Здесь наряду с формами, аналогичными нормам современного литературного языка, есть и расхождения, потому что в последнем частично приняты и южно-диалектные формы словообразования: в тексте перевода *баштык*—лит. *башлык* 'глава', *дандау* 'прославлять', *дөрөштөк* 'правда', *исемдәнеләу* 'именоваться', *төштөк яғы* — лит. *төшлөк* 'юг', *тулҡындануу* 'волноваться', *тыныстык* 'спокойствие', *тыңдау* 'слушать', *уйзау* 'думать', *һыйзау* 'угощать', *яктылык* — лит. *яктылык* — южн. *яклылык* 'свет'; последние также даны по восточному диалекту: *тикте* 'до', *шкелде* 'подобно', в то же время — *белән* 'с' вместо ожидаемого *менән*. Встречаются отдельные слова и словообразовательные вкрапления из южного диалекта типа *тәүлә* — вост. и лит. *тәүзә* 'раньше', *күнак* 'ведро', *коток* 'колодец' и пр.

Перевод последовательно отражает наиболее распространенные особенности башкирского разговорного языка. Так, например, личные местоимения даны в форме *аны* 'его', *мыны* 'этого', *аға*

ему', анын 'его', анаулай 'так'; сложные глаголы употреблены в стяженной форме: *апарырга* 'вести, нести', *апкилеу* 'привести', *апсыгыу* 'вывести', *апкитеу* 'увести'.

В тексте нашли отражение также грамматические формы, синтаксические конструкции, широко распространенные в разных говорах, т. е. не являющиеся узлокальными, а характерные в большинстве случаев для общенародного разговорного языка.

Конечный согласный *ң* в аффиксах принадлежности оформлен как *н*: *ерзен* 'земли', *кешенен* 'человека', *шунын* 'того'.

Взамен местно-временного падежа употреблено синонимичное сочетание существительного с послелогом: *төнө белән* 'ночью' (можно было бы сказать *төндә*, *төнөн*), *икенсе көнө* 'на второй день' — *икенсе көндө*; *шул сәгәте* 'в тот же час' — *шул сәгәттә*; вместо целевого инфинитива на *-рга* употреблена форма на *-р* + послелог *өсөн* 'чтобы'; *һынар өсөн* 'чтобы испытать'.

Параллельно употреблены инфинитивные формы глагола на *-ырга* (диалектный вариант *-арга*) и *-ыу*; *юнәтергә тейеш* 'он должен поправить', *торгозорга* 'поднять', *торорга тейеш* 'он должен встать'; *килеүгә тейеш* 'он должен прийти', *булыу тейеш* 'он должен быть', *башкарып тороуга кушып* 'повелев исполнять', *эшселәр ялдарга сыккан* 'вышел нанимать работников', *ызаланыу тейеш* 'полагается мучиться', *калдырмау кәрәк ине* 'надо бы не оставлять'. Форма на *-мак* не употреблена.

Форма желательного наклонения глагола совпадает с вариантом южного диалекта и современной литературной нормой: *күргеһе килеб йөрөгән* 'он хотел видеть', *барғыһы килһә* 'если хочет он поехать'; встречаются и другие формы, выражающие желание, просьбу: *йебәрсе* 'отпусти, пожалуйста', *улыма күз һалһана* 'взгляни-ка на моего сына', *аға әйтһәнә* 'скажи-ка ей'.

В переводе отражены также варианты слов, некоторые из которых сейчас уже можно найти лишь в отдельных говорах, либо они вовсе исчезли из языка: *бүлем* — лит. *бүлек* 'часть', *дан-даузы* — *данлы*, *данлыклы* 'славный', *күләңкә* — *күләгә* 'тень', *кәмдәү* — *кәмһетеу* 'унижать', *котолтоу* — *коткарыу* 'спасать', *олоктау* — лит. *ололау* 'величать', *татыусылыҡ* — *татыулык* 'мир, согласие', *үткәзеу* — *үткәреу* 'провести', *үткәүел* 'проход', *язык* — *гөһәһ* 'грех' и т. п.

Особо выделяются словосочетания, которые характерны для живого разговорного языка и во многом совпадают с современными нормами словоупотребления: *ага була килеб* 'придя ради него', *бер-берәү* 'кто-то', *биһ-билгеле* 'очень известный', *бәләкәй тора-рак* 'немного погода', *ишетә тороб* 'слыша', *кем дә кем* 'кто-либо', *көн кискә һарыкты* 'день склонился к вечеру', *күңел итеу* 'отнесись с душой', *мынан былай* 'отныне', *нышып, өймәләм итеп тултырыу* 'набить, заполнить до верха, полностью', *оторо* 'пуще', *теләк итеу* 'просить, умолять', *турыһынан әйтеу* 'сказать правду', *тәм итеп карау* 'попробовать', *тәу итеу* 'просить прощения', *уахыт һуңғарылағас*, 'когда стало поздно', *һинен беззә нейең бар?*

‘какое тебе дело до нас?’, *шу уахыт* ‘тогда, в тот час’, *шунын көбөк*, ‘как тот’ и т. п.

Ряд слов дан в соответствии с огласовкой говоров южного диалекта, которые совпадают с формами отдельных говоров также и восточного диалекта *ипмэк* ‘хлеб’, *кетей* ‘стадо’, *эшәней* ‘верить’, *әсәһе* ‘его мать’ (при наличии *әсәй* и *ата-инә*), *әне* ‘братишка’.

Текст перевода отражает и отдельные фонетические соответствия, являющиеся особенностью ряда говоров башкирского языка. Например, в слове *һауа* ‘воздух’ отсутствует начальный *һ-ауа*, характерный для говоров южного диалекта.

В соответствии *д—т* предпочтен глухой согласный: *тәйә* вместо *дәйә* ‘верблюд’, *тегәнәк* ‘репей’, *төбөрзәу* ‘гремять, грохотать’, *түң*, ‘кочка’; в чередовании *б—м* дано *м*: *корман* ‘жертва’, *мойокма* ‘не грусти, не горюй’; *з—һ*, *с—һ* — через *һ*: *бахыу* ‘нива’, *нәһел* ‘род’, *һаһыған* вместо *һаһыған* ‘протухло’, *һурайтыу* ‘увеличивать’; *б—п* — через звонкий *б*, который выступает в разных позициях: *бәйғәмбәр* ‘пророк’, *һатыб алыу* ‘купить’ *ябтырыу* ‘заставить запереть’; вместо *ә* лит. выступает *ә*: *беләр* ‘узнает’, *ише-тәрәә* ‘услышать’.

Лексика в основном общенародная. В то же время изучение словарного состава перевода представляет большой интерес. В нем можно найти ряд слов, которые исчезли из современного башкирского языка или составляют пассивный фонд словаря, как например: *алым* ‘взятка’, *болғак сығарыу* ‘вызвать смуту’, *йөзәу* ‘измениться в лице, побледнеть’, *оронсок итеу* ‘мешать, препятствовать’, *сиреу* ‘войско’, *таньксы* ‘свидетель’, *таньктау* ‘свидетельствовать’, *ур казыу* ‘рыть ров’, *уттык* ‘сеновал’, *һанһыз* ‘больной, прикованный к постели’.

Отразились и региональные слова, имеющие параллели в тех или иных говорах: *йылан тыумалары* ‘змееныши’, *кейәу егете* ‘жених’, *кашына килеу* ‘предстать перед кем-либо’, *окшаузы* ‘сходный, похожий’, *оронсоктау* ‘мешать’, *тибез урын* ‘ровное место’, *һауһызаныу* ‘хворать, недомогать’, *яңактау* ‘нашлепать, ударять по щекам’.

Весьма своеобразно употребил переводчик русские слова. В одних случаях приведена усвоенная башкирами форма слова (т. е. так, как в разговорной речи); *көрбөйәндек* ‘грубость’, но в большинстве случаев — без изменений: *башня*, *горщица*, *гроб*, *душ*, *кесарь*, *кружка*, *мята*, *памятник*, *пасха*, *пошлина*, *престол*, *священник*, *сотник*, *скорпион*, *скамья*, *тмин* и т. д.

Представляет интерес также решение некоторых вопросов орфографии. Известно, что в то время, когда издавалась анализируемая книга, не было устойчивых правил правописания. Специфически решены переводчиком вопросы написания сложных и служебных слов. В одних случаях послелого пишутся раздельно, а в других — слитно: *көнһайын* ‘ежедневно’, *ши тураһында* ‘о работе’. Частицы же по всему тексту написаны слитно или через дефис: *артынсук* ‘вслед’, *биреб торсәлә* ‘дай, пожалуйста, в долг’, *күбтәнүк* ‘дав-

ным-давно', *һөйзәуенән-генә* 'только из его рассказа', *шулайуҡ* 'так же'. Исключение составляет вопросительная частица *-мы* (*-ме*), которая оформлена раздельно: *шул тугел ме?* 'не тот ли?', *уйзайһығыз мы?* 'думаете ли?' и т. д. Союз *-да* (*-дә*, *-ла*, *-лә*) пишется то раздельно, то слитно: *балаларымда үзем белән бергә* 'и дети со мной вместе', *мин дә һезгә әйтәйем* 'и я скажу вам'.

Сложные глаголы написаны через дефис или раздельно: *инеп барганда* 'когда заходит', *кыркыб-алыб* 'срубив', *сисеб алыб* 'развязав', *үтеббара икән* 'оказывается, мимо проходит' и т. п.

Несмотря на разные цели и назначение подобного рода изданий в свое время, теперь они уже для нас превратились в один источник по изучению тех или иных явлений истории башкирского языка. Необходимо выявить все варианты переводов, установить их хронологию, всесторонне и глубоко изучить имеющиеся в них материалы по башкирскому языку.

Образец текста из главы 15 (с. 207—208)

Гезҙән кемегез, йөз ғарығы булыб, аларҙан берәүгән йугалтға, тукған тугызын кородалала калдырыб, табыб алғаныһса, йугалғандын артынан китмәй? Табкас, аны кыуавыб, йауырынына ғалыб алыр: Шуван бйөнә килгәс, дүс-иштәрән, күршеләрән сақырыб алыб, аларға әйтер: мине белән бергә кыуанышығыз: мин йугалған ғарығымды табтым, тир. Гезгә әйтәмен күктәрҙә лә тәүбәгә кайтқан, бер йазықтыға тәүбәгә кайтыуы кәрәккәнмәгән тукған тугыз тоғороларға кыуанғандан артыгырак кыуанырҙар, теймә. Йә, кайғы катын, ун драхмағы булыб, бер драхмағын йугалтға, шәм йандырыб, булмағән гешерәб, табканса тырышыб эҙәмәй? Табкас дүс катындарын күрше катындарын сақырыб алыб әйтер: мине белән бергә кыуанығыз; мин йугалған драхмакды табтым, тир.

Перевод:

‘...Кто из вас, имея сто овец, потеряв одну из них, оставит девяносто девять в пустыне и не пойдет за пропавшей? Найдя, он радостно поднимет ее на плечо; затем, придя домой, соберет друзей, соседей и скажет им: «Радуйтесь вместе со мной, я нашел пропавшую овцу». Я говорю вам, и в небесах будут радоваться одному покаявшемуся грешнику, чем девяноста девяти оставшимся верными. Скажите, какая женщина, будь у ней десять драхм, потеряв одну, не будет искать её со свечой, подметая пол до тех пор, пока не найдет? Найдя, пригласит подруг и соседок и скажет: «Радуйтесь вместе со мной, я нашла потерянную драхму»...’

¹ Гордлевский В. А. Лексика караимского перевода Библии.— ДАН СССР, сер. В.М.—Л., 1928, № 5, с. 87—91.

² Малов С. Е. К истории казахского языка.—«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка». М.—Л., 1941, № 3, с. 100.

³ Этот экземпляр книги, обнаруженный в д. Кутлумбетово Переволоцкого района Оренбургской области, был передан автору статьи в 1974 г. старшим научным сотрудником ИИЯЛ БФАН СССР Р. Т. Бикбаевым, которому, пользуясь случаем, выражаю свою признательность.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-БАШКИРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В настоящее время все большее развитие получает контактология — молодая и весьма перспективная отрасль современного языкознания¹. Особенно благодатна тема изучения взаимодействия языков в условиях Башкирии.

Изучение русско-башкирских языковых связей только в синхронном плане свидетельствовало бы об одностороннем изучении этого вопроса и противоречило бы историческим фактам. Совершенно справедливо в этой связи высказывание Н. К. Дмитриева: «...изучать историю русско-башкирских языковых отношений нужно, конечно, с эпохи более отдаленной, т. е. дооктябрьской...»² Диахронический подход к исследованию русско-башкирских языковых связей позволяет выявить самые ранние заимствования (русизмы и тюркизмы) в составе контактирующих языков. Диахронический, равно как и синхронный, аспект исследования русско-башкирских языковых контактов практически невозможен без изучения источников, разнообразных как по форме, так и по содержанию. Это, прежде всего, русские летописи, башкирские шежере (родословные), самые ранние исторические документы XVI — XVII вв. (распросные акты, реестры, челобитные, различные грамоты, докладные выписи и пр.), а также русские и башкирские говоры БАССР.

По имеющимся официальным историческим данным взаимные связи башкир с русскими относятся к середине XVI в. к моменту присоединения Башкирии к Русскому государству (процесс присоединения шел, как известно, поэтапно — с 1554 по 1557 год.). Это крупнейшее политическое событие в жизни русского и башкирского народов свидетельствуется русскими летописями, в частности Никоновской под 1557 г., а также башкирскими шежере, отражающими события XVI в. Так, к примеру, в шежере башкир племени юрматы точно передается год падения Казанского хан-

ства и обращение послов Ивана Грозного ко всем племенам, в том числе и к башкирским, входившим в состав Казанского ханства, о мирном присоединении к Русскому государству: «Когда Татигач стал бием в 959 году, в год мыши (т. е. 1552 г. — А. Л.), на второй день октября русские взяли Казань. После этого Белый бий стал падишахом. Был 961 год (т. е. 1554 г.), когда во все земли были направлены послы с грамотами, [которые] известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи...»³ В Никоновской летописи под 1557 г. находим подтверждение того, что после взятия русскими Казани «государь Иван Грозный послал по всем улусам, черным людем ясачным грамоты..., чтобы шли к государю, не бояся ничего, а кто лихо чинил, тем бог мстил, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем»⁴. Многие башкирские племена приняли это обращение Ивана Грозного, отправив к нему своих послов. Об этом свидетельствует, например, шежере башкир минцев д. Мурадымово: в 1555 г. от их рода было отправлено к государю 11 биев; в шежере башкирских племен бурзян, кыпсак, усерган и тамьян также сообщается, что «...после этого (взятия Казани — А. Л.) башкиры четырех племен [которые живут] к востоку от Казани послали к этому царю Ивану одинаково знатных людей. Он сам желал их прибытия...»⁵. В той же Никоновской летописи сообщается, что в мае этого года (1557 г. — А. Л.) «башкирцы пришли, добив челом, и ясак заплатили». В шежере башкир племени мин сообщается о размерах ясака, который они заплатили в 1557 г.: «Ясак, который мы платили милостивому великому царю, 171 куница, 18 батман меда...»⁶

Лингвистический анализ этих источников позволяет выделить ранние русизмы в составе башкирского языка, к числу которых можно отнести слова *кенэз* (князь), *купис* (купец), *вұлыс* (волость), *фибрал* (февраль), а также тюркизмы в русском языке XVI в.: *ясак* 'налог', 'пошлина' (дериват — *ясачный*), *улұсы* 'селения, аулы, становища кочевников', *ясырь* 'пленник, пленница' и др.

Интересным и богатым по языку источником, отражающим официальные деловые связи русских и башкир, являются «Материалы по истории Башкирской АССР» (М.—Л., 1936), в которых собраны различные исторические документы. Наиболее ранний исторический документ датируется 1600 г. Лингвистический анализ этих материалов показывает, что русская письменная речь XVII—XVIII вв. обогатилась словами тюркского (в том числе и башкирского) происхождения, равно как и башкирский язык этого периода значительно пополнил свой словарный состав заимствованиями из русского языка. Приведем примеры. Наиболее часто в башкирском языке этого периода употребляются слова: *бедняклар*, *переводчик*, *старшина*, *душушние*. В документах, отражающих деятельность Салавата Юлаева, отмечены слова: *главный атаман*, *бригадирлык*, *главный полковник*, *Катав завутында камандир*, *при-*

кашчиклар (из обращения С. Юлаева к командирам, приказчикам и старцам Катавского завода), *рипурт*, *войсковой писарь*, *сотник* и др. В других документах интересующего нас периода встречаются такие слова, как *земский кантур*, *збруй*, *бурэна* (бревно), *тыранса* (драница), *мейес* (печь) и др. Некоторые из этих слов, например, *изба* и *печь*, отмечены, по утверждению Л. П. Якубинского, еще в Codex Sumanicus (XIII в.). В связи с этим Р. Н. Терегулова отмечала, что слова *изба* и *печь* были привнесены в башкирский язык не непосредственно из русского, а через кыпчакское посредство⁷. Многие из перечисленных русизмов стали достоянием современного башкирского литературного языка: *командир*, *крепость*, *завод*, *бур* (вор), *копия* и мн. др.

Одновременно и в русскую письменную речь XVII—XVIII вв. проникали слова тюркского происхождения. Это в основном слова бытового, военного, административного характера, вошедшие в язык деловых документов: *аталык* 'попечитель, воспитатель', *аманат* 'заложник, заложница', *коштан* (*куштан*) 'доносчик, ябеда', *ясырь* 'пленник, пленница', *тюба* 'подразделение племени, рода', *куяки* (*куявники*) 'латы из кованных пластинок по сукну', *аргамак* 'порода легких быстрых герховых лошадей', *саранá* 'род полевой лилии, употреблявшейся в пищу', *кортомá* 'хмелевые, рыбные и звериные промыслы, сдававшиеся в аренду', *байгул* 'разбогатеть, богатство' («пожитки и пленников того полку брал на большой байгул») ⁸.

Особенности башкирского языка обнаруживаются преимущественно в передаче различных географических названий: Елайр (ср. совр. русск.: Зилаир), Сабарак-куль (ср. совр. русск.: Чебаркуль), Аузень (ср. совр. русск.: Авзян), Урганис (ср. совр. русск.: Ургенч) и мн. др. Другим, не менее важным, источником, вскрывающим русско-башкирские языковые связи, являются говоры сопоставляемых языков. Диалектологические наблюдения С. Ф. Миржановой⁹ показывают, что башкирские говоры усвоили немало русских слов. Например, *кэпират* (кооперация), *уфтауыз* (автобус), *бурам*, *барум* (паром). Причем некоторые русизмы стали достоянием только диалектной формы башкирского языка: *синдек* (сенник), *бакуй* (покой), *мизагун* (медогонка) и др. Относительно русских говоров Башкирии можно сказать, что по предварительным подсчетам носители русских говоров усвоили около 250 заимствованных слов, среди которых выделяются, наряду с другими тюркизмами, и слова явно башкирского происхождения. Это этнографизмы *сыба* (халат из домотканого холста, который носили простолодины), *сарыкй* (обувь с кожаным носком и суконным голенищем), *тирлык* (приданое девушки-башкирки); другие наименования — *цебатá* 'лапоть, лапти', *баткак* 'грязь, слякоть после дождя', *маяшки* 'хворост' (кулинарн.), *аримá*, *уремá*, *ремá* 'место, поросшее густым кустарником' и мн. др.

Естественно, что для всестороннего изучения русско-башкирских языковых контактов этих источников явно недостаточно. Лингвистическое исследование данных беллетристики, фольклора, этнографии, археографии и лингвогеографии позволит выявить новые факты о языковых взаимосвязях русских и башкир.

¹ Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; В. Ю. Розенцвейг. Языковые контакты. Л., 1970; Т. П. Ильяшенко. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М., 1970; Новое в лингвистике, вып. VI, Языковые контакты. М., 1972 и др.

² Н. К. Дмитриев. Русско-башкирские языковые отношения. — «Строй тюркских языков». М., 1962, с. 468.

³ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 33.

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XIII, I половина, с. 221.

⁵ Р. Г. Кузеев. Указ. раб., с. 73.

⁶ Там же, с. 53.

⁷ Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957, с. 21.

⁸ *Байгул* от тюркского *baj gil* 'сделать богатым', *baj col* 'разбогатеть' (Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 79).

⁹ С. Ф. Миржанова. Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка. — «Башкирская лексика». Уфа, 1966, с. 89—102.

ОБЗОРЫ

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЧЛ.-КОР. АН СССР А. К. БОРОВКОВА

В Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛОААН) поступили на хранение документальные материалы известного языковеда члена-корреспондента АН СССР и Узбекской ССР Александра Константиновича Боровкова (1904—1962). В фонде представлено более 250 научных трудов ученого по общему языкознанию, тюркскому языкознанию и фольклору, литературе, истории и этнографии, издания и переводы тюркских памятников, курсы лекций, отзывы на труды других ученых за 1928—1962 гг. Статьи, доклады и заметки по узбекскому, уйгурскому, карачаево-балкарскому, башкирскому и другим языкам, а также работы по общим вопросам тюркологии и документы по научно-организационной деятельности раскрывают широкий круг научных интересов Александра Константиновича Боровкова.

А. К. Боровков начал свою научную деятельность в Академии наук в знаменательный период создания организационных основ подготовки научных кадров и формирования личного состава Академии. Непрекращающийся процесс демократизации науки навсегда покончил с кастовым подбором ученых, приобщил к знаниям миллионы людей. Никогда раньше Академия не принимала в свои ряды такого огромного пополнения, какое было принято в 1925—1941 гг. Академия тем самым увеличилась не только количественно, но и приобрела новое качественное состояние, став верным залогом всего лучшего в советской науке¹.

С самого начала научная деятельность А. К. Боровкова была связана с нуждами молодой Советской республики и теми задачами, которые она ставила перед Академией наук. В статьях по истории изучения тюркских языков, изданных в 1950-х годах, ученый писал о широком распространении этих языков, сложности их исторических судеб, отношении друг к другу и к другим языкам, о тематике исследований, диктовавшейся практическими задачами развития национальных культур. «Оказалось совершенно очевид-

ным, — писал он в статье «Состояние и перспективы изучения тюркских языков в СССР», — что тюркские языки изучены были далеко не в достаточной степени новых потребностей их развития, как языков литературных. Совершенно не изучены были башкирский и каракалпакский языки, в очень слабой степени изучались азербайджанские, туркменские и узбекские диалекты и говоры, чрезвычайно недостаточными были сведения о киргизском языке и его диалектах и т. д. Таким образом, задача углубленного и подробного изучения фонетики, грамматики и лексики отдельных тюркских языков, их истории и диалектальных особенностей приобрела творческое значение и определенную ценность»².

А. К. Боровков отмечал большую роль Советского государства и Академии наук в развитии научной деятельности и подготовки специалистов непосредственно в национальных республиках и областях. «Если до революции, — писал он в 1961 г., — научное исследование тюркских языков проводилось в Петербурге, Москве и Казани, ... то в наше время в Абакане, Алма-Ате, Ашхабаде, Баку, Горно-Алтайске, Казани, Кызыле, Нукусе, Ташкенте, Уфе, Чебоксарах, Фрунзе, Якутске и многих других городах проводится огромная систематическая работа по изучению тюркских языков, издаются учебники, учебные пособия и словари, монографии и статьи по самым различным вопросам: грамматике, лексикографии, истории и диалектологии тюркских языков»³. Связь с практическими вопросами и нуждами культурного строительства в национальных республиках он сохранил до конца своих дней.

Изучение тюркских диалектов и говоров вплотную подводит А. К. Боровкова к общим вопросам истории тюркских языков. «Многочисленные диалектологические исследования говорят о том, что реальные процессы образования современных литературных национальных тюркских языков нельзя познать без учета размещения диалектальных групп и истории их образования, без тщательного изучения форм смешивания нивелировки диалектов и говоров и источников сложения междиалектных койнэ»⁴. По материалам фонда работы относятся к 1930—1955 гг. В число их входят: «Карты распространения иранизированных и неиризированных говоров в Средней Азии» (1945—1948), «Итоги и задачи изучения узбекских народных говоров» (1943), «Парные слова и словосочетания в узбекском языке» (1943), «Узбекские говоры Касанского района Каршинской области» (1943—1944), «К характеристике узбекского говора арабов с. Пулаты Касанского района Каршинской области», «Диалектологические заметки. (Наманганский район УзССР и соседние районы Каракалпакской АССР)» (1944), «Узбекские говоры Наманганской области. По материалам диалектологической экспедиции Института языка и литературы АН УзССР» (1944), «Узбекская прозаическая версия поэмы об Алпамыше» (1947), «К вопросу о частях речи в тюркских языках (1940-е годы)», «Об эпосе тюркских народов Средней Азии и Казахстана (1950—1953)», «Узбекские говоры Касанского района Кар-

шинской области» (1950—1953), «Башкирские говоры» (не ранее 1955).

В фонде также имеются работы и по теории иранизации и по таджико-узбекскому двуязычию. По итогам своих работ по диалектологии А. К. Боровков предполагал написать монографию. К сожалению, это ему не удалось осуществить. Не подготовленной к публикации осталась и статья «Башкирские говоры» (рукопись на 14 листах с приложением карт и выписок к ней).

Из лексикографических трудов А. К. Боровкова можно отметить картотеку к словарю «Бада'-и' ал-лугат Тали' Ймани Гератского». Специалисты из Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР считают, что несмотря на имеющуюся публикацию, картотека представляет интерес для исследователей, в ней богато представлены подтверждающие цитаты, не вошедшие в словарь.

Диалектологические исследования Александр Константинович связывал с исследованиями историко-литературными, фольклорными. Важное место в его интересах занимает изучение эпических памятников, их роли в развитии тюркологической науки. Это работы об эпосе «Манас», «Алпамыш». Им изучались и библейские памятники в целях раскрытия вопроса миграции сюжета. На протяжении всей его деятельности значительное место занимает изучение тюркского героического эпоса «Алпамыш». «Эпос об Алпамыше,— писал он,— распространен среди разных тюркских народов, у каждого из которых есть свои сложившиеся национальные традиции в области устно-поэтического творчества. Это заставляет обратить особое внимание на художественные особенности его, являющиеся важным элементом, выявляющим национальную специфику народной поэмы»⁵.

Помимо стихотворных текстов поэмы об Алпамыше А. К. Боровковым изучались также казахские и узбекские прозаические пересказы, кроме того, переработки эпоса об Алпамыше в сказку (казахская сказка о великане Алпамыше, башкирская сказка «Алпамыш и Барсынхылу», татарская «Алпамша» и сказочный вариант узбекской поэмы у среднеазиатских арабов). По материалам фонда, эти работы написаны в 1928—1958 гг. Среди них «Алпамыш» (перевод-пересказ эпизодов каракалпакской и узбекской версий); доклад «Вопросы изучения эпоса тюркоязычных народов Средней Азии»; монография «Героическая поэма об Алпамыше» и ряд других работ.

Труды А. К. Боровкова ценны еще тем, что, указывая на достижения советской тюркологической науки, он вскрывал недостатки и показывал пути их преодоления. «Обращает на себя внимание известная односторонность проблематики в области тюркского языкознания, до сего времени в планах доминируют описательно-грамматические темы, словари, описание диалектов, реже лингвистические атласы и т. п., почти нет тем по истории тюркских языков и сравнительной грамматике»⁶.

Александр Константинович обращал внимание на то, что в настоящее время «самым важным звеном» тюркского языкознания

является объем и уровень теоретических работ. По его мнению, большую роль в этом играют «совещания и конференции по линии координации работ, которые проводятся в различных направлениях (диалектология, лексикография, история языков)»⁷.

Знакомство с трудами А. К. Боровкова позволяет сделать вывод, что его филологические исследования тесным образом связаны с исследованиями историко-литературными, этнографическими, археологическими и фольклорными. Большая эрудиция не только тюрколога, но и востоковеда широкого профиля позволяла А. К. Боровкову на больших межязыковых восточных материалах говорить о контактах и взаимодействиях соседних языков и их носителей.

Архив А. К. Боровкова представляет ценность не только в отношении научных рукописей по тюркскому языкознанию. В фонде содержатся биографические документы многих лиц, общавшихся с Александром Константиновичем и документы, служащие источником для истории тех учреждений, в которых работал или с которыми соприкасался за время своей жизни А. К. Боровков. В том числе имеются документы, относящиеся к истории тюркского языкознания в Башкирском филиале АН СССР.

В целом документальное наследие А. К. Боровкова содержит обширный материал для истории отечественной тюркологии в такой интересный и важный период, каким был период 1930—1950-х годов.

¹ Академия наук СССР — штаб советской науки. М., 1968, с. 50—51.

² Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 974, оп. 1, д. 202, л. 8.

³ А. К. Боровков. Изучение тюркских языков в СССР. — «Вопросы языкознания», 1961, № 5, с. 10—11.

⁴ ЛО ААН, ф. 974, оп. 1, д. 202, л. 96.

⁵ ЛО ААН, ф. 974, оп. 1, д. 164, л. 237.

⁶ Там же, д. 200, л. 1—2.

⁷ Там же.

Э. Г. УРАКСИН, С. М. ШИНГАРЕЕВА

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА ВРАЧА И УЧЕНОГО-ФИЛОЛОГА М. А. КУЛАЕВА

Личный фонд врача по профессии, одного из первых ученых-филологов из башкир Мстислава Александровича (Мухаметхана Сахипкиреевича) Кулаева (1873—1958) был передан в Научный архив Башкирского филиала АН СССР его дочерью — Татьяной Мстиславовной Кулаевой в 1961 г. При передаче фонд находился в россыпи. Материалы фонда были тщательно разобраны, приведены в порядок и сгруппированы по следующим разделам: 1) труды М. А. Кулаева; 2) биографические материалы; 3) переписка; 4) материалы о М. А. Кулаеве.

К документальным материалам, характеризующим исследовательскую работу по филологии, относятся рукописи, конспекты, выписки, дневниковые записи, русско-башкирский и башкирско-русский словари; фрагменты по грамматике усергенских башкир; по синтаксису башкирского языка; о звуках башкирского языка; первые авторские варианты работ по башкирской лексике, фонетике, морфологии, синтаксису и записи по башкирскому фольклору.

Начало научной деятельности М. А. Кулаева по башкирскому языку относится к 1905—1906 гг. Будучи образованным человеком, причину угнетенности и отсталости башкирского народа он видел в безграмотности, в отсутствии собственной письменности и школ на родном языке; рост просвещения М. А. Кулаев усматривал в приобщении башкир к русской, а через нее и к европейской культуре.

Мстислав Александрович принимается за создание алфавита для башкир. В этих целях необходимо было изучить звуковой строй языка; в качестве объекта исследования он избирает родное наречие (в 30-е годы южный диалект, в состав которого входит родной говор М. А. Кулаева, был признан одним из опорных диалектов башкирского литературного языка).

Результаты своей работы он издал в 1919 г. под названием «Элепей» («Букварь»). М. А. Кулаев во многих языковедческих

работах отмечал, что он описывает усергенское наречие. В рукописи работы по синтаксису он пишет, что на усергенском языке говорят собственно усергенские башкиры, башкиры р. Ика, Сакмары, верхнего течения р. Белой (стерлитамакские башкиры), башкиры по р. Деме и Сев. Ику (Камсксму), самаро-бузулукские, с некоторым незначительным отклонением в говоре бурзянские, катайские и аргаяшские башкиры... Синтаксис башкирского языка везде и всюду в Башкирии один и тот же.

В этом заключении в некоторых чертах определено диалектное членение башкирского языка, соотношение диалектов и общенародного языка, примерно очерчены границы распространения южного диалекта.

Из неопубликованных трудов М. А. Кулаева наибольший интерес представляет «Грамматика усергенских башкир»¹, над которой он работал долго и начисто переписал ее в 1945 г. Если учитывать то, что первая научная грамматика башкирского языка Н. К. Дмитриева была издана в 1948 г., то разработка М. А. Кулаевым еще в 30-е годы отдельных вопросов башкирской грамматики (словообразование, части речи, синтаксис и др.) имела значительную научную и практическую ценность.

«Грамматика усергенских башкир» состоит из 2 частей: фонетики и морфологии; в приложении даны тексты для чтения и краткий башкирско-русский словарь. Особенный интерес представляет раздел «Морфология»; в ней части речи подразделяются на две основные группы: именные (исмизатлар) и глагольные (тейелгелэр). Далее, М. А. Кулаев проводит более дробную классификацию: им зафиксированы и описаны основные грамматические категории морфологии, такие, как притяжательность, число, падежи и др.

Ценный материал представлен в «Башкирско-русском словаре»². Как пишет сам М. А. Кулаев, в словаре содержится более 6 тысяч корневых слов. Учитывая, что в каждом словарном гнезде даны десятки производных слов и словосочетаний, число лексем в словаре возрастает в несколько раз. Значения башкирских слов в словаре М. А. Кулаева передаются не одной лексемой, как это делается в переводных словарях, здесь представлены толкования семантики башкирских слов на русском языке. Все примеры взяты из разговорной речи. М. А. Кулаев подготовил словарь по предварительно составленной им картотеке. В фонде эта картотека имеется. Количество карточек не пересчитано; предварительный просмотр показывает, что не все материалы из картотеки нашли отражение в словаре, или же не все оттенки и значения зафиксированы. Рукописный башкирско-русский словарь М. А. Кулаева полностью перенесен на карточки и слит с общей картотекой Толкового словаря башкирского языка, составляемого в ИИЯЛ БФАН СССР.

М. А. Кулаев летом 1900—1902 гг. по поручению Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете по-

бывал в восточной Башкирии. Во время поездки им накоплен богатый материал — записи башкирских песен, сказок, изречений, поговорок и пословиц. Все записи производились тщательно от руки на башкирском языке и сопровождалась русскими переводами. В этих материалах 72 куплета песен о горе Яман-Тау; 148 поговорок и пословиц; 10 башкирских сказок³. М. А. Кулаев был хорошо известен своими переводами художественных произведений. Он перевел И. А. Крылова, А. С. Пушкина, некоторые тексты для чтения составлял и сам. Сохранилось более 60 переводов М. А. Кулаева на башкирский язык басен И. А. Крылова. К каждому переводу им составлен русско-башкирский словарь. Переводы осуществлены в 1946—1954 гг.⁴

Материалы, характеризующие врачебную деятельность М. А. Кулаева, немногочисленны. Сюда относятся: 1) очерки по диагностике туберкулеза легких, где собраны записи 50-летних наблюдений врача в этой области; 2) башкирско-татарский разговорник для русских врачей; 3) русско-башкирский словарь по сангигиене⁵.

Из материалов биографического характера в фонде хранятся автобиография М. А. Кулаева и документы, характеризующие научную, общественно-политическую и врачебную деятельность ученого: обращение Татнаркомпроса к М. А. Кулаеву с просьбой принять участие в работе комиссии по разработке терминологии татарского языка по анатомии, физиологии и гистологии человека, а также о назначении его членом упомянутой комиссии (документ датирован 9 апреля 1921 г.); мандат, выданный М. А. Кулаеву как представителю научного отдела Башнаркомпроса от 22 сентября 1921 г., на всех съездах и совещаниях восточных научных организаций и обществ с правом решающего голоса; копии удостоверений, телеграммы, мандаты и 32 документа, относящиеся к 1911—1950 гг. и характеризующие врачебную деятельность М. А. Кулаева.

В группе материалов «Переписка» сохранились письма самого ученого и письма к нему. Среди них письмо М. А. Кулаева в Наркомпрос от 15 сентября 1922 г., в котором он предлагает для введения в практику разработанный им башкирский алфавит. Сохранилось и ответное письмо председателя Башнаркомпроса тов. Адигамова от 19 февраля 1923 г. Оригинал рукописи «Алфавита» (написанной в 1919 г.), которую М. А. Кулаев направлял в Башнаркомпрос, сохранился в фонде⁶.

О научной деятельности М. А. Кулаева опубликован ряд статей: З. Ураксин. Телсе-ғалим һәм врач. — «Совет Башкортостаны», 1963, 24 ноября; В. Псянчин. М. А. Кулаев һәм уның эшмәкәрлеге — «Совет Башкортостаны», 1968, 3 августа; В. Псянчин. М. А. Кулаев — хәзерге башкорт алфавитенә нигез һалыусылардың береһе. — «Башкортостан укытыусыһы», 1964, № 3; В. Псянчин, Б. Юлдашбаев. Халкыбыздың таланты улы; Р. Азнагулов. Диалектолог һәм лексикограф. — «Совет Башкортостаны», 1973, 7 февраля; З. Ураксин. — Ученый и просветитель. — «Вечерняя Уфа», 1973, 9 февраля.

¹ Научный архив Башкирского филиала АН СССР, ф. 3, оп. 20, д. 32, 33.

² Там же, оп. 20, д. 9, 9а, 9б.

³ Там же, оп. 20, д. 38, л. 1—7; оп. 20, д. 35, л. 1—6; оп. 20, д. 36, л. 1—13; оп. 20, д. 37, л. 54.

⁴ Там же, оп. 20, д. 7, л. 144.

⁵ Там же, оп. 20, д. 34, л. 84; оп. 20, д. 75, л. 148; оп. 20, д. 43, л. 72.

⁶ Там же, оп. 20, д. 22, л. 35.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. А. АЙДАРОВА

Галим Ахметович Айдаров (1883—1937) родился в с. Каргала Оренбургской губернии в семье учителя¹. Закончив в родном селе начальную школу, он учился в медресе «Хусаиния», по окончании которого в 1905 г. получил специальность учителя средней школы. Затем он продолжал свое образование в Казани, Ташкенте и Москве, закончил университет им Шанявского.

Пора активной научной деятельности Г. А. Айдарова совпадает с размахом революционных преобразований в области просвещения и культуры ранее угнетаемых народов. После Октябрьской революции он работает на ответственных постах в области народного образования в Стерлитамаке, Уфе, Оренбурге и в Москве, одновременно ведет и преподавательскую работу в Башпедтехникуме, Оренбургском агропединституте и в других местах. В 1932 г. Г. А. Айдарову присваивается звание доцента.

Научную и литературную деятельность Г. А. Айдаров начал до революции в качестве корреспондента газет и журналов. Из до-революционных его работ наиболее значительный перевод книги Б. Стоу «Хижина дяди Тома», вышедшей в 1908 г. в Казани.

Как специалист по внешкольному воспитанию, Г. А. Айдаров уделял много внимания дошкольным детским учреждениям. Так, в 1920 и в последующие годы в Уфе, Стерлитамаке им были изданы книги по методике работы с детьми дошкольного возраста, руководство по организации детских садов и площадок, а также брошюры о политпросвещении в деревне («Политпросветработа среди женщин в деревне», «Как организовать в деревне избы-читальни», «Как организовать детские ясли в деревнях», «Методы работы в политпросветкружках в деревне и городе»).

Он много работал и по проблемам башкирского языкознания. В период с 1924 по 1930 гг. Г. А. Айдаров публикует в журналах «Магариф», «Белем», «Аймак» ряд статей по языкознанию, фольклору, по методике политпросветработы и т. д. В соавторстве с

другими учеными он участвовал в создании учебника для рабфаков и техникумов «Рабочая книга по башкирскому языку» (Уфа, 1924, 293 с.), им написаны разделы по стилистике, истории языка и др.

Способный лингвист, владевший татарским, башкирским, русским, узбекским, казахским, персидским, арабским языками, Г. А. Айдаров был одним из активных деятелей научного общества по изучению говоров и наречий башкирского языка и по сбору устных произведений народного творчества. Несколько лет подряд он принимал участие в экспедициях по Башкирии, выступал с докладами на всесоюзных научных конференциях. Итогом деятельности Г. А. Айдарова в области филологии явились его труды по сравнительной орфографии узбекского и башкирского языков (Уфа, 1929), по стилю башкирских старинных писем (Уфа, 1929), по орфографии башкирского языка на новом латинском алфавите (Уфа—Самара, 1929—1935) и др.

В 1934—1935 гг. по поручению Самарского научно-исследовательского института педагогики им было подготовлено методическое руководство для учителей начальных татарских школ «Методика родного языка», написаны учебники для вузов «Синтаксис татарского языка в научном освещении», «Обособленные члены предложения», сыгравшие значительную роль в изучении грамматического строя конкретных языков.

Г. А. Айдаров пользовался заслуженным уважением своих коллег и авторитетом среди учеников, о чем говорят многочисленные адреса и статьи, посвященные его самоотверженному труду на ниве просвещения и науки².

¹ Материалы о жизни и научной деятельности Г. А. Айдарова хранятся в Государственном архиве Оренбургской области, ф. 971, оп. 3, д. 122 в 24 листах; ф. 213, оп. 1, д. 13, л. 13 и др. Часть материалов находится у супруги Г. А. Айдарова Рабиги Аюповой.

² «Оренбургская Коммуна», 1935, 30 июня, № 149.

ПУБЛИКАЦИИ

«ТАВАРИХ» — ВАРИАНТ РУКОПИСИ «ТАРИХ НАМЕ-И БУЛГАР» ТАДЖЕТДИНА ЯЛСЫГУЛОВА

«Таварих» («История») представляет собой сокращенную версию памятника «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Она составлена анонимным писцом со слов ишана Вали-Мухаммеда. Рассказы всех списков сокращенной версии в целом совпадают по структуре и содержанию, если не считать некоторых разночтений и пропусков в тексте (подробнее об этих списках см. в статье автора в настоящем сборнике, стр. 41—52).

Сокращенная версия «Таварих» представляет научный интерес прежде всего как памятник письменно-литературного языка татар и башкир XVIII—XIX вв.

Ниже приводятся факсимиле памятника, транскрипция и перевод текста «Таварих» по Ленинградскому списку (В 3492-1). Остальные списки (их всего пять) сокращенной версии использованы нами для сверки основного текста и выявления разночтений чисто лингвистического характера.

Все разночтения и различные написания слов, существующие в списках, отмечались соответствующими цифрами (1, 2, 3, 4, 5...) в основном тексте и аппарате разночтений. Если разночтение составляет целое предложение или фразу, то в начале разночтения ставилась «звездочка», а в конце — соответствующий номер.

Условность обозначения шифров рукописей оставлена так, как принята в упомянутой статье (см. стр. 42). Условные знаки (—) и (+) означают, что слово (или предложение) опущено или добавлено.

И. Г. Галяутдинов

ТАВА́РИХ

Бисми-л-лаһи-р-рахмани-р-рахим.

(161) Атамыз Адәм сафы аллаһы гәлийә-с-сәләмдән Касур шаһ-
ғә келәнче утуз биш бабалардур. Ул һәм (162) Сәмәркәнд жәм-
лийәдә туксан йыл гөмр сүрүб, ғайса гәм динендә вафат булды ¹.
(163) Ул Касур шаһдан ² Сократ атлығ хаким тугды. Бу Сократ
Йунан вилайәтенә (164) келди. Ахрында Искәндәр руми алындә
хаким улуб, абхайат варлыгына йул (165) күстерүб, шимал жани-
бенә келдиләр. Болғарны бина әйләделәр. Ул заман ³ Сократ

سبب رسوله تعز سهل عدنا كل العسير ونعم بالخير

لوايح

بسم الله الرحمن الرحيم

عليه السلام

آقاها آدم صغف الله ان قاسم شاه غده كلنج اوله زبش بابا لار دور اولم
 سمرقند جمله ده لوقان ايل عسودوب عيس عم دينده وفات اولد
 اول قاسم شاه دان سقرات آتوخ حاكم لوقا غوغي بوسقرات يونان اولد
 كلر آقا آتوخ اسكندر روجي آنگه حاكم اولوب آب حيات ه ايلغند اول
 كوستوب شمال چاينه كديلاز بلغاري نيا ايلد يلار اوله سان سقر
 حاكم بلغار دان برون لوقا ايلدي اسكندر ايلان لوقا اكي بلغار ده
 لوقا لار آنگين صكلا ديا ظلمه كتمش لارده ديا ظلمت ان قوتقلور دينين
 اوتور سقرات حاكم دار ظلمت اوفات اولدي همد كوتور دن برادر عول طوق
 آدي معلوم و راقا سقرات سن عكسره صافنده معدوم و بر لوايح لوقا
 ايلد ايشي بابا لوقا جان لوقا تايچ ايلت سن طوق نينجا ايتار خان
 قوت كچي بيغور عم اصحاب لار دينين اوچ كمينه افشا ماريه صحت
 اوچون بلغار ظلمت ايش اولك صحاب رنگي برسسي عبدالرحمن بن ابي
 يا كركم بوق عثمان رضو الله عنده لوقا لوقا لوقا لوقا لوقا لوقا
 اصحابني يارميش قوت ديننده مكره من سز لاره اوچ نرسه لوقا لوقا

سز لاردين

سزا درین کرامت تلخه و کلاره و مزاج بود و چون از سر درین استاده او قیامه
بری و دولت آتی زبیره و میرد و بری طیار جی آتی خنطله و ایرد و بری و ستار
آتی عبد الرحمن ویردی چو نمکه بونظره بعباده کلید بیدار اون که در
طیبه صیدر تن قلیب یور در ایر و بیدار نه قدر شکر کمال دار ایر شکر خانا
القصد بر کون آیدار حاکمان ننگ قزینر علیه فالج پیداه اولد
نه قدر طیب له بر دان شفا استه بیدار شفا تا بیدی لار عاچیز قال بیدار
بر کون و زبیره لاری ای بریمه لجر ایبره الطیب و زبیری بار ایر و اول آید
یا ایر ارخان سکنک یا شنگ او زاق او لسون بزنگ شکر ایمنه
اوج و سه بار دور طیب بیدار خنطله لاری یوقد و بر یوقز ننگ زخمته
در میان تبار لور دور و زبیره لوسون ایمنه و کندک او زو خان
بیرور و سه لاری او زو بیدار القصد بر کون بیدار کلید رساله م
شهرت خنطله ترکی کلاره و هم نمکه بز نظر ایمنه خان آید ای و بیدار قانین
کلور سز لور خنطله آید مده بیده و اوج کلور صر دیر و کندک خان آیدی
دایره لایور سز و خنطله آیدی طیب ایمنه بیدار صر خان آیدی هم بر قنم
بارینه بیدار لاری و خنطله دور آکا در میان تبار و صر لاری و خنطله
ایر زخمته کور ایمنه بیدار کلور بیدار فالج و خنطله دور بونگ شکر صر
پیر اوج کلور و دیر صر بان قالیغیچ دور خان آیدی بزوه او یغیچ چوقد

چو کله قايون برتنه کتور ديلار فظنل ايدى بوايسكى قايون براتيد
 بزله ره و آغا چان يانگي افغان گر اکره و رخان ايدى قش کوننده آرا
 تمايلان تباي جا کر اکره و فظنل ايدى انشا و الله تعالى بزله رتباين
 مکشودل شتر طبر له بزنگ دنيوزخا ايمان کتور رسکله دوى خان
 ايسک اکره يانگي قايون بيراهه تاب سگي کله لار و قزم صحت اوله
 کور و مره دوى القصه بواصحا لار بيغرم بره دوى دوانه
 سر کره قوت ديلار ز عبد الرحمن برتبه بيغرم بره دوى دستارين کيوب
 ايكه کعت نماز قيدي بوايک صحابه آمين د ديلار بيراهه طيا اوسب
 بر کچا ک مالون اولدى خان او ينگ تامينه ايرتشدى بو تاقدرى
 برلاق لاندی يا براق اور دوى جمع ايدوب اغلاب قزاق حمامه کر توب
 چا پتور ديلار نه ائمال قزم صحت بولوب اونه کله دى خان بوخال
 نه کره و به ايمان کتور و آئين صومک بواوچ وزير آئين غير وزير
 لار قالان شتر خلقه بارجه لارى ايمان کتور ديلار مسير جامع بنا
 ايلد ديلار حضرت زبير بن جوره و امام او کوب بيغرم بره دوى
 طيا قتمه طيا لوب خطبه او قدى تايح احوه اولان ايكه ينده قوى ياصول
 ننگ کيرى الطسندار سندان شريف ننگ کينچي بومس صحابه لار
 بلغار خلقه مسلمان ايلد ديلار ساه الوچ صحابه بلغارده اولان يى قاييد

و طيا قتمه اول دوانه
 قويدى لار

ملا

مدرس بنا قلیدر خلا لیتو تعلیم بر دیوان آندین کرین عبد الرحمن بن
 دیر جوهر هر ایک حدینه بر کندیلدر فظنل بلغارده قالیکیا یاقه فستق
 دان ترودوکی قرینی آدی کاج ایله در در کار صد کنک فظنل
 ربیع وفات بوکد آندین صومک محمد امین خان لوتغدی ترخچه
 فرحکف نام ایلمش لدر ایله دی دیوکی دریا بلغارینک آستدین آثار
 امیرش برچ چاندین صنگره ایله یله ان کرین میر تیر خنلری بلغاری
 مراب ایلمش آنزان صنگره دوست یلدان کرین آید والی نرین کوجب
 مغرب لوتغدی این کندی زمان نبوتک لوتغدی خان ننگ او فیل آیدار
 خان کتجه کجی و دواترین عینه ایله ایله ایله ان صومک ایله ارخان
 دین لوتغدی هر ایک شهر بلغار ده ایله دین خانلی قیلدیله سید خان
 دان ایله خان لوتغدی اولی شهر بلغارده ایله بل خانلی ایلی
 آنزان سلیم خان لوتغدی اولی شهر بلغارده قریل خانلی ایلی
 قندال الهام خان لوتغدی آنزان مانده سننا جنک خان فرود ایله
 مالکاب بیعت بر دیله رخلی آراتا مقه صالحه ورمای جنک خان
 دین قالمش اولی عن تواریج التاصیه تیه الهام خانین
 عبداله خان لوتغدی ایله بل شهرکی بلغارده خانلی قلدی اوقات
 قمر بلغارینی عبداله خان زمانده هر اسباب ایله نام و شام عبد الشیم او توردی

سید خان

آن زمین یکی او غول قالدی بری عالم بیک و بر آن زمین بیک بود عالم بیک
 بدمانند خانین کیسلی بر که با با عالم بیک در بود عالم بیک بود
 او سید بلغار ناحیه سنجا قاشان دیدی کی شده امام مدرس لوطی
 اندین امیرخان توغدی اول هم شول قاشان ده او توغدی لوطی
 ذای قاتنه باجه خانجه امام بولوب ذای تاغرخ اولدی آنین
 قتل علی توغدی اول خوارتمه کتوبی آنجا توغدی بشن علی مدرس لوطی
 حکم خطای بولورن عسکر لوطی کوب ایضا حاجه اولورن مکار چون خوارتمه
 نه فراب ایله این حاجه اولورن در یا هشتک ایگنی جانینه چوب
 امیرخان ذی تاغرخ قالدی در کسند بر شمشیر بنا ایله در آدنی لوطی قالدی قتل علی
 شول مملکت قاچوب قرغه خلعه کله اندین قاچوب آنک لوطی
 کله اوچ ایل مرد و نه هموزای تاغرخ بر آند و ها بلکوردی ذای خلعه
 آزند و هادان قاچوب چویشان در یا سه قاتنه بر شمشیر بنا قالدی
 لار آدنی بولار قالدی قتل علی آنجا و قاتنه کله آن قاتنه
 سنده تمام بوز او توغدی لوطی بود و از اما بولده ده معلوم
 قبلار اوچ و بر بر شمشیر آنون بنفاده او قاتنه و در آنجا
 نیک ایسه اشتران کما در باغی نال اولمقا درس ایوب مدرسون
 بولمش دور ایگن معلوم حوجه دور حقیقت ایسه عبد الله اورا حاجی دور

شوری

بیر وطنه کلدی

ادچوچ

او چه پیشی صید خود و هم کجا بود و بونظر بولار تکلیف می باشد
 بولار دور او رسد و این است که معلوم شود در شهر بغداد
 اولاد ولی لار تنگ هم کدر اول سلطان العارفتی نه صید احمد
 سینه صید حکیم نه شیخ قاسم نه صید آمانه قو علی در همان قطب بود
 جمیع قطب در دستش بافاده او امکان اصحاب اولاد اول صحت نه
 مصطفی هم ابراهیم دیب انور لار بولار اوج کش لار دور ولی الله
 لار دور خواجه نجم الدین کبری نه بولار ده متوفی مشهور بود و بالوفد
 دور و حاجی تنگ حلیمه دور عبد الوهاب حاجی بولار چشمتی با شرف
 یک طایف با شرف معلوم خود دور و کوه آسمان نیلی دور عبد
 الکریم حاجی بولار ده معلوم خود تنگ ایلخ بول طرفند آکا حاجی تو بول
 بلفوز آدو نه بزی بویون بافقاری قازاق لار و این ولی تنگ سیح پیر
 حاجی خلفه بابا دیکلمه مشهور دور نه آدای اولاد اولاد ولی آکا
 اشیم اسماعیل دور شیخ بابا دیکلمه مشهور دور نه اسکلی بابا شرف
 علی ولی تنگ استیخ ندر اله العقالی دور نه کجی ایله حاجی یوسف
 دور برنگ اسد معلوم دور نه تالاصاده اولاد شیخ تنگ اسد
 معلوم دور نه بولار شهر نه قریب مراد بابا شرف علی ایله دور
 دوش تکمونه محمد قلدور و بیدان آکا توردو دور نه قو بالونینا قدر آکا دور

در همان اسد علیهم السلام
 حاتم الدین کبری م
 پیرانش حاجی صلفه بابا
 ای اولاد اولاد
 زین العابدین

طوق آتالوقا بولونغا دورينه آيه اش خوجمه نظر خود به حواله کسي
 سرائي چوقدا دورينه شيخ بيگچو را آقا ايه دن له جان ارکنت
 دورينه بايچيش عزيزاوده دورينه سيد آقا قزاقا دورينه واروم
 عزيز اولوغ ايه دن شيخ ناريش قبرى قاتندا دورينه قاسم قزاق
 ده ايلک مسجودک مناسبت بولونغا دورينه بوز ساله منقولد و تقويم
 الزمان پر دستکري بجا و قطب المعارفين حضرت ولي محمد اريستان
 حضرت لارونغيين

م م م م م م

(166) ха́ким Болга́рдан бер кыз ника́х эйла́де. Искандэр илэ́н ⁴ ту́кыз ай Болга́рда (167) то́рмышлар. Андин ⁵ соң дийа́ры зо́лматта китмешла́рдур. Дийа́ры зо́лматдан ⁶ чы́кдукларундин ⁷ (168) өтү́ Сократ ха́ким да́ры зо́лматта ва́фат бу́лды ⁸. Мэ́зкүр ⁹ кыздан бер у́гул ту́гды. (169) Ады ¹⁰ ма́глүмдүр ¹¹. Э́мма Сократнын *ге́мренэ́ мува́ккат ¹² нэ́ ма́глүмдүр ¹³. Тава́рих-и да́'ирэ́ ¹⁴. (1610) Иллэ́ бишенче́ ба́ба Ту́ки ха́н ту́гды. Та́рих ни́жратнең ту́кыз ¹⁵ йылында́ Айда́р ха́н (1611) та́хт кичде́. Пэ́йге́мбэр ге́м асха́бларундин ¹⁶ үч ка́мсэне́ге ихти́яр идү́б да́гуэ́т (1612) үчүн Бо́лгара́ йеба́рмеш. Э́ввал са́хабэнең ¹⁷ берсе́ Ге́бде-р-ра́хман бине́ Зе́бэер, ике́нчесе́ (1613) Ха́нты́л бине́ Ра́биг ¹⁸, үчүнчесе́ Зе́бэер бине́ Жү́рэ ¹⁹ ирде́. Ба́гдэ пэ́йге́мбэр ге́м бу́ үч (1614) асха́бны йеба́рмешдэ́ димеш-дүр ки́: «Ме́н ²⁰ сезла́рэ үч на́рсэ ви́рдүм. Не́гаһ (2a1) сезла́рдин ²¹ кара́мэт теле́дүкля́рүндэ́ ²² бу́ үч на́рсэдин ²³ истимда́д кы́ласыз». (2a2) Бе́ри да́вэ́т, аны́ Зе́бэерэ́ ²⁴ ви́рде. Ва́ бе́ри та́йя́к, аны́ Ха́нтыла́йа ви́рде. Ва́ бе́ри да́стар, (2a3) аны́ Ге́бде-р-ра́хманэ́ ²⁵ ви́рде. Чүн ки́ бу́нлар Бо́лгара́ келди́лар. У́зла́рүне́ (2a4) та́биб сүра́тендэ́ кы́лыб, йүру́р ирде́лар. Ни́ ка́дэр ²⁶ сука́л ва́р ²⁷ ирсэ́ ²⁸, ши́фа та́бдылар ²⁹. (2a5) Ал-кисса́. Бе́р кү́н Айда́р ха́ннын кызы́на ге́лэ́т-и фа́лиж па́йда бу́лды. (2a6) Ни́ ка́дэр та́библардан ³⁰ ши́фа э́стаде́лар, *ши́фа та́бмады́лар ³¹, га́жиз ка́лдылар. (2a7) Бе́р кү́н ва́зирля́ре э́чендэ́ ³² Бура́ч атлы́г ³³ ва́зире́ ба́р ирде́. У́л айде́: ³⁴ (2a8) «Йа́, Айда́р ха́н, се́ниң йа́шен у́зак ³⁵ улсу́н ³⁶. Бе́знең ша́һэр э́чендэ́ (2a9) үч ге́рэб ба́рдур, та́библы́гкда́ на́зирлары́ йу́кдур. Бу кызы́нын э́хмэте́нэ (2a10) да́рма́н ³⁷ та́барлардур»,— диде́ ³⁸. Ва́зир бу́ сү́зне айту́кенде́н өтү́ ха́н (2a11) бойу́рды, ге́рэбля́рне үндэ́делэр. Ал-кисса́. Са́хабэля́р келди́лар, са́лам берди́лар. (2a12) Ха́зрэт Ха́нтыла́ ³⁹ тө́рки, ру́м теле́нэ́ бина́зир ⁴⁰ ирде́. Ха́н

¹ В списках Д, Е, З, И улды; ² Д шаһдин; ³ Д заманда; ⁴ Д илэ; ⁵ Е, И андан; ⁶ Е зо́лматындан; ⁷ Е, И чы́кдукларундан; ⁸ Д, И улмыш, Е улды; ⁹ Е мэзкүрө; ¹⁰ Д, И адыны; ¹¹ Д, И Гофтар куйдылар; ¹² ¹³ Д ме́ддэт ге́мре, Е, И ге́мре ме́ддэте; ¹⁴ Д, И ма́глүм дүгелдур; ¹⁵ Е, И да́ва' ир; ¹⁶ Д, И ту́кызынчы; ¹⁷ Д, Е, И асха́бларындан; ¹⁸ Д, И асха́бнын; ¹⁹ На полях: йаки Та́лха́ бине́ Го́сман ра́зи алла́һы ге́ни; ²⁰ Д, Е, И Жэ́гдэ; ²¹ Д, И ба́н; ²² Д, Е, И сезла́рдан; ²³ И дела́декдэ; ²⁴ Е на́рсэден; ²⁵ И Зе́бэерге; ²⁶ И Ге́бде-р-ра́хманга; ²⁷ Д, Е, И + хаста; ²⁸ Д, Е, И ба́р; ²⁹ Д, Е, И— ба́рчаларны; ³⁰ Д, И та́бар ирде́лар; ³¹ Д, И та́библардин; ³² ³³ Д, И сихэ́т та́бмады, Е бу́лмады; ³⁴ Д, И э́чендөн; ³⁵ Д, Е, И атлы; ³⁶ Д ай́тде; ³⁷ И узун; ³⁸ Е, И бу́лсун; ³⁹ З с то́го ме́ста начина́ется пове́ствование. ⁴⁰ Д, Е, З, И + «Э́мма динла́ре бе́зча́лайын дүгелде́р»,— диде́. ⁴¹ Е Ха́нзыла́, Д, Е, З, И —

айде: ⁴¹ «Эй, гэрэблэр, кандин ⁴² (2a13) келүрсезлэр». Хантыл ⁴³
 айде: ⁴⁴ «Мэдинэдэн ⁴⁵ келүрмез», ⁴⁶ — дидүкендэ хан айде: (2a14)
 «Нэ эзлэйүрсез? Хантыл айде: «Табиблык кылурмыз» ⁴⁷. Хан
 айде: «Бөнөм бер кызым (2a15) бар ⁴⁸, йите йылдан бирү хастадур.
 Аңа ⁴⁹ дэрман табармусызлар?» — диде. Хантыл ⁵⁰ (2a16) айде:
 «Зэхмэтне күрэйлек» ⁵¹. Чун күрделэр. «Фалиж зэхмэтэдур. Бу-
 на ⁵² шэжэрэ-йе сарбан (2a17) йапракы ⁵³ кэрэкдүр», — диделэр.
 Сарбан — кайу(н) йагачдур. Хан айде: «Бездэ ул йагач чукдур».
 (2b1) Чун ки кайун йапракны кетүрдилэр ⁵⁴. Хантыл айде: «Бу
 иске кайун йапракыдур, (2b2) безлэрэ ⁵⁵ агачдан ⁵⁶ йаны алган
 кэрэкдүр. Хан айде: «Кыш күнөндэ аны (2b3) кайдан ⁵⁷ табмак ⁵⁸
 кэрэкдүр?» Хантыл айде: «Иншалла тэгэлэ, безлэр табармыз.
 (2b4) Мэгэр шул шарт берлэ безнең динемезгэ ⁵⁹ иман келтүр-
 сөңез», — диде. Хан (2b5) айде: «Эгэр йаңы ⁶⁰ кайун йапракы тап-
 саңызлар вэ кызым сихэт улса ⁶¹ (2b6) керүрмез», ⁶² — диде. Ал-
 кисса. Бу асхаблар пэйгэмбэр гэм бердүки ⁶³ дэватны (2b7) йергэ
 куйдылар, *вэ тайакны ул дэватгэ ⁶⁴ куйдылар ⁶⁵. Фэбде-р-рэх-
 ман *берлэ (ошибка писца, должно быть: бине.— И. Г.) Зөбээр ⁶⁶,
 пэйгэмбэр бердүки дэстарны кейүб, (2b8) ике рэкэгэт намаз кыл-
 ды ⁶⁷. Бу ике сэхабә ⁶⁸: «Амин,» — диделэр ⁶⁹. Байакы тайак үсүб
 (2b9) бер кечерэк кайун ⁷⁰ улды. Хан өйөнең ⁷¹ таминә ирүшде.
 Бутаклары ⁷² (2b10) йапракланды. Йапракларуны жэмиг идүб ⁷³
 баглаб, кызыны хэммәмгә ⁷⁴ кертүб, (2b11) чабтурдылар. Фил-
 хали кыз, сихэт булүб, эвинә келди. Хан, бу хал-(2b12) не кү-
 рүб, иман келтүрде. Андин суң бу үч ⁷⁵ (ошибка писца, должно
 быть: Бурач.— И. Г.) вэзир, андин ⁷⁶ гэйре вэзир-(2b13) лэр,
 калан шөһөр халкы барчалары иман келтүрделэр. Мэсжеде
 жэмиг бина (2b14) эйлэделэр. Хэзрэт Зөбээр бине Жүрә ⁷⁷ имам
 улүб, пэйгэмбэр гэм бердүки (2b15) тайакгә ⁷⁸ тайанүб, хотбә укы-

бине Рабиг; ⁴⁰ Д, Е, З, И—устад; ⁴¹ Е айтде; ⁴² Е, З кандан, И кайдин;
⁴³ Е Ханзыла; ⁴⁴ Е айтде; ⁴⁵ Д, З, И Мэдинэдин; ⁴⁶ Д, Е келүрбез; ⁴⁷ Е кы-
 лурбыз; ⁴⁸ И вар; ⁴⁹ Д аңар; ⁵⁰ Е Ханзыл; ⁵¹ И күрэйек; ⁵² З буға; ⁵³ З йап-
 рагы;

⁵⁴ Д, Е, З, И келтүрделэр; ⁵⁵ З безларга; ⁵⁶ Д, Е ағачындан, З йагачдай
⁵⁷ Д, И кандин; ⁵⁸ И алмак; ⁵⁹ З динемезэ; ⁶⁰ Е йаңга; ⁶¹ Д, З улурса, И
 булса; ⁶² З келтүрермен; ⁶³ И вирдүки; ⁶⁴ Д, Е, З, И + кадаб; *⁶⁵ написаны
 на полях; *⁶⁶ вычеркнуто и наверху написано: рази алла гөһне, Д, Е, З, И
 бине Зөбээр; ⁶⁷ З укыды; ⁶⁸ Д, Е, З асхаб; ⁶⁹ З тиделэр; ⁷⁰ Д, Е, З, И чавул;
⁷¹ Е, И ивенең; ⁷² Д, Е, З, И бутакланыб; ⁷³ Д + сеперки, Е, З, И + дүр-
 кэ; ⁷⁴ Д, Е, З, И хэммамә; ⁷⁵ Д, Е, З, И Бурач; ⁷⁶ Е, И андан; ⁷⁷ Д, Е, И
 Жөгдө; ⁷⁸ З тайакны; ⁷⁹ Д, Е, З, И + барж;

ды. Тарих нижрәтнең ун ике йылында, куй йылы ⁷⁹, хут-(2616) ның йекерме алтысында, рәмазан шәрифнең ⁸⁰ икенче йәүмендә сәхәбәләр (2617) Болғар халкыны мосолман әйләделәр. Ул үч сәхәбә ⁸¹ Болғардә ун йыл калдылар. (3a1) Мәдрәсә бина кылдылар ⁸². Халайыкға тәғлим бердиләр. Андин ⁸³ кезин ⁸⁴ Гәбде-р-рәхман бине (3a2) Зөбәер ⁸⁵, Жүрә ⁸⁶ һәр икесе Мәдинәйә кетдиләр. Хантыл ⁸⁷ Болғардә калды. Байақы ⁸⁸ хастә-(3a3) дан терүлдүки кызы алды, никах әйләде. Рузгар суңында хантыл ⁸⁹ бине (3a4) Рабиғ вафат булды ⁹⁰. Андин ⁹¹ суң Мөхәммәд Әмин хан туғды. Тәржумә (3a5) Фәрһаң наме. Имешләр ⁹², Идүл дидүки дәрйә Болғарның астындин ⁹³ акар ⁹⁴ (3a6) ирмеш. Барач хандин ⁹⁵ суңрә, илле йылдан кезин Миртимер хәзрәт Болғарны (3a7) хәраб әйләмеш ⁹⁶. Андан суңрә дүрт ⁹⁷ йылдан кезин Идүл андин күчүб, (3a8) мәғриб тарафындин ⁹⁸ кетди. Заманы нәбүвәтдә Түки ханның уғлы Айдар (3a9) хан тәхт кечди. Дәва'ир мин гәйни, *илле алты йылдан суң ⁹⁹ Айдар хан-(3a10) дин ¹⁰⁰ Сәйед хан туғды. Һәр икесе шәһәр-е Болғардә йүз йыл ханлык кылдылар ¹⁰¹. Сәйед хан-(3a11) дан Әмир хан туғды. Ул һәм шәһәр-е Болғардә илле йыл ханлык әйләде ¹⁰². (3a12) Андан Сәлимжан хан туғды. Ул һәм шәһәр-е Болғардә кырк йыл *ханлык әйләде ¹⁰³. (3a13) Андан Илһам хан туғды. Аның заманасында ¹⁰⁴ Чингиз хан харуж әйләде. (3a14) Ана баруб бәйгәт бердиләр ¹⁰⁵. Халык-ара тамға салдурмак Чингиз хан-(3a15) дин ¹⁰⁶ калмыш ¹⁰⁷. Әл-кәл гән таварихи-ш-шамийәте. Йәнә Илһам хандин ¹⁰⁸ (3a16) Гәбделла хан туғды. Илле йыл шәһәр-е Болғардә ханлык кылды. Аксак (3a17) Тимер Болғарны Гәбделла хан заманында хараб әйләде. Нам вә шам ¹⁰⁹ вә Гәбделланы һәм үлтүрде. (3b1) Андин ¹¹⁰ ике уғул калды. Бери Гәлимбәк вә бери Алтунбәк. Бу Гәлимбәк (3b2) заманында ханлык киселде. Безгә баба Гәлимбәкдүр. Бу Гәлимбәк

⁸⁰ Д, Е, И мөхәдрәтнең, Д, Е, З, И + ун; ⁸¹ Е, И асхаб; ⁸² Е әйләделәр; ⁸³ З андан; ⁸⁴ И суң; ⁸⁵ Д, Е, З, И + вә Зөбәер бине; ⁸⁶ Д, Е, З, И Жәгдә; ⁸⁷ Е Ханзыл; ⁸⁸ Д, З байағы; ⁸⁹ Е Ханзыл; ⁹⁰ Д, Е, З, И улды; ⁹¹ Е, З, И андан; ⁹² Д, З, И + ул заманда Болғарның ханлары биш йүз йекерме димешлар; ⁹³ Д, Е, З, И астындин; ⁹⁴ И ағар; ⁹⁵ Д, Е, З, И хандан; ⁹⁶ Д, Е, З, И әйләде; ⁹⁷ Д, Е, З түрт; ⁹⁸ Д тарафына; ⁹⁹ так Е, Д илле алтынчы баба; ¹⁰⁰ Е, З, И хандан; ¹⁰¹ И сүрделәр; ¹⁰² Д, Е, З, И кылды; Д, Е, З + Андан Солтанморад хан туғды. Ул һәм шәһәр-е Болғарда илле йыл ханлык кылды; ¹⁰³ Д, И хан улды; ¹⁰⁴ Д, Е, З, И заманында; ¹⁰⁵ И вирде; ¹⁰⁶ Е, З, И хандан; ¹⁰⁷ З, И калды; ¹⁰⁸ Е, З, И хандан; ¹⁰⁹ Д нам вә нишамә; ¹¹⁰ Е, З андан; ¹¹¹ Е булғай, Д, З, И улды; ¹¹² Д, З, И Мирхажы;

гербәтлүкдә (363) үсдә. Болгар нахийасында Кашан дедүки шәһәр-
дә имам (вә) мөдәррис булды¹¹¹. (364) Андин Әмир хан¹¹² туг-
ды. Ул һәм шул Кашанда угуз йыл туруб, (365) Зәй катында¹¹³
Барач ханға¹¹⁴ имам булуп, Зәй тамагында үлдә. Андин (366)
Кол Фәли тугды. Ул Хуаризмә кетүб, андә кырк биш йыл мөдәр-
рис торды¹¹⁵. Туси дедүки (367) хаким, Хытай йуртындин гәс-
кәр илә келүб, Ибн Хажини үлтүрмәк үчүн Хуаризм-(368) ны
хараб әйләде. Ибн Хажини үлтүрдә. Дәрийаның икенче жанә-
бенә чыкуб (369) калдыларыкы кәмсәнәлар бер шәһәр бина әй-
ләделәр, адыны Үргәнеч куйдылар. Кол Фәли, (3610) шул мәһ-
ләкәдә качуб, кыргыз халкына келди. Андин качуб атасы¹¹⁶
йортына (3611) келди. Үч йыл мөрүрендә Зәй тамагында бер аж-
даһа белкүрдә. Зәй халкы, (3612) аждаһадан качуб, Чиремшан
дәрийасы катында бер шәһәр бина кылды-(3613)лар. Адыны Бү-
ләр куйдылар. Кол Фәли андә вафат булды. Аксак Тимер мәдрә-
сә-(3614) сәндә¹¹⁷ тәмам йүз угуз йыл гөмр сүрдә. Бу Дәва'ир.
Әммә Бүләрдә мәғлүм (3615) кәберләр үчдүр: берсе Шәғәм ахун.
Бағаддә укымышдур. Атасы-(3616) ның исеме Иштирәк Баһадур.
Бағаналы ауылында дәрәс әйтүб мәдфүн¹¹⁸ (3617) булмышдур¹¹⁹.
Икенчәсә мәғлүм Хужадур, хәкикәт исеме Фабдулла Үргәнчедур.
(4a1) Үчүнчәсә Шәбәли суфыйдур һәм хажидур. Бунлар Бүләр-
нең тағы башында, (4a2) кәберләрдәдәр. Уртадағы астанә мәғлүм
Хужадур¹²⁰. Йәнә шәһәр-е Болгардә (4a3) олан вәлиләрнең исем-
ләре: ул Солтан ал-арафин йәнә Хужа Ахмәд (4a4) Йәсәүи йәнә
Хужа Хаким йәнә Шәйех Касим йәнә Сәйед ата йәнә Котлозаман
котыб-муңлар (4a5) жөмләсә котыблардур. Шәһәр-е Болгардә ул-
ған асхаблардән әввәл Ахтәм йәнә (4a6) Мостафа һәм Ибраһим
диб әйтүрләр¹²¹. Бунлар өч кешеләрдур, вәлиуллә-(4a7) ләр-
дур¹²² Хужа Нәжмеддин көбрә¹²³ йәнә Бүләрдә мөтәвәфи¹²⁴
мәшһүрлардур. Йалғүздур (4a8) вә¹²⁵ Хәжи Шәбәлинең¹²⁶ хә-
лифәседур. Фәбделваһаб хәжи Бүләр¹²⁷ чишмәсә башында (4a9)

¹¹³ З кашында; ¹¹⁴ Д, Е, З, И ханда; ¹¹⁵ Д, Е, З, И улуб; ¹¹⁶ на полях имеются приписки: Әмир хан Зәй тамагында; йортына келди. ¹¹⁷ Д, З, И мәһләкәсендә; ¹¹⁸ Д, Е, З, И + Бүләрдә; ¹¹⁹ Е, И улмышдур; ¹²⁰ Д здесь прерывается текст, Е, З далее приведен отрывок на персидском языке из «Фарханг-наме», И далее список имен болгарских ханов приводится сокращенно. ¹²¹ на полях: Ризван иллаһу галәһһим ажмиғин; ¹²² Е + бардур; ¹²³ на полях: Хисамеддин көбрә; ¹²⁴ Е + улан шәйехлар әввәли шәйех Шәбәли Болгардан келүб вафат булды, мәғлүм Хужа димгелә; ¹²⁵ Е + Ваһаб; ¹²⁶ Е-; ¹²⁷ Е Билар;

бейек тағ¹²⁸ башында. Хадим мәғлүм Хужадур. Нәр икесе асфанилыкдур. Фәбд-(4a10) елкәрим хәжи Бүләрдә мәғлүм Хужаның улуғ йул тарафында алмағач төбөндәдер, (4a11) йалғуздыр. Йәнә Бөрә буйында йукары казаклардағы вәлинең исемә Бәйраш (4a12) хәжи, хәлфә баба димгелә мәшһүрдур. Йәнә Адай ауылында олан вәли (4a13) Ишмөхәммәд исемледур, шәйех баба димгелә мәшһүрдур. Йәнә иске Айа башында-(4a14)ғы вәлинең исеме шәйех Надирулла Ал-Фаталыдур. Йәнә Кече Әйләнде хәжи Йусыф-(4a15) дур. Берсенең исеме нә мәғлүмдур. Йәнә Нәласадә олан шәйехнең исеме (4a16) мәғлүмдур. Йәнә Бүлар шәһәрәнә кәриб Морад баба шу Наталидәдур (4a17) Даштегермәндә Мәхмүдколдор. Пәлвән¹²⁹ Ататоздәдур¹³⁰ Йәнә Куба түбәдә Кадыр атадыр. (4b1) Туки¹³¹ ата Тук буйынындадур. Йәнә Айдаш Хужә, Назир Хужә нәр икесә (4b2) Сарайчыкдәдур. Йәнә шәйех Бекчүра Ак идүл берлә Жайык арасында-(4b3) дур. Йәнә Байхәйаш Фәзиз Азовдәдыр. Йәнә Сәйед ата Казандәдур¹³²... (4b4) Фәзиз улуғ Идүл йанында Нарыш кәбере катындәдур. Шәйех Касим Казан-(4b5) дә иске мәсжеднен (хан мәсжеде) манарасы төбөндәдер. Бу рисалә мәнкулдер кәйүме (4b6) аз-заман пор-дәстгире бичә вә котбал-арифин хәзрәт-е Вәлимөхәммәд ишан (4b7) хәзрәтләрүндин. Тамам.

Перевод

ИСТОРИЯ

Во имя бога милостивого и милосердного!

(161) (Начиная) с нашего предка, родоначальника Адама — всевышнего Аллаха до Касур-шаха, было 35 прадедов. Он (Касур-шах), (162) прожив 90 лет в прекрасном Самарканде, скончался христианином. (163) От Касур-шаха родился Сократ-хаким. Этот Сократ прибыл в область Греции, (164) где затем стал хакимом у Александра Македонского* и, указав ему путь к «Источнику жизни», (165) они отправились на Север. Построили город Булгар. В то время Сократ-хаким (166) женился на девушке в Булгаре. С Искандером они жили в Булгаре девять месяцев. (167) После этого отправились в «Страну вечного мрака». Когда возвращались из «Страны мрака», (168) Сократ-хаким там скончался. От упомя-

¹²⁸ Е тав; ¹²⁹ Е бәлвән; ¹³⁰ Е+шәйех Кәйүметдин Билардәдур. Йәлиб ата Кондорчәдәдур; ¹³¹ Е Тукай; ¹³² Е — Сәйдар ата Мәләкадәдур, Чиремшан койан йердәдур. Ирдәм.

* Александра Македонского — Искандера Румийского.

нутой девы родился сын. (169) Его имя известно. Сколько лет прожил Сократ — неизвестно.

История периодов. (1610) Родился 55 прадед—Туки-хан. В девятом году по хиджре стал государем Айдар-хан. (1611) Пророк, выбрав из своих сподвижников троих, (1612) отправил их в Булгар для пропаганды ислама. Первый из них — Габдеррахман сын Зубаира, второй — (1613) Хантыл сын Рабига, третий — Зубаир сын Жагды. Затем, распрощавшись со своими сподвижниками (асхабами), пророк сказал им: «Я вам дал три предмета. (2a1) Когда люди пожелают, чтобы вы сотворили чудо, воспользуйтесь этими тремя вещами». (2a2) Одна из них чернильница. Ее дал Зубаиру. Другая — посох, которую получил Хантыл. Третья — чалма, (2a3) ее отдал Габдеррахману. После этого они прибыли в Булгар (2a4) Ходили они, выдавая себя за врачей. Какая только ни была болезнь, излечивали ее. (2a5) Ал-кисса. Однажды дочь Айдар-хана разбил паралич. (2a6) Сколько врачи ни лечили ее, (она) не выздоравливала, (все) потеряли надежду. (2a7) Однажды среди визирей (Айдар-хана) оказался визирь по имени Бурач. Он сказал: (2a8) «О, Айдар-хан, пусть Ваша жизнь будет долгая! В нашем городе (2a9) проживают трое арабов, во врачевании нет им равных. Они могут излечить болезнь Вашей дочери». (2a10) Когда визирь сказал эти слова, хан (2a11) приказал пригласить арабов. Ал-кисса. Сподвижники пророка пришли, поздоровались. (2a12) Хантыл-хазрет говорил хорошо на тюркском и греческом языках. Хан спросил: «Эй, арабы, откуда вы (2a18) приехали?» Хантыл ответил: «Из Медины прибыли». Хан спросил: (2a14) «Что вы ищете?» Хантыл ответил: «Занимаемся врачеванием». Хан сказал: «У меня есть дочь, (2a15) она больна уже семь лет. Не сможете ли вы ее вылечить?» Хантыл (2a16) сказал: «Посмотрим-ка больную!» Затем осмотрели (ее). Сказали, что ее разбил паралич. От этой (болезни) нужен березовый (2a17) веник. Сарбан—это береза. Хан сказал: «У нас этого дерева много». (261) Потом принесли березовый веник. Хантыл сказал: «Это прошлогодний веник, (262) нам нужен только что сорванный с дерева». Хан сказал: «Где зимой его найти?» (263) Хантыл сказал: «Если аллаху будет угодно, мы достанем. (264) Только с таким условием: если примете нашу религию». Хан (265) сказал: «Если достанете свежий березовый веник и моя дочь выздоровеет — (266) примем». Ал-кисса. Эти асхабы (сподвижники пророка Мухаммеда поставили на землю чернильницу, которую дал (им) пророк (267) и воткнули в чернильницу посох. Габдеррахман сын Зубаира, надев на голову ту чалму, которую дал пророк, (268) прочитал два раза молитву с колена-преклонениями и поклоном. Остальные двое сказали: «Да будет так! Аминь!» После этого тот посох ожил, (269) стал маленькой березкой, которая доросла до уровня высоты дома хана. Ветки ее (2610) покрылись листьями. Связав из веток веник, попарили девушку в бане. (2611) Девушка пришла домой совсем здоровой. Хан, увидев это, (2612) принял исламскую веру. После него

Бурач-визирь, потом другие визири (2613), (а также) все городские жители приняли (эту) веру. Построили соборную мечеть. (2614) Хазрет Зубаир сын Чуры, став имамом, (2615) читал проповедь, опираясь на подаренный пророком посох. В 12-м году по хиджре, в год овцы, (2616) 26 числа по знаку зодиака, 2 дня священного Рамазан асхабы (2617) обратили болгарский народ в мусульманство. Эти трое сподвижников Мухаммеда оставались десять лет в Булгаре. (3a1) Построили медресе. Обучали народ (грамоте). Потом Габдеррахман сын (3a2) Зубаира, Зубаир сын Чуры, оба уехали в Медину. Хантыл остался в Булгаре. (3a3) Он женился на девушке, которая выздоровела от болезни. Умер Хантыл сын (3a4) Рабига в преклонном возрасте. От него родился Мухаммед Амин-хан. Перевод (3a5) из «Фарханг-наме». Говорят, что река Идель раньше якобы протекала ниже Булгара. (3a6) После Барач-хана, спустя 50 лет, Миртимур-хазрет (3a7) уничтожил город Булгар. После этого, спустя 4 года, река Идель изменила свое течение в сторону Запада. Во времена пророка государем стал Айдар-хан сын Туки-хана. (3a9) В свое время, спустя 56 лет, от Айдар-хана (3a10) родился Саид-хан. Каждый ханствовал в Булгаре 100 лет. От Саид-хана (3a11) родился Амир-хан. И он в Булгаре ханствовал 50 лет. (Далее в списках Д, Е, З: От него родился Солтан-Мурат. И он в Булгаре ханствовал 50 лет). (3a12) От него родился Салим-хан. И он в Булгаре ханствовал 40 лет. (3a13) От него родился Илхам-хан. В его времена нашествие Чингиз-хана. (3a14) Ему (Чингиз-хану) дали присягу на верноподданство. Ставить тамгу среди населения осталось от Чингиз-хана. (3a15) Из «Таварихи-ш-шамия». От Илхам-хана (3a16) родился Габдулла-хан. Он 50 лет ханствовал в Булгаре. Во времена Габдуллы-хана Хромой (3a17) Тимур уничтожил Булгар. Габдуллу убили. (3b1) От него осталось двое сыновей. Один из них был Галим-бек, а другой Алтун-бек. Во времена Галим-бека (3b2) ханство перестало существовать. Основатель нашего рода Галим-бек. Этот Галим-бек вырос (3b3) в одиночестве. Он был имамом и мударисом в городе Кашане в Булгарской земле. (3b4) От него родился Амир-хан*. И он, прожив 30 лет в этом Кашане, (3b5) стал имамом у Барач-хана в долине реки Зай. Скончался он там. От него (3b6) родился Кол Гали. Он 45 лет пробыл мударисом в Хорезме. Туси- (3b7) хаким, прибыв с войском из Китая, уничтожил город Хорезм, чтобы убить Ибн Хаджи. (3b8) Ибн Хаджи был убит. Люди, успевшие переправиться на другой берег реки, (3b9) основали город и дали ему имя Ургенч. Кол Гали, (3b10) скрываясь от опасности, бежал к киргизам. Затем вернулся на родину к устью реки Зай. (3b11) Через три года в устье реки Зай появился дракон. (3b12) Опасаясь дракона, население перекочевало в долину реки Черемшан и основало город Буляр (Биляр). (3b13) Кол Гали умер там. Он (3b14) ровно 130** лет прожил в

* Амир-хан в других списках Мир-хаджи.

** В других списках — 100 или 30 лет.

медресе Хромого Тимура. Из «Даваира». В Буляре (Биляре) есть (3615) три известные могилы. В одной могиле покоится Шагым-ахун. Он учился в Багдаде. Отец его — (3616) Иштиряк Бахадур. Учительствовал в деревне Баганалы, умер в Буляре. (3612) Другая могила принадлежит известному Ходже, истинное его имя Габдулла Ургенчи (4a1). В третьей (могиле) — Шабали-суфи и хаджи. Их могилы находятся на горе Буляр, (4a2) в середине — известный Ходжа. Еще известные имена (4a3) святых из Булгара: Солтан ал-Гарафи, еще Ахмед (4a4) Ясави-ходжа, еще Хаким-ходжа, еще Касим-шейх, еще Саид-ата, еще известный Котлозаман. (4a5) Они все были выдающимися. Говорят, что в Булгаре находятся могилы следующих сподвижников Мухаммеда: Ахтама, (4a6) Мустафы и Ибрагима. Их было трое; все они святые (4a7). Еще известны великие Нажметдин-ходжа и Хисаметдин. Еще известны шейхи, похороненные в Буляре (Биляре). Первый из них — Шабали-шейх — выходец из Булгара. Был известным Ходжей и прославленным. (Его могила) одинока. Он был преемником Вагап-хаджи. (4a8) (Могила) Габделвагапа (находится) (4a9) на высокой горе у истока реки Буляр. (Он) был услужливым человеком. Оба они (Шабали и Габделвагап) выходцы из города Исфохана. (4a10) (Одинокая могила) Габделкарим-хаджи находится под яблоней в Буляре на большой дороге известного Ходжы. (4a11) Еще святой Байраш-хаджи — (выходец) из казахов (проживающих) в верховьях (долины) реки Бири, (4a12) известен как халфа. Еще святой (4a13) Ишмухаммед из деревни Адай известен как шейх. Еще святой (4a14) Надирулла ал-Гаталы-шейх из старого Аябаша. Еще Юсуф-хаджи из Малого Айланда. Имя одного святого не известно. Еще не известно имя одного шейха, умершего в Наласаде. (4a16) (Могила) деда Мурада, выходца из Булгара, (находится) в этой Анатолии (4a17). (Могила) Махмудкола (находится) в Таштегермене. (Могила) Палвана (находится) в Ата-тозе. (Могила) Каюметдин-шейха (находится) в Биляре, а (могила) Ялиб-ата (находится) в Кондорче. Еще (могила) Кадир-ата (находится) на холме Куба. (461) (Могила) Туки-ата (находится) близ реки Тук. Еще (могилы) Айдаш-ходжи и Назир-ходжи (находятся) в Сарайчике. (462) Еще (могила) Бекчуры-шейха (находится) между реками Белой и Яиком. (463) Еще (могила) святого Байхаяша (находится) на Азове. Еще (могила) Саид-ата (находится) в Казани. (Могила) Сайдар-ата (находится) в Мелекесе, где река Черемшан впадает в Волгу. (Могила) святого Ирдама (находится) (464) около реки Волги рядом с могилой Нарыша. (Могила) Касим-шейха (находится) в Казани (465) под минаретом старой мечети. Этот рассказ переписан (466) со слов всегда готового помочь бедным и всезнающего ишана Вали-Мухамеда. Конец.

«БАТЫР БАТШАНЫҢ ӘКИӘТЕ» — «РАССКАЗ О СМЕЛОМ ЦАРЕ» МИР-САЛИХА БЕКЧУРИНА

Изданный Тимофеем Беляевым башкирский эпос «Кузы-Курпес и Маянхылу» на русском языке называлось «Куз-Курпяч». Башкирская повесть, **писанная на башкирском языке** одним курайчим и переведенная на русский в долинах гор Рифейских 1809 года (подчеркнуто нами — В. П.). Это косвенно свидетельствует о существовании текстов, отражающих довольно ранние периоды развития башкирской культуры.

Тексты на башкирском языке начинают появляться во второй половине XIX в., когда стали открываться русско-башкирские школы и пробудился интерес ученых к языку башкир. В этот период в учебниках и иных пособиях печатаются записи Н. Ильминского, И. Березина, А. Бессонова, М. Бекчурина, В. Катаринского и др. «Рассказ о смелом царе» Мир-Салиха Бекчурина был опубликован в авторском «Начальном руководстве к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана, и с русско-персидско-татарскими словами и прописями» (Казань, 1869, изд. 2, стр. 62—66). Это пособие выдержало два издания (1856 и 1869 гг.). Сам же рассказ впервые был записан в 40-х годах прошлого века и включен автором в его рукописный сборник «Народные сказки и повести» (1845—1849 гг.; хранится в рукописном фонде научной библиотеки БФАН СССР под шифром б (1490).

Примечательно, что «Рассказ...» и в первом варианте (рукописном) был написан на башкирском языке. Предварительное сравнительное изучение двух вариантов текста, показывает некоторые отличия в их языке. Например, слово *бадша* 'царь' в притяжательном падеже в «Начальном руководстве...» и в сборнике представлено соответственно в следующих формах: *бадшанн* (бадшанын) и *бадшадн* (бадшадын) 'царя'; *алардун эсндан* и *анардн эсиндан* (анардың эсендән) 'из их числа, из них'; *бр брһи блн* (бер-береһе менән) и *бр брһи мнан* 'друг с другом'; *ғралдиларға* (ғаралдыларға) и *кралтиларға* (каралтыларға) 'по стройкам' и т. д. Это дает основание заключить, что печатный текст носит более унифицированный характер, хотя в нем обнаруживаются и диалектные явления башкирского языка.

«Рассказ о смелом царе» М. Бекчурина был включен и в «Турецкую хрестоматию» (Казань, 1876), составленную проф. С.-Петербургского университета И. Березиным. Некоторые слова в хрестоматии по фонетическому составу отличаются от аналогичных слов первых двух памятников. Так, вместо *әкиәти* (әкиәте) букв. 'его сказка, его рассказ', *ызмәһнә* 'в его дом', *үздаринун* (үзәрәнен) в хрестоматии употреблены формы *хкайти* (хикәйәте) букв. 'его сказ', *ызмәһнә*, *үздаридиң* (үзәрәнен) 'своих' и т. д.

О значении издания рассказа как источника для сравнительного изучения тюркских языков известный тюрколог Н. Ильминский писал: «...Я решился издать его (речь идет о «Башкирском рассказе» самого Н. Ильмин-

ского) только по скудости печатных текстов для башкирского наречия, о котором, если не считать двух-трех отрывочных заметок Иванова, первое сведение сообщено в печати Бекчуриным, печатавшим в своем «Начальном руководстве...» башкирский перевод одного эпизода из истории Петра I и несколько башкирских слов. Оба текста — его и мой — дают некоторые указания на свойства и законы башкирского наречия...»¹.

М. Бекчурин, в отличие от своих современников, напечатал рассказ на основе арабской графики и, несмотря на это, добился многого в письменном отображении фонетических свойств башкирского языка. Этим и определяется значение рассказа как источника по изучению разговорного языка башкир в середине прошлого века. Н. Ильминский, А. Бессонов, В. Катаринский свои записи публиковали на русском алфавите, применяя при этом диакритические знаки в целях точной передачи башкирских слов.

¹ Н. Ильминский. Вступительное чтение в курсе турецко-татарского языка. — «Ученые записки, издаваемые Казанским университетом», кн. III. Казань, 1861, с. 58.

В. Ш. Псянчин

БАТР БАДШАНЫН ӘКИӘТӘ

Батр бадшанын аткуси тикән бер сирүе бар икән. Бер заманда сирү хилаф эштәрүн һизүб, батыр бадша ул сирүзен түбен-тамырын қортмаға хөсөт кылған ине. Ул сирү баш тартуб каршылык итә башланы һәм аларзун эсендан ике түрә бер-берһе белән кәңашүб үззәринә бер аз мут һәм шом кешиләрде ийартуб бадшани ултураик диб һүз берүктүрдиләр. Гүннардә бер күн күмәклашуб кәнаштиләр. Шәһәрдең уртаһиндағы ғаралдиларға ут һалмаға батыр бадшанын бер кылығы бар ине. Ут сыккан жирға барһаһынан борон килүб жәмағәткә булушуб, ут һүндургәндә аралашуб йүрүр ине. Бығанағы ике түрә ибдаштәри араһында бер-берһи белән һүз беркүттиләр: ут сыккан сакта һүндерешкән булуб, белдүрмайынса бадшаны кысык жиринә килтүрмәк үсүн уахыт билгүланиләр һәм үззаринүн араһындан һукуникуф тигәндүн ызмаһына ашка жиулулб килүб, күн буина әр түрли әскиләр: араки, бал, һыра әсүб, түнгә сакты исерешүб ултурдилар. Турли уиннар уйнаб, көлкү һүзлар һүйлашүб күңелдарен жуатуб, карундарын туйдуруб, жүрәктәрүн жилкүтүб, әйтди: бадшани ултуруб, үзибезен моратыбызға житамез диб шаулашуб ултурған замандарнда, аларзун араһындан икауһи күңелгә алған киңаштарүндан кайтуб, үззәрин эсендә үкүндилар. Анан һуң акрун ғына тышка сығуб, аулак жиркә инүб, берһе әйтди: «Айһай, ибдаш, минем әсем бик буша башланы. Бу беззен әшебез әллә нисек булур шикелте, башыбыззын китарен күңелем һизеб тура, тине. Минем белүемсә, бу эште таштаб куйубыз йахши булур ине», — тигәс, икенсеһи шуған каршы: «Бик дүрүст әйтаһең, һүзеңә мин бик разимын», — тине. — Мин иһрүкдегем белән ибдаштәремә бер кәңаштә булһам да, үземден жөрәккә боз түшүб, зур кайғуға ғалдум. Аның өсөн бу беззен бадшаһыбыз бик ару бадша бит, бунын шикелте бадшанын башин жуғалтуы бик зур йазык булыр, йазаһы қасан булһа ла башыбызға түшәр тине. — Инде ни эштаик, буған башка сара

жук. Бадшанын үзинэ баруб бу эште баштан аяк һөйлөб, башыбызды һисүрмәген үтүнүрбез»,— тине. Икенсеһе: «Ошлай иткәнебез бик ошар, бер үк бүтән ибдаштәребезән нисүк итүб ғотолорбыз икән, китәнебезе һиззурмаинсә»,— тине. Без аларға әйтүрбез: «И, жарандар, әгәр ошо төндөн уртаһында ут сығарур булсак, инде эсүне таштаб безгә таралушу кәрәк, тиб,— һәр кайһыбыз ызмабызға кайтушуб киткән булырбыз». Шунан һуң сүздәрен беркетүб. кул тотоб, ызма эсенә инүб киттеләр. Ибдаштаринә әлегә һүзәе иблаб кнә айттилар. Алар да рази булдулар. Берүк түн жар ми йетмаһтан бурун бер-берһе илан үәғдә куйдулар: ултурға жиргә тағы ла жиулурға. Иһрекләре кайтаһы килмәнә. Бергә ултуруб, кызышыб, түн жарымынаса ибдаштарән көтөб, уахит уздурмакси булдылар. Төн уртаһында тағы ла жаңынан жиулуб билгүләгән каралдыларға ут һалуб, бадшаны аңныб, кулыбызға түшүрүб, үлтүрүрбез, тиб калдылар. Былар ибдаштарәнә бер зә тойдормайынса, иһсергән булуб, ызмаларыбызға кайтуб, бер аз жал итүб айкайык (айығайык — *В. П.*) тиб, сығыб киттеләр. Шунан һуң тура бадшанын үзинә баруб, килгәндәрен тейеште кишилардан белдүртүб, бадша хәзрәттәре белән күрүшүб, һөйләшәһе һүзәбез Сар тиб, әйттилар, Бадшаға баруб мәғлүм ителәр. Бадша ул сирүзән уафаһызылығын белүб, каршыһына килтүрмаинса, булардын гилгәндәренән сәбәбән һурашты. Алар бадшанан башка кеше белән һүзләшүр һүзәбез жук, тинеләр. Анан һуң батыр бадша алдағы бүлмәһенә сығыб күрүште. Бадшаны күргәс, йөз түбән жиғылуб, әйттилар: «Баш хәзрәтебез, һеззән алдығызда көнаһды (ғонаһлы — *В. П.*) булдук, зат шәрифегеззе үлтүрмәк қсднда булғайык. Әзәр зә ул уйыбыздан ғайтуб тәүбә иттүк. Рәхимне эсгегезгә килүб, көнаһыбызды мәғлүм итабәз, муйыныбызды хәзрәтегезгә табшүрдүк, үлтүрһәгез дә без рази. Бер үк беззән ибдаштарәбез бар. Аларзын барсаһы әзәр һукуникуфтын ызмаһына жиулушуб эсеб ултурадар. Төн уртаһында қаланын эсендә ут һалыб көйдөрөб, һеззе ут сыққан жиргә гилгән сакта үлтүрүрбез тиб, төндөн жарымын көтөб ултурадар»,— тинеләр. Бадша бу һүзде ишүтүб, хәбәр растығын ғайта-ғайта һораны. Алар ант эсүб әйттеләр: «Бадша, муйыныбыз һеззән кулығызза инде. Беззән белән теләһәгез ни эштәгез, бер үк әйткәнебеззән дөрестегән белмәк өсөн ышанысты бер кеше шунда сабтурыб, ни эштә торғандарын үзегез белеһенецәз, әзәр зә төн жарымынаса шунда бер-берһен эске белән һилаб ултурадар»,— тинеләр. Анан һуң батыр бадша ул ике кешене карауылға куйзы. Үзе бер бүлек һалдатлар әзәрдәтеб һәм аларға үзинән ышанысты синауниктарындан берәүһен йазған биурығы белән кушыб, бағанағы ызмаға төндөн ун беренсе һағәттә барырга қушты. Ул каралдыны қоршаб алыб шунда ултурған кешенән барсаһын тотоб бәйләб алығыз, тиб. Ул синауник бадшанын биуруғын кирәгенсә жиренә килтерзе. Бер үк батыр бадша жөрәгенә сыдай алмайынса, билгүлаган һағәтте онтоб, инде эш бөтөннәй бөткәнтәр тиб уйлаб, үзи йөри туған ике көбшәкте бер арбаһы бар икән, бер хезмәтсеһе белән шуған ултуруб, шунда ашуғыб

китте. Ул ғаралдыға караһа, урамда кеше күрмәгәс, абтурани. Һалтатарым ишек алдунда булмаһа, ызма эсендәдүр тиб, һис тә куркмаинса ишек алдына инеб, арбаһынан тушуб, ялғыз хезмәтсеге белән ызма эсенә инүб китте. Ултурған албауттар бадшанын капыл килгәнән ишетүб, коттары сығыб, абтурашуб калдылар. Батыр бадша һисен дә төсән үзгәртмәинсә жиын араһына инде. Алар шунтук һикерүп туруб бадшаға баш ороб, инкәйә биреб, муйынын һондолар. Бадша асык йүзи белән көлөмһә бите белән әйтте: «Урамдан үтүб бара инем, ызмағыздын тыҙандаһынан күп шәм уттар күрүб, ошонда йахшы ғунақдар бар ушай тиб уйланым да, шунан һуң кистен иртөлүген белгәс, буш кына өйөмә ғайтуб йаткансә, ызмағызға инүб, хөрмәтте ғунақтарығыз белән бер аз бергә ултурушуб, берәр тустак эсеб китәйем тиб, килгәйнем»,— тине. Анан һуң бадшаның бағанағы синауниге һуңға калған өсөн, бик ярһыб килеб ошо ғунақтарға бер зә һиззәрмәинсә, түргә узыб ултурды. Ул арала бер аз уахт үткәс, жиындағы кешеләр бадшаны коттаб, һаулығына эскиләр эсеб, бадша бер зә абтураманиса һәм төһөн бозмаинса алар белән әңгәмәләшкән булуб ултурған сакта, ғунақларзын берәүһе хужанын ғолағына килүб, уахыт житте, тиб шыбырланы. Бадша шуны ишетүб калды. Ызма әйәһе бер нәрсә белмәгән булуб: Жук әле, житмәгән»,— тине. Ул арала батыр бадша ултурғысындан тора килүб, бик шәб тауш белән һөрәннәб: «Атаңдын этенә һабкыры, һинең уахтың житмәгән булһа ла, минеке күбдән житте!» — тиб, һукуникуфтын сикәһенә һалуб әйде лабаһа, тегенен иһе китүб көлтәләй тәгәрәб китте. Ул уахтта бығанағы синауник кораллы һалтатары белән килеб житте. Аларды күрүб һөрәннәб: «Тиз, бы эттәрзе бәйләб-сырмаб куйығыз»,— тине. Үзгә минауат ғәдимлар йөзтүбән аяағына жиғылуб, безден көнасыбызды кисер, тиб иналдулар. Шунан һуң барсаһын берәм-берәм тутуб тырмыслаб таштанылар. Анан һуң батыр бадша бик асулануб, әлеге синауниккә әйләнүб тороб: «Ни өсөн һуңға ғалдуң?», — тиб, как маңғайына йоморок белән һалыб ебәргәс, күздәренән уттар сәселүб китте. Шунан һуң әлеге синауник йан токсаһынан биурук қағызын сығаруб, бадшаға күрһәтте, дәрст сықты. Бадша үзенең хатаһын күрүб, синаунигенен маңғаинан үбүб һөйөндө лә: «Һин минем ышанысты кешем икәнһен»,— тине. Анан һуң бәйләб куйған әлеге минауат кешеләрзе аға табшуруб, баструк эсенә индүрүб һалдырды. Анан һуңда һәр берәһенән йазығына күрә йахшы ғына йазаһын бирде.

РАССКАЗ О СМЕЛОМ ЦАРЕ

У смелого царя был один воин-стрелок. Однажды, узнав о неблагоприятных делах этого воина, смелый царь решил навсегда избавиться от него. Этот воин стал действовать против, а двое из военачальников, сговорившись между собой, собрали плутоватых и отчаянных людей и договорились вместе убить царя. У смелого царя была причуда: он поджигал постройки, находящиеся в центре

города. Сам (же) он приходил раньше всех и, помогая людям тушить пожар, сближался с ними таким образом. Те двое военачальников договорились с друзьями о времени, когда они под видом оказания помощи при тушении огня тайком отведут царя в темное место построек. Потом все они собрались в доме Хукуникова, там они целый день ели и пили всего вдоволь: и водку, и кислушку, и пиво. Так они веселились до (самой) ночи, играли в разные игры, рассказывали смешные истории, наполняли свои желудки и радовались тому, что достигнут своей цели: убьют царя. В это время двое из них, отступая от своих намерений, раскаивались, что стали участниками заговора против царя. Потом они осторожно вышли на улицу и пошли в укромное место. Один из них сказал: «Ой, дружище, мне что-то не по себе. Не знаю, чем кончится эта наша затея, чувствую, что пропадут наши головы. Лучше нам отказаться от этой затеи». Второй ему отвечает: «Правильно ты говоришь, я с тобой согласен». Первый ему: «Хотя я и последовал спьяну за товарищами в этом деле, лед у меня в сердце, я впал в тяжкое горе. Наш царь очень хороший ведь, и снять голову такого царя будет большим грехом, кара этого злодеяния коснется и наших голов. Что же делать? Нет другого пути, как отказаться (от этой затеи). Пойдем и расскажем подробно все самому царю, будем просить у него прощения». Второй (сказал): «Надо так и сделать, но как мы избавимся от своих друзей, как незаметно исчезнем?» — «Мы им скажем: «Эй, друзья, если решили поджечь сегодня ночью, то нужно нам бросить бражничать и разойтись по домам». И сделаем вид, будто мы расходимся по домам». Так они скрепили слово, ударили по рукам и зашли в дом. О своих намерениях осторожно рассказали товарищам. И те согласились. Договорились, что будут собираться к полуночи в этом же доме. Пьяные не хотели расходиться. Они решили сидеть до полуночи тут же, дожидаясь прихода своих товарищей. Их намерение было такое: собраться в полночь и поджечь отмеченные постройки, подстеречь царя и убить его. Те двое, притворившись пьяными, незаметно вышли и пошли домой под предлогом немного отдохнуть. Затем пошли они прямо к царю. Придя к нему, они дали знать о себе через кого нужно было это сделать и передали, что хотят видеть царя и сказать ему очень важное. Об этом сказали царю. Царь, зная неверность этих воинов и не допуская их к себе, спросил о цели их визита. Они сказали, что, кроме царя, не с кем им говорить. Потом царь вышел в переднюю комнату и поздоровался с ними. Как только они увидели царя, низко поклонились и сказали: «Наш государь, мы перед вами грешны, мы хотели убить вас. Теперь мы отказались от этого намерения и покаялись. Мы раскаиваемся, наша жизнь в вашей власти. У нас есть еще товарищи. Все они гуляют в избе Хукуникова. Они хотят в полночь поджечь в городе постройки (и), дождавшись полуночи, когда вы будете выходить, намерены убить вас там». Царь, услышав эти слова, переспросил их несколько раз, (чтобы удостовериться в правильности услышанного. Они поклялись перед

царем и сказали: «Царь, наша жизнь в ваших руках, делайте с нами, что хотите. Чтобы проверить верность наших слов, направьте своего преданного человека туда. Грешные все еще там гуляют и друг друга угощают».

Царь велел покараулить этих двух воинов, собрал солдат и отдал письменное распоряжение идти во главе со своим самым верным чиновником в тот дом в одиннадцатом часу ночи, окружить тот двор и связать всех находящихся там людей. Чиновник точно исполнял приказ царя. Смелый царь не вытерпел, забыв о назначенном времени, он решил, что все уже кончено, взял одного из слуг и поехал на своей колеснице в ту избу, где гуляли заговорщики. Царь удивился, что на улице вокруг дома никого нет. Подумав, что раз нет солдат во дворе, то они должны быть в доме, и со своим слугой смело вошел в дом. Сидевшие там заговорщики, услышав о внезапном появлении царя, перепугались. Смелый царь, не подавая никакого вида, прошел в их сборище. Они тут же встали и поклонились царю. Царь сказал приветливо: «Когда я шел по улице, увидел яркий свет в ваших окнах и подумал, что тут собрались дорогие гости, что еще время не такое уж позднее, и решил, чем так рано возвращаться домой, зайти, посидеть немного, выпить вместе со знатными гостями». Потом подошел тот чиновник, который остался с отделением солдат; он был сильно обеспокоен, что опоздал, и незаметно прошел в передний угол. Через некоторое время, когда люди выпили за здоровье царя, царь же сидел, делая вид, будто ничего не знает, охотно беседуя с гостями, один из гостей шепнул в ухо хозяину, что настало время. Царь услышал это. Хозяин дома, будто ничего не зная, ответил, что время еще не подошло! Между тем смелый царь встал со стула и громко крикнул: «Если твое время еще не наступило, то мое давно уже настало!» — и ударил Хукуникова; тот, потеряв сознание, свалился как сноп. Тут же подошел тот чиновник с вооруженными солдатами. Увидев их, царь приказал: «Быстро свяжите этих собак!» Те, кто считал себя виноватым, упав в ноги царя, умоляли, чтобы царь их простил. Потом каждого в отдельности связали. Смелый царь повернулся к чиновнику и сердито закричал на него: «Почему ты опоздал?!» — и ударил его в лоб (так, что) из его глаз посыпались искры. Затем чиновник, достав из своей боковой сумки приказ, показал его царю, он оказался прав. Царь, признав свою ошибку, поцеловал своего чиновника в лоб и с радостью сказал: «Ты верный мне человек!» Потом всех связанных провинившихся людей царь поручил ему, (и тот) бросил их в острог, а затем наказал каждого по мере его виновности.

РУКОПИСЬ БАИТА «БУРАНБАЙ»

Песня о юртовом старшине Буранбае Кутдусове, сосланном царскими властями в 1820 г. в ссылку, является одним из интересных произведений устного творчества башкирского народа. «Буранбай» популярна в народе и входит в золотой фонд музыкального фольклора.

Рукопись баята выявлена автором этих строк у Абдуллы Буранбаева, 1896 г. рождения, который был правнуком Буранбая*, во время комплексной экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР под руководством Р. Г. Кузеева в 1958 г. в д. Буранбай Баймакского района.

Буранбаев Абдулла рассказывал, что старшина Буранбай Кутдусов пользовался уважением, был справедлив и, защищая интересы народа, был осужден. Но Буранбай, скрываясь вместе с помощником Ибрагимом от властей, прожил год на сенокосных угодьях Узей (Узэй) у своих сыновей.

Согласно преданию, через год Буранбай уезжает в верховье Демы, где он снова женится и остается там до конца своих дней. Однако связи с родными он не терял.

По словам Абдуллы Буранбаева, байт был написан самим Буранбаем на огромной сосне, до сих пор называемой «Сосна беглеца» (Каскын карагайы). По пути к верховьям Демы Буранбай заехал в д. Ишбердино Кугарчинского района к своему другу Суфияну и якобы попросил, чтобы тот съездил и переписал его байт. Приехав и разыскав сосну, Суфиян списал байт. Спустя некоторое время к Суфияну поехал старший брат Абдуллы Фазуллы Буранбаев и переписал байт. Рукопись Фазуллы, скончавшегося в 1916 г., и хранил Абдулла Буранбаев до 1958 г. Фазуллы Буранбаев, который скончался примерно в 70—75 лет, родился в 40-х годах XIX столетия. К Суфияну он мог приехать примерно в 70-х годах в возрасте 30—40 лет. Следовательно, приблизительный возраст рукописи — 80—100 лет.

Байт написан на основе арабской графики на небольшом листе. Бумага сильно пожелтела и истлела от времени, сложена вчетверо, линии сгиба истерты и рассыпаются, некоторые слова неразборчивы. Рукопись баята состоит из 12 строф, начинается с общеизвестных песен о Буранбае, содержание которых указывает на то, что они приписаны позднее. В них говорится о ссылке Буранбая и его письмах на родину. Эти строфы являются, видимо, ранним вариантом песни. Затем идут 2 строфы лирического вступления (3—4 строфы), передающие переживания автора. Собственно байт начинается с 5 строфы. Все произведение состоит из трех самостоятельных частей, объединенных единой темой. Произведение, по всей вероятности, переписывалось, по меньшей мере, трижды: первый раз на сосне его написал сам автор, второй раз — Суфиян, который мог добавить две строфы (3 и 4), и третий раз — переписан Фазуллой Буранбаевым, чьей рукой, видимо, были добавлены первые два куплета народной песни.

С. Ф. Миржанова

* Полевые записи автора (Тетрадь № 5, с. 58—59. Диалектологический фонд сектора языка ИИЯЛ БФАН СССР).

طباق قند طماق آبی کماز بد را بنا پیش یار قنات عالمی
بدر نیا پیش مدکار آقا کیم مین دینکلی آستق تیر مین
بیر اقامت و یار راه دینکار اوه اکی لای قوری بیفرق
ایبباتقند مین تو سکنتم آنجی قند کبی بیج تشکلتانم
بیج ایسم صراحتی بد را بنا دینک بلو ستر
بالکاف نیک راه دینک کلدن طالعانه کیتما
کار بیج کاشده سگر بدرونه لیکر ضمت بلندنه
بیج ارماتم اسنده قاری تو شکان بیروانتم
ایرتان طروب قارامام قیلد دینک ییل ایسار
کلدن جفتی طوطیف کیم قو جیتیم مشول سکا
ایرتان طروب کیم بدلسه بدله بیج آل لورم
صافیر ویلان مدو بدوشه یوردی مکان دینک
بدر اقامت یار راه دینکار اوه اکی لای قوری بیفرق
ایبباتقند مین تو سکنتم آنجی قند کبی بیج تشکلتانم
بیج ایسم صراحتی بد را بنا دینک بلو ستر
بالکاف نیک راه دینک کلدن طالعانه کیتما
کار بیج کاشده سگر بدرونه لیکر ضمت بلندنه
بیج ارماتم اسنده قاری تو شکان بیروانتم
ایرتان طروب قارامام قیلد دینک ییل ایسار
کلدن جفتی طوطیف کیم قو جیتیم مشول سکا
ایرتان طروب کیم بدلسه بدله بیج آل لورم
صافیر ویلان مدو بدوشه یوردی مکان دینک

بدر اقامت یار قنات عالمی
بدر نیا پیش مدکار آقا کیم مین دینکلی آستق تیر مین
بیر اقامت و یار راه دینکار اوه اکی لای قوری بیفرق
ایبباتقند مین تو سکنتم آنجی قند کبی بیج تشکلتانم
بیج ایسم صراحتی بد را بنا دینک بلو ستر
بالکاف نیک راه دینک کلدن طالعانه کیتما
کار بیج کاشده سگر بدرونه لیکر ضمت بلندنه
بیج ارماتم اسنده قاری تو شکان بیروانتم
ایرتان طروب قارامام قیلد دینک ییل ایسار
کلدن جفتی طوطیف کیم قو جیتیم مشول سکا
ایرتان طروب کیم بدلسه بدله بیج آل لورم
صافیر ویلان مدو بدوشه یوردی مکان دینک

Транскрипция текста

1. Табак кына табак ак кағыз Буранбайның йазған хатлары
Буранбайның хаты дисәнез, йығлаб илай ауыл картлары
2. Буранбайның менгән аты кирмине дибенгеләй асты тирмине
Буранбай белән Ибраһим бастилингә китердәй ирмине
3. Без ағачлары йарған диләр ун икеләй төрли йафрақ
Алыб кына килүнез мин күрәйем алла кушканына түзәйем
4. Аббак кына минем төскенәм энже генә кебек бәнем тешкенәм
Дус-ишкенәм белмәй хәлемне фра фра йана эске заным
5. Бәнем исемем сурасаңыз Буранбай диб белүнез
Һәр уахытда йад итеб изгү доға килүнез.
6. Балкауникдан хөкм килде Талғалаға китмәгә
Ходайым йазған икән туғанлардан китмәгә
7. Тарих меңдә сигез йөз дә йегерменче йылында
Имде бәнем гәзиз башым китде кафр кулына
8. Бәнем ызмам эсендә калды түшәк йурғаным
Кайғулы булдым нә кылайым асыл атлы туғаным
9. Иртән тороб карасам кибладин йел исәр
Кала уғлан һә(м) Нәвшируан бәнем бәғрем шул үсәр
10. Хәләл жәфетем Тутиғошом васиатым шул сиңә
Балаларым йығлатмаңыз рәхмәт кылсун хак сиңә
11. Иртән тороб кич булса бағлу бәнем алларым
Китде этикәм Буранбай диб йығлашмаңыз балларым
12. Сакмар дигән сү буйында йөрдө микән бу башым
Бер холайдин үтенечем Хызыр улсүн йулдашым.

Перевод

1. Письма Буранбая — белой бумаги листы,
Вспоминая письма Буранбая, плачут заливаясь, старики.
2. Мухортая ли лошадь Буранбая, под потником потеет ли она?
Буранбаю с Ибрагимом за что каторжанина судьба дана?
3. Распустил, говорят, боярышник двенадцать листьев разных.
Вы принесите, я посмотрю, порелению бога я подчинюсь.
4. Белолицый я, словно жемчуг, зубы у меня.
Не знают моего состояния друзья: клубясь, горит душа моя.
5. Если спросите имя мое — знайте, Буранбай я.
Всякий раз, вспоминая, помолитесь за меня.
6. От полковника пришел приказ явиться в крепость Верхнеуральск
Богу, видимо, угодно было, чтоб расстался я с родными.

7. В год тысяча восемьсот двадцатый
Головушка моя бедная в руки неверных попала.
8. В избе моей постель моя осталась.
И в горе я, но что поделать, драгоценный брат мой.
9. Ветер дует с юга, вижу я, встав утром рано.
Душа полна моя оставшимися детьми и Навширваном.
10. Жена моя, ты Тутыйгуш моя, тебе одно лишь завещаю я:
Не обижай детей, да снизойдет к тебе за это милость праведная.
11. Днем и ночью связан я.
Не плачьте, дети, вспоминая, что нет отца Буранбая.
12. Неужели когда-то гулял я в долинах Сакмары реки?
Пусть бог даст пророка Ильяса мне в спутники.

ДОКУМЕНТЫ ГОСАРХИВА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ НА «ТЮРКИ»

Документы ГАОО на языке «тюрки» пока еще не привлекали внимания исследователей.

Ниже даются два документа на языке «тюрки», относящиеся к концу XVIII и началу XIX в. (фотокопия, транскрипция и перевод), которые извлечены из фонда № 6 «Канцелярия оренбургского генерал-губернатора» ГАОО. В источниках обнаруживаются черты языка «тюрки» Урало-Поволжья. Данные материалы публикуются впервые.

Р. Х. Халикова

№ 1

а) Прошение башкира из племени бурзян Верхне-Уральского округа Оренбургской губернии Йылкыбая сына Буранбека императору Александру I о разрешении вернуться на родину

19 января 1808 г.
ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 2445, л. 3. Подлинник.

Олоғ император падишаһ хэзрәтенә түбәнчелек илә фәзим|
Оренбурх губернасының Вирх Урал округының бөржән илүнең
башкорт Йылкыбай Буранбәк уғындан|

Кыладур кем икенче йәшүмдә икән заманда кыргыз-казаклар
угырлаб алуб анам берлә |икемезне, анамны шул ук заман сатуб
ебәрделәр. Бине асрадылар. Кәмилгә |еткәч, ике кәррә качуб то-
толғандин сун, каракалпакка саттылар. |Андин качуб Бохара еренә
бардум. Анда тордом. Өйләндем. Бәгдә сезнең |рәхимле указы-
ның ишетүб килүб, Рунбурхның ғраничнай көмисийәгә, мәғлүм|
булдым 18/0/6 йылда. Һәнүз бер төрле рәшениә күрсәтмәде.
Өч юлда|шум куркуб кабат кыргыз еренә качтылар. Бин синен

2072

no 9 ane surro Prol. B
19th Febr. 1808.

Ms. No. 100
ms. 100
ms. 100

الذخیر مطراہی شاہ حضرت توبان جو دل ایلی عزت
اور شہور کو برتا سکا فروری اور کفری شک بر جان ایلی کو شک استقامت
باقی با بولان بیگ
او گلداران

قیس در رام ایلی پانچویں ایلیان زمان فرغی لار او خراب آلب نام بر
ایلیان نامی شولورمان مرا توب بیر دیلا و بنی آفر و یلا و کاملاک
شکاک ایلی کفری تاجور تو تلفا نیرین شک قرا او باقیقہ مرا الطیر لار
اندرین تاجور ایلیان میرین باروم اند تو رصا اولان ذبح بقده شک
رحلی ایلیان شک استوب کیلوب رو بنو خولک غیر ایلیان کوسک معلوم
بولدیم ۸۶ ایلیان بنور بر تو رلی و شیب کو ر شہور ایلیان بولکوا
شوق تو ر توب قبات فرغی برین تاجور ایلیان شک حضرتینکا کیلوب
مرتاو شک رحمتک کو ر لار سارک ایرو حاتوقہ اولمہ ایلیان بولر صوم
ملاوین فرغی لار اولاب ایلیان فرما قیلسا ند ایلیان قنک کو بر ناظر ایلیان
آلب بر سب ایلیان سوب بلقی با

хэзрәтеңә килдүм. |Нәм нә олса рәхимезне күргәзсәңез ирде. Хатунумны, углымны, өч йөз сум |малумны кыргызлар талаб алдылар. Фарман кылсаңыз ирде. Военной губернатор анлар |алуб бирсә ирде диб Йылкыбай.

Великому императору, господину падишаху
от башкира [из] племени бурзян Верхне-Уральского округа
Оренбургской губернии Йылкыбая сына Буранбека с покорностью

[прошение]

Когда мне было два года, меня вместе с матерью похитили казахи; мать в то же время продали. Меня содержали. После того, как я стал совершеннолетним и дважды бежал, был пойман, меня [также] продали каракалпакам. Убежав [и] от них, пришел на бурхарские земли. Там жил. Женился. После того, как прослышал Ваш милосердный указ, я в 1806 году обратился в Оренбургскую пограничную комиссию. [Комиссия] все еще не дала никакого решения. Три моих товарища, испугавшись, снова бежали на казахские земли. Я [же] пришел к Вашему величеству. Окажите, пожалуйста, свою милость. Жену, сына (и) триста рублей моего состояния отобрали казахи. Дали бы указание, чтобы военный губернатор [посодействовал] вернуть их мне. Йылкыбай.

№ 2

б) Рапорт помощника кантонного начальника первого юрта 12-го кантона Теляккабула Якубова земскому исправнику А. М. Дерягину о проверке состояния дорог

14 июня 1832 г.

ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10364, л. 29, 31. Подлинник.

Безнең зимискуй гусбудин исбрауник Дирягин |хэзрәтләренә|
Бервай юртада 12-нче кантуннай бамушник Әй юртавой ыстаршына Теләккабул Яғкубулдан

Рабурт

Ушбу июннең первуй числасунда башкарғучи кантуннай начальникник сутник Ражабуф биңә язадур: үзе|нең башкурт участкаларун карарға нәм ике тарафда|ғ|ы| олоғ бучтавой юлларны. Ушбу июннең пирвуй числа|да ул...¹ чығуб карадум. Әммә һич бер кешеләр юк ирде. |Икенче кәррә карадукумда юртавой ыстаршына Фируз Касбулатуфның кәндесе |юлукунды. Июньнең 9 көнөндә. Әммә юл|ы| бозок, эшчеләр аз. Юртавуи |ыстаршына Рәхмәтулла Кансуяруфның командасы юлукунды. Июнь|нең| 10 көнөндә.

Одно слово неразборчиво.

N. 16. Monte 1872 vol 2

برزیل نام از کیم المیسلسی فو عبودیه اسمیرانته تیل و در رفیع
کافین تفسیر

بر فرق بود که در این کلمه که کلمه استخوانی نام است
بود که فرق است و کلمه نامی که یا تقویه او قدر

را بودی

او شد و بیرون که بر فرق و سال سوزنا باشقار فوجی
نقطه نهای تا چنانکه صوفی که را جب او یک بار بود و در
کتاب با شقوری او حسنا که روی تا از او یک بار بود
فخ او بود بوجله قوی بعد که در آن او شد و بیرون که
و اول که را که در آن جعفر تا را دوم اما که بر کشف بود
اینکه کثرت را و قوه بود قوه استوار فیر و تا صوفی و او فانی
بوی قوه استوار که گفته اما بوی بود استوار که آن بودی
استوار که در حق سمع بار او فانی که بوی قوه استوار
که گفته بود و قوه استوار که آن بودی قوه استوار
که گفته او فانی که در این استوار که بوی قوه استوار
نمایان او که گفته که بوی قوه استوار که گفته بودی

استیلا کرد آرد یورکا قوی استیلا کنند تا عبور از چهار دروازه ها نمایند
 یولو قونند ایسک ای گوندا یول بوروق استیلا سبب آن استیلا
 عبدالمجید اوفانگن کماندا یولو قونند ایسک کمانده اگونند یول
 بود و قایم ایسک استیلا کرد چسبک کنند بد اگونند او رنگ
 همگی استیلا کردی آنعب حاج تا تا آرد اوندک حاج بر استیلا
 گشوروی یول یورکا قونند استیلا شد عبدالمجید اوفانگن کماندا
 این یولو قونند ایسک اگونند یول بود و استیلا کردی آرد
 یورکا قوی استیلا کردی در شیب حاجیتا باشقا روغده عین الدین حاج
 درین زوی استیلا کردی یولو قونند اگونند او قور سینک استیلا
 سبب ایلان بارینه ایگ آرد ایسک قو لک یول لاری بود و حاجت
 از کونند با استیلا کردی کمانده معلوم اولدی ایسک ایسک یول
 یول بود ق استیلا کردی آن یورکا قوی استیلا شد عبدالمجید
 ایسک اوفانگن کماندا یولو قونند ایسک کمانده یول بود و حاجت
 بود کونند او قور الفان بود و ق استیلا کردی آن آرد
 او استیلا یول لاری گشت بود قلو قلو لاری سببک نیدر بود
 رتیب با و ایسک استیلا کردی آن کونند استیلا کردی عبور از
 با و عبور از آن در ایگاری قیامت را به طبع نیک و برینک اور قوی
 او استیلا را بود کمانده استیلا شد کمانده استیلا شد عبدالمجید
 استیلا شد کمانده استیلا شد او قور قلو قلو قوی ایسک ایسک
 سببک نیدر بود کمانده استیلا شد ایسک ایسک ایسک ایسک

Юл[ы] бозок, эшчеләре аз. Юртаууй ыстаршына Әфлә|ми (Әфләки? Әфләһи?) Кикуфның урнын башкарғучи сутник Зөлкәрнәй| Сөләймануфның командасы юлукунды. Июннең 11 көнөндә. Юл[ы]// [бозок] эшчеләр[e] аз. Юртаууй ыстаршына Касбуран Хамитуф командасы |юлукунды. Июн[нең] 9 көндә. Юл[ы]| бозок, эшчесе аз. Филман ыстаршына |Фәбделхәמידуфның командасы юлукунды. Июннең 10 көнөндә юл[ы] бозок. Яд идүлмеш эшчеләр числаның 12 көнөндә үрәтник |Жәмһү Мөхәммәдәмин эшчеләрен алуб качкан. Алар урунунда һич бер эшләр |кешеләре юк. Юртаууй ыстаршына Фәбделжәлил Рангулуф Уфа команда|сы юлукунды. Июнь 10 көнөндә. Юлы бозок, эшчеләре аз. |Юртаууй ыстаршына урнына вәжәбәт башкарғучи Финийәтдин ха|рунжа эшчеләре юлукунды. 10 көнөндә утуз сигез эшчесе илән барына — ике арбалары түлке. Юллары бузук. Мөхәммәдғәли ыстаршына |Мусабауф урнына башкарғучи командасы мәғлүм олды. Июннең 9 көнөндә. |Юлы бозок, эшчеләре аз. Юртаууй ыстаршына Фәбделвахит |Ясауф командасы юлукунды. Июннең 9 көнөндә. Юлы бозок, Әй|буйы күбере дә ауылған, бозок, эшчеләре аз. Әммә| ушбу юлларның бозоклоклары сәбәбле, недүр юкарыда яд иделмеш ыстаршыналарға кәррә эшчеләр сураб| яздум. Анлар инкәр кылды. Рабутник бермәделәр дәю. |Ушбу рабуртум раслыгына кантуннай бамушник 12-нче кантун |ыстаршына Теләккабул Яғкубуф кулум куйдум. 1832-нче йылда |июннең 14 көнөндә.

Нашему господину земскому исправнику господину Дерягину.

От кантонного помощника первого юрта 12 кантона юртового старшины [рода| Ай Якубова Теляккабула.

Рапорт

Сотник Ражапов, исполняющий обязанности начальника кантона, в первых числах сего июня пишет мне: в первых числах сего июня я осмотрел свои башкирские участки, а также участки, лежащие в обе стороны большой почтовой дороги. Однако [там] никого не было. Когда я второй раз осматривал, мне повстречался сам юртовой старшина Фируз Касбулатов. [Это было] 9 дня июня. Но дороги его разбитые, работников мало. Встретилась команда юртового старшины Рахматуллы Кансуярова. [Это было] 10 дня июня. Дорога разбитая, работников мало. Встретилась команда юртового старшины Афляка Киикова, обязанности которого исполняет сотник Зулькарнай Сулейманов. [Это было] 11 дня июня. Дорога разбитая, работников мало. Встретилась команда Касбурана Хамитова. [Это было] 9 дня июня. Дорога разбитая, работников мало. Встретилась команда старшины Гильмана Абдельхамидова. [Это было] 10 дня июня. Дорога плохая. 12 числа неизвестные рабочие, забрав работников урядника Жамхи Мухамедамина, бежали. Нет ни одного человека, который мог бы работать

вместо них. Встретилась уфимская команда юртового старшины Габдельжалиля Рангулова. [Это было] 10 дня июня. Дорога разбитая, работников [также] мало. Встретились работники хорунжего Гиниятдина; который исполняет обязанности юртового старшины. [Это было] 10 дня [июня месяца]. Со всеми тридцатью восемью работниками [у него] было только две арбы. Их дорога [также] разбитая. Стала известна команда Мухамедагали, исполняющего обязанности старшины Мусабаева. [Это было] 9 июня. Дорога его разбитая, работников [у него] мало. Встретилась команда юртового старшины Габдельвахитова Ясаева. [Это было] 9 дня июня. Дорога разбитая. И мост на реке Ай перекосялся, поломался. Работников у него мало. Причина, по которой дорога испорчена, [мною] выше упоминалась. Не раз обращался к старшинам, прося рабочих. Они [мою просьбу] отклонили, говоря, что нет работников.

О правильности этого рапорта поставил подпись помощник 12-го кантона Теляккабул Якубов.

1832 год, 14 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редколлегии	3
--------------------------	---

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. Н. Муратов (Ленинград). Из опыта описания тюркских рукописей (к вопросам о схеме и типах описаний, систематизации и каталогизации)	7
Т. М. Гарипов (Уфа). Транскрипция или транслитерация? (О принципах текстологического воспроизведения арабографичных источников на урало-поволжском «тюрки»)	21
Г. Ф. Благова (Москва). Лингвотекстология как подраздел текстологии	29
И. Г. Галяутдинов (Москва). Роль текстологии в лингвистическом анализе письменных памятников (на материале «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова)	41
Р. Х. Халикова (Уфа). Исторические документы как источник изучения башкирского языка	53
В. Х. Хаков (Казань). Кыпчакские письменные памятники как источник истории татарского языка	60
Ф. С. Хакимзянов (Казань). О приемах интерпретации болгарских эпиграфических текстов	67
М. А. Ахметов (Уфа). Орхоно-енисейские памятники и их отношение к современному башкирскому языку	75
Р. З. Шакуров (Уфа). «Отводная книга по Уфе» (1591, 1592—1626 гг.) как источник по топонимии Башкирии	84
А. А. Камалов (Уфа). «Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии» П. И. Рычкова — источник по ономастике Башкирии XVIII в.	89
Р. А. Каримова, Т. А. Кильдибекова (Уфа). Некоторые вопросы изучения лексики русского народно-разговорного языка XVII в.	93
З. Г. Ураксин (Уфа). «Инжил» как источник изучения истории башкирского языка	98
Л. Л. Аюпова (Уфа). Источники изучения русско-башкирских языковых контактов	104

ОБЗОРЫ

Л. Ф. Гаврикова (Ленинград). Личный архив чл.-кор. АН СССР А. К. Боровкова	111
--	-----

З. Г. Ураксин, С. М. Шингареева (Уфа). Обзор личного фонда врача и ученого-филолога М. А. Кулаева	115
М. Ф. Рахимкулова (Оренбург). Научное наследие Г. А. Айдарова	119

ПУБЛИКАЦИИ

«Таварих» — вариант рукописи «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялыгулова (подготовлена Галяутдиновым И. Г.)	123
«Батыр батшаның экиэте» — «Рассказ о смелом царе» Мир-Салиха Бекчурина (подготовлена Псянчиным В. Ш.)	139
Рукопись байта «Буранбай» (подготовлена Миржановой С. Ф.)	145
Документы Госархива Оренбургской области на «тюрки» (подготовлена Халиковой Р. Х.)	149

Академия наук СССР
Башкирский филиал
Институт истории, языка и литературы
АРХЕОГРАФИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ
ЮЖНОГО УРАЛА

Редактор Л. Н. Скальдина
Техн. редактор Ф. Г. Гайфуллин
Корректор Н. А. Лошадкина

Сдано в набор 15/II 1977 г. Подписано к печати 30/XI 1977 г. П02108. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Физ. печ. л. 10,0. Уч.—изд. л. 9,3. Заказ № 524. Тираж 500 экз. Цена 1р.17к.

Уфимский полиграфкомбинат Управления по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Совета Министров БАССР. Уфа—1, проспект Октября, 2.